ПИОНЕР

ДЕКАБРЬ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1958 год **12**

ВКУСНЫЙ БУДЕТ БОРЩ: ВСЕМ ЗВЕНОМ ВАРЯТ!

Художник Б. Игнатьев сделал эту зарисовку на сборе звена в 716-й школе г. Москвы.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

ВСЕГДА ГОТОВ!

Год издания 35-й.

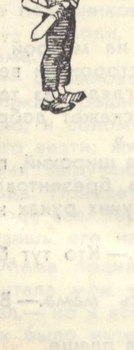

№ 12 1958 г.

В этом номере:

На вклейках:

На обложке:

Рисунок О. Траскиной «Здравствуй, зима!»

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Мои товарищи

Александр ГРЕКОВ

Рисунки Ф. Лемкуля.

1

Наконец-то приехали. Поезд, лязгнув буферами, остановился, и мама заторопилась к выходу.

— Живей, живей! — сказала мне она.— Поезд всего три минуты стоит. Да смотри не поскользнись на ступеньках.

— Сам знаю, не маленький...

Военный, который всю дорогу играл со мной в шашки и проигрывал (мне его под конец даже жалко стало), помог выгрузить наши чемоданы на платформу. Он пожал мне руку и сказал:

— Ну, прощай, орел. Встретимся еще раз — сразимся.

Скрипнули тормоза, мимо нас поплыли светлые четырехугольники окон. Военный, стоя у открытой двери, махал нам рукой. Высокий, широкоплечий, с веселыми, быстрыми глазами, он немного похож на моего отца. Папа мой тоже военный, пограничник. Мы жили с ним возле самой границы, в Западной Белоруссии. Я тогда был совсем маленький, в школу еще не ходил. Но отец иногда брал меня с собой на границу, и я видел полосатые столбы с гербом, видел часовых в зеленых фуражках, с ружьями в руках, видел и «заграницу» — чужую землю, на которой паслись такие же коровы, как и на нашей, росли такие же деревья, стояли такие же хатки. Но на этой земле, как говорил мне отец, жили буржуи, они угнетали трудовой народ, и часовые с ружьями стояли для того, чтобы буржуи не могли пробраться на нашу землю.

Однажды летом мы поехали с мамой в гости к бабушке, которая жила в Рязани, и уже в дороге узнали, что началась война. Я сказал маме: «Поедем к папе. Мы ему поможем воевать». Но мама заплакала и сказала, что я ничего не понимаю. Бабушка, встретив нас, обняла меня и тоже заплакала.

Помню, мама все ожидала какого-то письма. Она часто ходила на почту и возвращалась оттуда усталая, с пустыми руками. Письмо первым получил я, встретив на дороге почтальона. Оно было в таком красивом конверте. Я бегом отнес его маме, она дрожащими руками надорвала красивый конверт и вынула оттуда маленькую, узкую бумажку, на которой было что-то напечатано книжными буквами. Она прочитала, и лицо ее сделалось бледным, как мел. Потом я много раз видел, как мама с бабушкой вместе читали и перечитывали эту бумажку, и бабушка, утешая маму, говорила: «Ничего, даст бог, он жив. Видишь, тут написано: «В списках убитых, раненых и пропавших без вести не числится».

Бабушка все повторяла, что папа обязательно вернется, и я верил ей больше, чем соседям, которые гладили меня по голове и называли «бедным сироткой». Никакой я не сиротка, папа мой жив! Может, в этих списках что-нибудь напутали!

Кончилась война. Мама с бабушкой каждый день ходили на вокзал — встречать поезда с солдатами, ехавшими с фронта. Но папы все не было. «Вернется, вернется»,— говорила бабушка.

Так она и умерла, повторяя эти слова.

Она умерла через несколько месяцев после конца войны. Мама решила переехать в деревню: там, говорила она, воздух чистый, природа замечательная и я сразу перестану кашлять, как только дохну этого воздуха. Ну, что ж, в деревню так в деревню. Но я все-таки просил маму, чтобы она оставила соседям наш новый адрес на случай, если папа вернется.

И вот мы в Звереве.

Поезд ушел, а мы остались одни на мокрой от дождя платформе. Я поглядывал по сторонам: ведь станция называлась Зверево, того и гляди, из темноты вынырнет медведь или волк и скажет добродушно, как в сказке: «А я вас съем...»

Но из темноты вынырнул не зверь, а широкий, похожий на ходячую копну мужчина в брезентовом плаще и с кнутом, который в его могучих руках казался игрушечным.

— Я извиняюсь,— хрипло сказал он.— Кто тут будет новоприбывшая учительница?

— Это я! — радостно встрепенулась мама.— Вас послали за мной?

— Так точно,— пробубнил мужчина в плаще.

— Ну, вот и хорошо! А я уже подумала, что вы не получили моей телеграммы.

— Телеграммы не получаем, а сказано везти — везем. Вещи-то ваши? Ну, поехали!

Он подхватил оба наших чемодана, словно они были пустые, и широко зашагал к вокзалу, разбрызгивая лужи своими сапожищами. Мы прошли через маленький зал ожидания, в котором, скорчившись на лавках, спало несколько пассажиров, спустились по скрипучим ступенькам и сразу попали в какое-то болото. Вокруг было так темно, что, казалось, можно было потрогать темноту руками. Вода хлюпала под

ногами, вода лилась сверху. Мы на минуту потеряли из виду человека в плаще.

Но вот из темноты послышался его голос:

— Тпру-у! Побалуй у меня!.. Давайте сюда! Да стой ты, проклятущая!

Мы шли, как слепые, на голос дядьки, пока не наткнулись на дрожки, запряженные понурой лошаденкой. На дрожках уже возвышался наш новый знакомый и лежали чемоданы.

— Уселись? — спросил возница.— Ну, теперь, значит, держитесь... Н-н-н-о-о-о, резвая! — завопил он устрашающе.

Ему пришлось еще несколько раз напомнить лошаденке, что она резвая, пока наконец дрожки с великим шумом и скрипом не двинулись в путь.

— Что, разве деревня далеко от станции? — спросила мама.

— Километра три будет.

— Мы в школу едем?

— До школы отсюда семь километров. На поезде ездить. А сейчас я вас на квартиру доставлю.

Казалось, мы плывем по темной подземной реке. По сторонам мерцали редкие огоньки. Сырой ветер проникал под пальто, выдувал остатки сна. Дрожки клонились то вправо, то влево, жалобно скрипели, словно рассказывая длинную и скучную историю своей жизни.

— Н-н-о, пташка залетная! Н-н-о, чучела заморская! — покрикивал возница на лошадь. Видно, ему доставляло удовольствие давать ей каждый раз новые имена.

— Вы тоже в школе работаете? — спросила его мама.

— Чего-о-о? — подозрительно переспросил дядька.— Нет, мы сами себе хозяева. Извозчики мы.

— А много вас? — поинтересовался я.

— Кого нас: извозчиков аль Трешниковых? Трешниковых у нас полсела, только я один и остался извозчик. Работал со мной старший братан, Тимофей, так он теперь на железную дорогу подался, начальником заделался. А мне, видно, с Сивкой своей век доживать. Люблю это дело! Правда, заработки нынче пошли плохие: машин много развелось. Все больше покойников приходится возить...

— Господи, каких еще покойников? — испугалась мама.

— Обыкновенных, которые усопши,— мирно продолжал Трешников.— Да вы не пугайтесь, я дрожки мою, и соломка на них свежая. Как же, понимаем, кого везти: живого аль мертвого... Вот еще учителя меня выручают. Возить их часто приходится туда-сюда. Приедет на работу — везешь его со станции вроде вас. Через месяц — другой рассчитался, опять везешь его на станцию.

Мама подняла мне воротник пальто, поплотней укутала мои уши — это, наверное, чтоб я не слышал,— но я все равно незаметно отвернул воротник, так было интересно все, о чем рассказывал дядя Трешников.

— Почему же учителя отсюда уезжают? — спросила мама.

— Не знаю. Дух им здешний, что ли, не нравится. Панька, сынок мой, в школе учится, так говорит: не успеешь узнать толком, как учителя по имени-отчеству зовут, и уже готово — укатил! Пятая вы будете за этот год.

— Да что вы говорите! А мне говорили, что здесь хорошо, природа чудесная, село большое, культурное. У меня, знаете ли, мальчик болезненный, врачи рекомендовали его перевезти в деревню.

— Ну, раз врачи сказали — значит, все... Врачи — они дело знают. Вот я месяц чирьем маялся, напал, проклятый,— ни встать, ни сесть! Я его и травами и мазями всякими, а он только больше пухнет. Пошел к доктору, говорю: «Дайте лекарство какое-нибудь внутрь, только, ради бога, не режьте, потому как к нему прикоснуться нельзя». Доктор поправляет свои очки, закатывает рукава. «А ну,— говорит,— покажи». И даже охнуть я не успел, он р-раз ножичком — и нет моего чирья! Вот что значит наука! Хороший у нас доктор — Иван Иванович Хрусталев, пятьдесят лет в нашем селе работает. А учителя что-то не приживаются. А чего плохого в нашем селе? Только название страшное: Зверево, а посмотреть — такие же люди живут...

— А звери тут водятся? — не вытерпел я.

— Нет, милый, зверей у нас нет,— сказал Трешников, подумав.— Это раньше, когда кругом леса были, волки, бывало, зимой к самым избам подходили. Помню, мальчонком был вроде тебя, чуть стемнеет — на улицу боялся нос показать. Кругом волчьи глаза светятся заместо электричества. Поэтому и село наше прозвали «Зверево». Теперь леса повырубили и зверей уже нет. Одно название осталось.

Так за разговором, незаметно мы въехали в большое село. По обеим сторонам дороги потянулись бревенчатые избы. Наверное, все уже спали, только в редких окнах светились огни. Внезапно ряд изб оборвался, и мы выехали на широкую площадь, посреди которой стоял одноэтажный серый дом под железной крышей и с широкими окнами. Около крыльца Трешников осадил лошадь и сказал, почему-то вздохнув:

— А вот и ваша квартира.

— Хороший дом,— сказала мама.

— Хороший-то он хороший, а все-таки лучше бы вам на частную. Ну, да ладно, сами разберетесь...

Может, в этом доме водятся привидения и дядя Трешников не решается нам об этом сказать? Я вспомнил все, что мне приходилось до этого читать о привидениях. Да, очень интересно будет жить в таком доме!

2

Дверь открыла заспанная женщина в темном платке.

— Приехали, значит,— сказала она мягким от сна голосом.— Ну, с приездом вас!

Она долго звенела ключами, открывая неподатливую дверь, выходящую в темный коридор, и, когда распахнула ее, в нос ударило чем-то кислым. Мы вошли в холодное, гулкое помещение.

— Осторожно, не споткнитесь, тут картошка сложена,— сказала женщина.

Потом она зажгла спичку и начала опасливо шарить рукой по стенке. Наконец она нащупала два провода и соединила их. Под потолком вспыхнула маленькая, тусклая лампочка.

Мы увидели свое новое жилье. Это была большая пустая комната с двумя высокими и широкими, как в магазинах, окнами, прикрытыми вместо занавесок пожелтевшими газетами. В окнах не хватало стекол, и газеты шевелились, шуршали от ветра, словно приветствовали нас. И хотя здесь была русская печка с лежанкой и полукруглым темным устьем, похожая на великанью голову, в комнате казалось холоднее, чем на улице. Почти у самого входа высились две горы — одна из капусты, другая из картошки.

— Да это склад какой-то! — сказала мама.

— Точно, склад,— легко согласилась женщина, оказавшаяся сторожихой.— Тут директор школы, Кор-

кин, продукты свои держит, когда никто не живет. Запасливый мужик, пять огородов имеет. Я завтра все это хозяйство в сарай свалю, не беспокойтесь.

— Может, нам не эта квартира предназначена?

— Эта самая. Кто из новых учителей приезжает — их сейчас же сюда. Продержится, бедняга, месяц или два, а потом либо уезжает, либо на частную квартиру переходит. Не любит наш директор приезжих.

— Ставить чемоданы или обратно на вокзал поедем? — спросил до сих пор молчавший Трешников.

— Да куда же ехать? Ставьте! — сказала мама.— Завтра разберемся, что и как.

— Вот и правильно,— подхватила сторожиха,— утро вечера мудренее. Я вам сейчас печечку затоплю, матрасик принесу, кипяточку.

Она говорила с нами, как говорят с больными и маленькими, когда хотят их заставить принять горькое лекарство.

Сторожиха ушла, а Трешников все топтался вокруг чемоданов, как будто что-то искал.

— Ах, да! — спохватилась мама и потянулась к сумочке.— Я забыла вам заплатить!

Трешников посмотрел на протянутые деньги, почесал затылок и вдруг, ни слова не говоря, повернулся и вышел, тяжело грохая сапогами.

— Н-н-н-о-о, резвая! — послышался под окном его могучий голос.

— Какой странный человек,— сказала мама.— Очень странный...

Сторожиха принесла пузатый медный чайник с кипятком, матрас и горстку леденцов в бумажке. Пока мы пили кипяток, она растапливала печку и без умолку говорила. Звали ее Феклой Андреевной, но просила она звать себя попросту — Феклушей. Оказывается, в этом же здании рядом с нами находится типография районной газеты, где два раза в неделю печатают газету. В этой типографии работает наборщиком муж Феклуши, и Феклуша тоже там работает сторожихой и уборщицей.

— Так, значит, вы к школе не имеете никакого отношения? — спросила мама.— Простите, а мы вас заставили печку топить, пьем ваш чай.

В первый и последний раз я увидел, как Феклуша всерьез рассердилась:

— Это как понять — «заставили»? Да меня, хоть убей, ничего не заставишь делать, если сама не захочу... Русские люди ведь мы.— добавила она уже потише,— обычай у нас такой: гостей встречать чем богаты... Вы сами из каких мест-то будете?

Мама стала рассказывать, а я залез на лежанку и заснул с мыслью о том, как все вокруг хорошо и интересно...

3

Я проспал, наверное, очень долго, потому что, когда открыл глаза, в окна уже заглядывало веселое солнце, а мамы дома не было. На столе стояло что-то прикрытое теплой кофтой и лежала записка: «Я уехала в школу. Ешь вареную картошку и пей чай (под кофтой). Не забудь умыться, вода в ведре. Никуда не убегать и квартиры не бросать. Мама».

Мне стало обидно, что меня сегодня не взяли в школу и я не смог прокатиться на поезде. Картошка была сухая и никак не лезла в горло, чай чересчур горячий. Поэтому, съев две конфеты, я закончил свой завтрак и выскочил во двор.

Ого, как сверкает сегодня солнце! Небо синее-синее, с белыми кудрявыми облачками. Как будто сейчас не осень, а лето, только холодновато немножко. Прямо перед порогом дома большая лужа, и по ней пробегает легкая рябь. Здесь можно будет пускать кораблики.

Дом наш стоит посреди просторной площади, окруженной бревенчатыми избами. Он похож на букву «Г», сложенную из красного кирпича. Окна большие, квадратные, с мутными, отливающими радугой стеклами. В длинном конце буквы — типография, там окна прикрыты железными решетками, и, если подтянуться на руках, ухватившись за эти прутья, можно видеть стоящие внутри машины и ящики со свинцовыми литерами.

В коротком конце здания, кроме нашей квартиры, были еще две. В одной жила сторожиха. Выйдя на крыльцо с ведром, она дружески кивнула мне головой и спросила: «Проснулся, отец мой?»,— хотя я ей вовсе не отец. А в другой жили тоже какие-то люди. Я увидел в окне только какую-то девчонку с двумя белыми косичками, похожими на крысиные хвостики. Расплющив на стекле нос, она нахально смотрела на меня и, когда я ей погрозил кулаком, показала мне язык и скрылась за занавеской. Ну, погоди, я с тобой рассчитаюсь!

В этот день я сделал великое открытие. Пошвыривая ногой камешки под окнами типографии, я вдруг обнаружил на земле какие-то маленькие серые палочки. Ура! Это были настоящие типографские буковки! Прижав одну из таких палочек к ладони, я получил ясный отпечаток буквы «К». Вскоре я набрал около десятка свинцовых букв. Пожалуй, если дело и дальше пойдет так удачно, можно будет устроить дома свою маленькую типографию и выпускать газету! Редактором, наборщиком и главным корреспондентом буду я, а читателем мама. Очень довольный находкой, я вернулся домой, наскреб в печке немного сажи, взял лист чистой бумаги и, макая литеры в сажу, попробовал тискать буквы. Это оказалось не таким простым делом. Сажа размазывалась по бумаге, буквы не хотели получаться. Я пыхтел, как паровоз, по лбу катился пот, я его время от времени вытирал рукой и продолжал трудиться.

За этим занятием меня и застала Феклуша, которая незаметно вошла в комнату и заглянула через мое плечо. Я обернулся и увидел над собой доброе румяное лицо, которое вдруг испуганно вытянулось.

— А, батюшки! — сказала Феклуша.— Да на кого же ты похож?

Она тоненько захохотала и замахала на меня руками, словно я был не человеком, а мухой.

— Ой, уморил! — приговаривала Феклуша.— Ой, смертынька моя пришла! Глянь-то хоть на себя!

Она вынула из кармана передника круглое зеркальце и сунула мне его под нос, не переставая хохотать. Я взглянул и увидел настоящего черта, каким его рисуют на картинках к гоголевской «Ночи перед Рождеством»: лицо потное, все в грязных полосах сажи, вихры торчат в разные стороны, как рога. Я сам бы, конечно, засмеялся, если бы передо мной в таком виде показался какой-нибудь мой приятель, но тут было не до смеха.

— И нечего смеяться,— сказал я, пытаясь вытереть сажу рукавом.— Чего тут смешного? Если хотите знать, шахтеры, когда из шахты выходят, еще чернее бывают, и то ничего. А вам, наверное, только палец покажи, как вы сразу: ха-ха да ха-ха.

Тут Феклуша перестала смеяться, вытерла кончиком платка проступившие на глазах слезы и сказала:

— А и озорник ты, отец мой, хоть и тихоньким кажешься... Шахтеры! Сравнил! Шахтеры — народ рабочий, они уголь добывают, а ты только дурь свою тешишь. Заместо того, чтобы сажей-то мазаться, помог бы мне комнату прибрать. Матушка при-

Маленький паровозик-кукушка кричал тонким, задорным голосом: «Уйду-у-у! Уйду-у-у!»

дет, посмотрит — и приятно ей станет, что в квартире порядок.

Я хотел возразить, что занят важным делом: не просто сажей мажусь, а журнал печатаю,— но Феклуша так взяла меня в работу, что я не успел и слова пикнуть. Прежде всего она заставила меня умыться. Потом мы с ней таскали в плетеной корзинке овощи в сарай, подметали, мыли, чистили и скребли квартиру, заколачивали фанерой разбитое окно.

— Вот так! Вот так! — азартно приговаривала Феклуша, соскребывая ножом грязь с пола.— А сажей перемазаться каждый дурак может.

На этот раз я с ней был согласен.

— Фекла! — послышался за дверью басовитый мужской голос.— Где ты есть?

— Пришел...— сказала Фекла, разгибаясь. Она еще больше разрумянилась от работы, на лбу у нее застыли бисеринки пота.— Это муженек мой обедать заявился... Здесь я! Заходи, Алексеич!

Алексеич, плотный, коренастый мужчина лет сорока, с висячими усами и маленькими хитроватыми глазками, вошел, потоптался у порога, вытирая ноги о брошенную Феклой тряпку.

— «В полном разгаре страда деревенская...» — заговорил он вдруг стихами.— А когда обедать будем, хозяйка?

— Подождешь, не помрешь! — шутливо отмахнулась Феклуша.— Не видишь, заняты?

— Вот так всегда: подожди да подожди!— сказал обиженно Алексеич, хотя лицо у него вовсе не было обиженным, а глаза смеялись.— Строга у меня хозяйка, верно? — Это он обратился ко мне.— Ну, давай знакомиться, сосед. Петров я, зовут Петром, а сын Алексеев. Петр Алексеевич, значит.

А я тоже Алексеевич! А вообще Сашей зовут.

— Смотри, пожалуйста! Мы с тобой вроде родственников: наши отцы тезками друг дружке доводятся. Очень приятно, Саша Алексеевич!

И он протянул мне свою большую, узловатую руку, которая мне показалась железной: она была темной и блестела, как металл.

— Давай помогай! — сказала Феклуша.— Нечего прохлаждаться!

Петр Алексеич живо засучил рукава, и мы втроем закончили работу в два счета.

— Вместе, говорят, и батьку хорошо бить,— сказал Алексеич, оглядывая нашу помолодевшую квартиру. Он закурил свою короткую черную трубочку, присел на стул.— А вообще-то,— покачал он головой,— зимой тут холодненько будет: окна разбиты, в дверях щели — собака пролезет. Забота об учителях называется,— добавил он вполголоса.— И о чем только этот Коркин думает?

После ухода Феклуши и Алексеича я доел, на этот раз с большим аппетитом, оставшуюся с утра картошку. Потом затеял бой с воображаемым врагом, размахивая, словно мечом, вешалкой от маминого платья. Утомившись от многочисленных подвигов, залез на печку и, глядя на потолок, покрытый трещинами и желтыми разводами от сырости, находил там изображения птиц, зверей, человеческие лица. Так незаметно для себя я и уснул.

Мне снилось, что я сижу на берегу большого спокойного озера и ловлю удочкой рыбу. Вода гладкая и прозрачная, как стекло. Видно, как проплывают стаи рыбок, шевеля маленькими хвостиками, но ни одна из них не берет моей приманки. Я уже начинаю злиться, как вдруг вижу большую рыбу с человечьей головой. Я вглядываюсь: да это же та самая девчонка, которая смотрела на меня в окно! И косы у нее похожи на крысиные хвостики. Она подплывает к водяной поверхности так близко, что нос у нее расплющивается. «Я морская царевна»,— говорит она и показывает мне язык. Потом оказывается, что это вовсе не озеро, а море. Большие лохматые волны с ревом накатываются на берег, и вот из волн, словно тридцать богатырей, выходят Степаны Грешниковы в брезентовых плащах. «Извозчики мы»,— говорят они, размахивая кнутами. Я бегу прочь от берега, а волны гонятся за мной и лают, как собаки. Вот волна накрывает меня с головой, но мне почему-то не холодно, а, наоборот, становится тепло и хорошо.

Я проснулся и увидел над собой мамино лицо, такое родное, знакомое до самой маленькой морщинки на виске, до круглой родинки на верхней губе. Мама накрывала меня своей шубой, отчего мне стало так тепло и приятно.

Я прижался к ее руке.

— Спи, спи,— сказала она,— спи, мой хлопотун.

Все здание содрогалось от какого-то глухого, могучего шума.

— Что это гудит? Море? — спросил я.

— Ну какое же море, глупышка! Это типография газету печатает.

— А хорошо у нас? Это мы с Феклушей убирали. И Алексеич нам помогал.

— Хорошо, очень хорошо. Спи, родной.

Я заснул и до утра уже никаких снов не видел.

4

Меня приняли в четвертый класс «Б», и я должен явиться на занятия.

Еще с вечера я приготовил книжки и тетради, уложил их в ранец, изрядно потрепанный в боях (ранец, если хотите знать,— прекрасное оружие: держа его за лямки, можно отбиваться от целой кучи врагов).

Мы очень торопились на станцию, чтобы не опоздать на рабочий поезд, который по-смешному назывался «малашкой».

Маленький паровозик-кукушка кричал нам издали тонким, задорным голосом:

— Уйду-у-у! Уйду-у-у!

К нему было прицеплено всего четыре вагона. Мама пошла в передний, служебный, в котором ехали учителя, а я влез в первый попавшийся.

Открыв дверь, я так и застыл на пороге, не решаясь войти. Вокруг все гудело, свистело, прыгало, кричало, гикало. Какой-то мальчишка, увлеченный схваткой со своим товарищем, чуть не сбил меня с ног. Парнишка с пухлыми, как пышки, щеками стоял на лавке и, малиновый от натуги, кричал так, что в ушах звенело:

— Ур-р-ра-а-а!!!

Только девочки чинно сидели отдельной группой и осуждающе посматривали на беснующихся мальчишек.

На меня никто даже внимания не обратил. Я присел на краешек скамейки, той самой, на которой стоял орущий толстяк. Приходилось зажимать ладонями уши, чтоб не оглохнуть.

Мой сосед вдруг перестал кричать, присел рядом со мной и участливо спросил:

— Ты что, больной?

— Нет. А что?

— Ничего. Квелый ты какой-то: сидишь тихо и за голову держишься.

Я не знал, что значит «квелый», но на всякий случай сказал:

— Сам ты квелый.

— Я?! — искренне удивился мальчишка.— Да ты что? Пощупай-ка мускулы.

Он протянул мне руку, согнутую в локте, и я из вежливости потрогал ее повыше локтя.

— Ну, как? — спросил мой сосед.

— Ничего,— уклончиво ответил я, потому что действительно ничего, кроме рукава, не нащупал.

— То-то! — хвастливо сказал мальчишка, поняв меня по-своему.— Я любого в классе могу на одну руку вызвать. На один мизинец! Если кто будет к тебе лезть, скажи. Отдую так, что своих не узнает. Ты ведь новенький? А в каком классе будешь учиться?

Оказалось, что и он из четвертого класса «Б», зовут его Федей Палкиным, что уроков он никогда не учит, а отвечает лучше всех. Учительница у них в этом году молодая и очень строгая. Исключительно из-за ее плохого характера и вечных придирок Федя схватил две двойки подряд, но сегодня он обязательно их исправит.

Все это мой знакомый выпалил залпом.

— Ты грамматику знаешь? — вдруг спросил он меня. И, не дожидаясь ответа, предложил: — А ну, скажи, что такое глагол? Ага, не знаешь! — торжествующе завопил он, хотя я и рта не успел раскрыть.— Ну, так слушай: глагол — часть речи, упал мужик с печи, ударился об пол, и получился глагол.

Я засмеялся. Этот глупый стишок я слышал давно, мне просто было смешно, с каким торжеством выпалил его Федя Палкин.

— Здорово! — сказал я, чтобы не обидеть нового приятеля.— А почему ты так орал, когда я вошел?

— Орал? Ничего подобного... Я просто «ура» кричал от радости.

— Что за радость?

— Ты разве не знаешь? — Федя вытаращил на меня глаза.— Да ведь Ванюшка наш вернулся! С переподготовки!

Я не успел спросить, кто такой Ванюшка, с какой он переподготовки вернулся и почему так нужно веселиться по этому поводу, потому что мой сосед снова, словно подброшенный пружиной, вскочил на лавку и заголосил свое «ура», которое подхватил еще с десяток голосов.

Тут в вагон вошел хмурый проводник со светлой, похожей на мочалку бородкой. Он накинулся на Палкина:

— Эт-то что такое? Эт-то почему такое ты по лавке ногами шлендраешь? А ну, слазь!

Голос проводника мне показался удивительно знакомым. Ба, да это же извозчик Степан, который вез нас со станции! Я уже хотел было с ним поздороваться, но тут вспомнил, что у Степана не было бородки. А может, он нарочно приклеил ее?

Проводник, ворча, вытирал лавку тряпкой. Я спросил:

— Вас не Степаном зовут, дядя?

Тот удивленно посмотрел на меня, потом улыбнулся и сказал:

— Не, меня Тимофеем зовут, а Степан — это мой брательник. А что, похож на него?

Я кивнул головой.

— Похож, только без кнута.

— А надо было кнут вот на таких озорников, которые лавки пачкают...

И ушел, сердито шаркая сапогами.

Поезд наконец тронулся. Мимо окон поплыли пристанционные постройки, голые ветлы с вороньими гнездами, серые телеграфные столбы с белыми чашечками изоляторов.

Все ребята, которые были в вагоне, запели:

Раз, два, три! Пионеры мы!
Мы фашистов не боимся, пойдем на штыки!

Пели даже девчонки, хотя я очень сомневаюсь, чтобы эти пискухи, которые даже мыши боятся, пошли бы в атаку на врага. Посмотрел бы я на них!

Я тоже пел вместе со всеми, да так громко, что под конец охрип.

5

Поезд остановился, и ребята, как горох, посыпались из вагонов.

Вот она и школа, большая, двухэтажная, с палисадником и двумя гипсовыми фигурами у входа — пионера и пионерки. Пионер трубил в горн: тра-та-ра-ра-ра! — а пионерка отдавала салют. Вокруг школы расстилалось чистое поле, только несколько красных кирпичных домиков стояло около нее, в них жили железнодорожники.

Еще в поезде Федька предложил мне сесть с ним за одну парту.

— Я сейчас один сижу,— объяснил он.— Меня Елена Дмитриевна от других отсадила, чтоб никто у меня не списывал.

— Шам шпишываешь, потому и отшадили,— сказал сидевший напротив мальчишка в больших рыжих валенках, с лицом, забрызганным веснушками. Он жевал в это время хлеб, поэтому говорил невнятно.

— Молчи, Коза! — закричал на него Федька.— У тебя, что ли, списываю?

— У вшех,— невозмутимо ответил парнишка.— И у новенького шпишывать будешь...

Я все же сел рядом с Палкиным, потому что это был пока что единственный мой приятель в классе.

Место мое было на самой задней парте, возле окна. В классе было довольно холодно, из окна здорово дуло. Все сидели в пальто и шубах, один я разделся и повесил пальто на вешалку у входа в класс. Так у нас было заведено в школе, где я до этого учился. Я сразу замерз, но идти за пальто было уже поздно: в класс вошла учительница.

Она была совсем непохожа на нашу старенькую Марью Михайловну. Марья Михайловна седая, без очков ничего не видит, а эта — молодая, с золотистыми косами, уложенными венчиком вокруг головы. У Марьи Михайловны голос тихий, какой-то надтреснутый и глаза добрые даже тогда, когда она за что-нибудь пробирает, а у новой учительницы голос звонкий, а глаза большие, суровые.

Вот она открыла журнал и начала перекличку.

— Здесь! Тут! — на разные голоса откликались ребята.

Приближалась моя буква. Я весь подобрался, чтобы лихо, по-военному отчеканить «Я!», как учил меня отец.

— Коза Иван,— вызывала учительница.

— Я тут,— сказал веснушчатый парень в валенках. Оказывается, у него действительно такая фамилия! А я думал, что Федька со зла его обозвал Козой.

— Курочкина Наталья... Ларионов Михаил...— продолжала учительница.

Вот-те раз! Моя буква прошла, а меня все не вызывают. Может, я попал не в тот класс?

Но вот учительница закрыла журнал и посмотрела на меня своими большими светлыми глазами. «Сейчас скажет: «Посторонних прошу удалиться»,— подумал я, но учительница улыбнулась и сказала:

— А у нас сегодня новенький. Его еще не успели внести в журнал. Ну-ка, встань, покажись классу. Как тебя зовут, откуда приехал?

Я пошевелил губами, но из горла вместо слов вырвался какой-то хрип.

— Громче! — закричали все.

Я снова засипел. Даже сам я не мог разобрать, что говорю. Ребята засмеялись. Учительница нахмурилась, постучала карандашом по столу.

— Что с тобой? — спросила она.— Ты болен? Тогда тебе не следовало приходить в школу.

Тут Федька поднял руку и, не дожидаясь разрешения, затараторил:

— Крыленко — его фамилия, Сашей зовут. Из города приехал. А хрипит потому, что громко пел в «малашке».

— Хорошо. Садись, Палкин,— сказала учительница.— Крыленко нам все сам расскажет, когда голос у него станет нормальным... А теперь повторим предыдущий урок.

Мой сосед сидел тихохонько и не тянул руку, как другие. Но и до него дошла очередь.

— Ну-ка, Палкин,— сказала учительница,— ответь нам на такой вопрос... По радио объявили: «Сегодня будет десять градусов мороза». Какая это температура: выше нуля или ниже нуля?

Палкин почему-то посмотрел на меня, и левый глаз у него стал странно дергаться.

— Ну, что же ты молчишь? Может быть, ты тоже охрип?

— Это самое...— сказал Федька.— Конечно, выше!.. Ниже,— добавил он сразу же, потому что все засмеялись.

— А что происходит с водой при нуле градусов?

— При нуле? — Федька почесал затылок, посмотрел на потолок, словно там был написан ответ, и вдруг выпалил: — А ничего не происходит. Раз нуль — значит, никакой температуры нет и ничего, это самое, не происходит.

Елене Дмитриевне пришлось долго стучать карандашом по столу, прежде чем прекратился хохот.

— Ставлю тебе единицу, Палкин,— сказала учительница.— Совсем ты не учишь уроков. И что у тебя только на уме?!

— У меня общественные нагрузки,— шмыгнув носом, сказал Федька. И начал быстро перечислять, загибая пальцы: — Я друг леса — раз, друг птиц — два...

— Придется тебя, друг, от всех общественных нагрузок освободить.

Тут только тень огорчения проскользнула по розовому лицу Феди Палкина.

— Не надо освобождать, Елена Дмитриевна! Я исправлюсь, честное пионерское!

— Хорошо, посмотрим...

Садясь, Федька больно толкнул меня локтем в бок:

— У-у, байбак, не мог подсказать! Я ж тебе мигал...

Я не выдержал и тоже толкнул его локтем. И надо же такому случиться, что Елена Дмитриевна как раз в это время подняла голову от журнала и посмотрела на нас.

— Палкин и Крыленко, встаньте,— ледяным голосом сказала она.— Драки здесь устраивать?!. Плохо ты начинаешь, Крыленко. Постыдился бы, у тебя мама учительница.

Все посмотрели на меня, зашептались. Мне так стало стыдно, что слезы выступили на глазах.

А урок продолжался.

Елена Дмитриевна начала объяснять, как вода превращается в пар.

Она показала нам стеклянную трубочку с водой, заткнутую пробкой.

— Если эту воду подогреть на спиртовке, вода начнет превращаться в пар, который будет давить на пробку, и в конце концов пробка может вылететь.

Все вытянули шеи, ожидая, когда же вылетит пробка.

Но учительница сказала:

— К сожалению, я не могу вам показать этот опыт. Подогреть воду нечем. В школе нет спирта. Но скоро наш завхоз вернется из города и привезет спирт.

По классу пронесся вздох разочарования.

Учительница стала рассказывать дальше, почему крышка на чайнике подпрыгивает, когда вода кипит, как образуются облака. Я уже слышал об этом, и мне было неинтересно. Но я заметил, что и другие ребята занимаются кто чем: рисуют чертиков, делают из бумаги голубей, катают шарики и ловко щелкают ими по затылкам впереди сидящих. Только, пожалуй, один Коза слушал внимательно, не спуская с учительницы глаз. Шарики летели в него со всех сторон, но он даже ни разу не обернулся.

Я принялся от скуки смотреть в окно. Там тоже не было ничего интересного: голые деревья с галочьими гнездами, похожими на лохматые шапки, пустая гимнастическая площадка со столбами для колец и турника, куча сваленных в беспорядке кирпичей, на которой неподвижно сидел серый облезлый кот. Ветер зло теребил худую кошачью шубу, но кот, упрямо цепляясь лапами за кирпичи, не двигался с места. Наверное, выгнали из дому беднягу. Я представил себе, как холодно коту, и меня вдруг стала бить сильная дрожь. Тогда я поднял руку и сказал:

— Я не могу стоять.

— Тогда выйди,— сказала Елена Дмитриевна, и я вышел из класса.

В коридоре было еще холодней. Не переставая дрожать, я прислонился к стенке и заплакал. И тут меня кто-то сзади взял двумя пальцами за шею. Я обернулся и увидел полного человека в роговых очках и с острым, похожим на птичий клюв носиком. Его румяные губы были широко раздвинуты. Он улыбался.

— Удалили из класса? Нашалил? — спросил он ласково.

— Нашалил,— сказал я.

— Ай-ай-ай, нехорошо. В моей школе шалунам не место. Что-то я тебя раньше не встречал. Из какого класса, как фамилия?

Я сказал. Губы ласкового незнакомца изобразили сразу букву «о», он даже немножечко присвистнул.

— Ах, так это, значит, сынок нашей новой учительницы Татьяны Кузьминичны? Очень рад познакомиться.— Он опять взял меня двумя пальцами, на этот раз за подбородок.— Что же ты так мамочку огорчаешь? Нехорошо! Ну, пойдем, бутуз, ко мне в кабинет, поговорим с тобой по душам.

На двери комнаты, куда он меня привел, висела табличка: «Директор П. В. Коркин».

Ах, так это и есть директор! Ну, попался я.

Но ничего страшного не было. В кабинете теплынь, стоит мягкий кожаный диван, стол, накрытый какой-то диковинной скатертью с бахромой и изображениями птиц, на окне белые шелковые занавески, цветы. Павел Васильевич—так звали директора—усадил меня на диван и сам, ласково улыбаясь, присел рядом. Я думал, что он будет меня пробирать за плохое поведение, но тут на столе зазвенел телефон. Павел Васильевич, сделавшись серьезным, подошел к нему, снял трубку.

— Коркин слушает. Ах, товарищ Павлов? Мое почтение! К зиме? Готовы, товарищ Павлов. В основном. Проверите? Пожалуйста, х-хе! Но только попозже, сейчас еще есть кое-какие недоделки. Устраним. Есть.

Павел Васильевич кланялся, прижимая трубку к уху так, как будто собирался влезть в нее. Наверное, с очень приятным человеком разговаривал.

От нечего делать я принялся рассматривать кабинет и обратил внимание на большую бутылку с голубоватой жидкостью, стоявшую на директорском столе. На бутылке было написано: «Спирт лабораторный». Я даже подскочил на месте. Вот так да! Спирт-то, оказывается, есть! Надо сказать Елене Дмитриевне.

Директор между тем закончил разговор, потер подбородок и сказал задумчиво:

— Ну, дела-а...

Завхоз уже приехал? — спросил я.

Павел Васильевич вздрогнул и посмотрел на меня так, как будто увидел в первый раз.

— Какой завхоз? — спросил он уже без улыбки. Потом быстро спрятал бутылку в стол.— Иди, иди, бутуз, мне нужно работать.

«А все-таки хороший у нас директор!» — подумал я, выходя из кабинета.

6

Тут как раз началась перемена. Я пробрался сквозь толпу ребят в класс, надел пальто и вышел во двор, откуда доносились веселые крики, смех.

У крыльца, окруженный толпой ребят, стоял молодой человек в кожаной куртке с «молниями», как у летчиков (я мечтаю о такой). Хотя он был почти взрослый, на его шее алел пионерский галстук. Под мышкой он держал сетку и волейбольный мяч. Все вокруг него кричали и галдели так, что звон стоял в ушах.

— Ванюша, когда в лес пойдем? А военная игра у нас будет? Костер будем разжигать?..

Молодой человек, улыбаясь, поворачивал голову то в одну, то в другую сторону, не зная, кому отвечать первому. А тут какой-то малыш, наверное, первачок, все время дергает его за рукав и звенит, как колокольчик:

— Вань! Вань! Вань! Вань!

— Да подождите вы, не все сразу! — сказал Ваня.— Все будет, ребята. Вот соберем скоро дружинный сбор и поговорим, чем нам заняться. Ни одно интересное дело не упустим. Вы мне лучше скажите, что у вас тут нового случилось?

— А у нас новенький в классе!— сказал Федя Палкин.— Вон он стоит. Сын учительницы, из города приехал. Мы вообще с ним дружим, но немножко подрались.

Ванюша посмотрел на меня улыбчивыми глазами.

— Нашего полку, значит, прибыло. Ну-ка подойди, давай знакомиться. Самохвалов Иван, старший пионервожатый,— сказал он и протянул мне руку, как взрослому.

— Крыленко Александр, ученик четвертого класса,— в тон ему ответил я.

— Хорош! — сказал Ванюша.— Будем тебя Сашей звать, пока не вырастешь. А драться зачем же? Это ты, наверное, Федя, виноват? Вечно свою богатырскую силу показываешь.

— Да нет, мы оба виноваты,— сказал я.

— Ну, коли так, помиритесь да больше не деритесь. Знаете, как это делать надо? Давайте ваши мизинцы. Вот так. Зацепитесь покрепче. Сделано? Те-

перь трясите что есть силы и приговаривайте: «Мирись, мирись да больше не дерись!»

Мы все это с Федькой проделали к общему удовольствию и, правда, больше никогда не дрались.

Ванюша положил мне руку на плечо и сказал:

— Приходи обязательно на сбор. Да галстук не забудь надеть. Ладно?

Я ничего не ответил Ванюше, только покраснел. Он не заметил этого и ушел с толпой ребят в здание.

А я стоял, опустив голову, и думал: «Нет, не пойду я на сбор, у меня галстука нет. Меня туда и не пустят: я ведь не пионер».

* * *

Я в самом деле не был пионером. И вовсе не потому, что не хотел поступить. Я мечтал надеть красный галстук, маршировать в веселом строю, бить в барабан или трубить в блестящий горн. И все-таки не вступил.

Виноваты в этом моя болезнь и еще Олимпиада Васильевна.

Олимпиада Васильевна была старшей пионервожатой в нашей школе. Она на всех нагоняла страх. Когда она, громко топая, шла по коридору, робкие первачки прекращали игры и жались у стенок. Все мечтали об одном: хоть бы не заметила! Но от ее зоркого взгляда ничего не скроется: ни чернильное пятно на щеке, ни якорь, нарисованный химическим карандашом на руке, ни раскрашенная «бабка», зажатая в потной ладони. Беда тому, кого она поймает за руку и начнет нудно отчитывать:

— Ты что прыгаешь, как козел, а? Ты знаешь, что в пыли, которую ты поднимаешь своими ногами, находятся миллионы, а может быть, миллиарды микробов? Чума, тиф, холера, скарлатина... Эти микробы вместе с пылью вдыхают твои товарищи. Значит, ты своим неуместным прыганьем наносишь непоправимый вред здоровью таких же учащихся, как и ты. Ну, что ты решишь? Надо уметь выслушивать критику.

А вскоре произошел еще один случай.

На новогоднем утреннике мы ставили инсценировку, и я в ней изображал самолет. Ну да, самый настоящий самолет! Я должен был все представление стоять с растопыренными руками, к которым были прикреплены бумажные крылья со звездами и надписью: «Смерть фашизму!». В конце представления мне нужно было загудеть и, обойдя сцену, «вылететь» за кулисы. Вот и все. Олимпиада Васильевна, руководившая утренником, строго предупредила меня, чтобы я ни в коем случае не опускал руки, иначе будет скандал. Но в самый разгар представления у меня страшно зачесался нос, я чихнул, а потом сунул руки в карманы, ища носовой платок. Зрители развеселились, а Олимпиада Васильевна, вытащив меня за кулисы, сказала, что я хулиган и что таких в пионеры не принимают.

Наверно, меня все-таки приняли бы, потому что я не такой уж хулиган. Но тут перед самым торжественным сбором я заболел и не ходил в школу полгода. Потом мы уехали в деревню, и мне пришлось снова учиться в четвертом классе.

Мама часто говорит, что я невезучий.

— Горе мое! — вздыхает она.— Ну что из тебя получится?

Я бы хотел, чтобы из меня получился сыщик или морской разбойник.

Я пришел к такому убеждению, начитавшись книг, которые покупал у старика Евграфыча, торговавшего на базаре. Это были засаленные, растрепанные книги про Шерлока Холмса, про пиратов... Евграфыч принимал их обратно, но уже за гораздо меньшую цену.

— Понравилось? — спрашивал он.— То-то! Это тебе не Лев Толстой! Тут понимать надо!

Придя из школы, я наскоро обедал, потом сразу за шапку — и к двери.

— Куда? — спрашивала мама.

— Гулять! — отвечал я.

Но я не гулял. Забравшись на чердак, я вынимал из укромного уголка завернутую в газету книгу и погружался в чтение. Снизу, со двора, доносились крики моих сверстников, игравших в футбол или в прятки, а я в это время носился по волнам вместе с отважными контрабандистами, бродил по дремучим джунглям вместе с Маугли, шел по кровавому следу убийцы вместе с Шерлоком Холмсом. Читал до тех пор, пока в глазах не начинало рябить, пока в сумерках буквы не расплывались по странице.

Потом со мной приключилась какая-то ерунда. По утрам на меня нападал кашель, и мама смотрела на меня, пока я кашлял, испуганными, круглыми глазами. На шее вспухли какие-то болючие желваки. Мама говорила мне, что я бледнею и худею не по дням, а по часам, и заставляла пить всякую пакость, вроде рыбьего жира.

Наверное, от этого я совсем заболел и не смог ходить в школу.

Меня осматривал похожий на толстого кота доктор. Он прикоснулся пальцами к опухоли на моей шее и сказал: «Гм».

Пока я одевался, он сердито доказывал маме, что мне нужен чистый воздух, что меня нужно везти в лес, на берег моря или куда-нибудь в деревню. На прощание он потрепал меня по щеке и сказал:

— Ну, прощай, да, смотри, мне больше не попадайся, а то я тебя хиной напою! Она го-о-орькая!

Так мы попали в Зверево.

* * *

На последней перемене я встретил в коридоре маму. Она шла с кипой тетрадок, строго глянула на меня и хотела пройти мимо, но что-то в моем лице ей показалось странным.

— Что с тобой? Ты болен? — спросила она.

Я и сам не знал, что со мной. Голова была словно в огне, руки и ноги ныли.

Мама прикоснулась рукой к моему лбу и сказала:

— Ну, так я и знала!..

Я не помню, как ехал обратно. Знаю только, что мама взяла меня в служебный вагон и я заснул у нее на руках. Заснул крепко и надолго.

7

Когда я открыл глаза, я долго не мог понять, где я нахожусь и что со мной. Большая комната с чисто вымытыми, еще влажными полами показалась мне незнакомой. И только печка напомнила мне тот самый «сарай», в котором мы поселились по приезде в Зверево. Но и печка выглядела гораздо нарядней: она была чисто побелена и даже украшена бумажными кружевами.

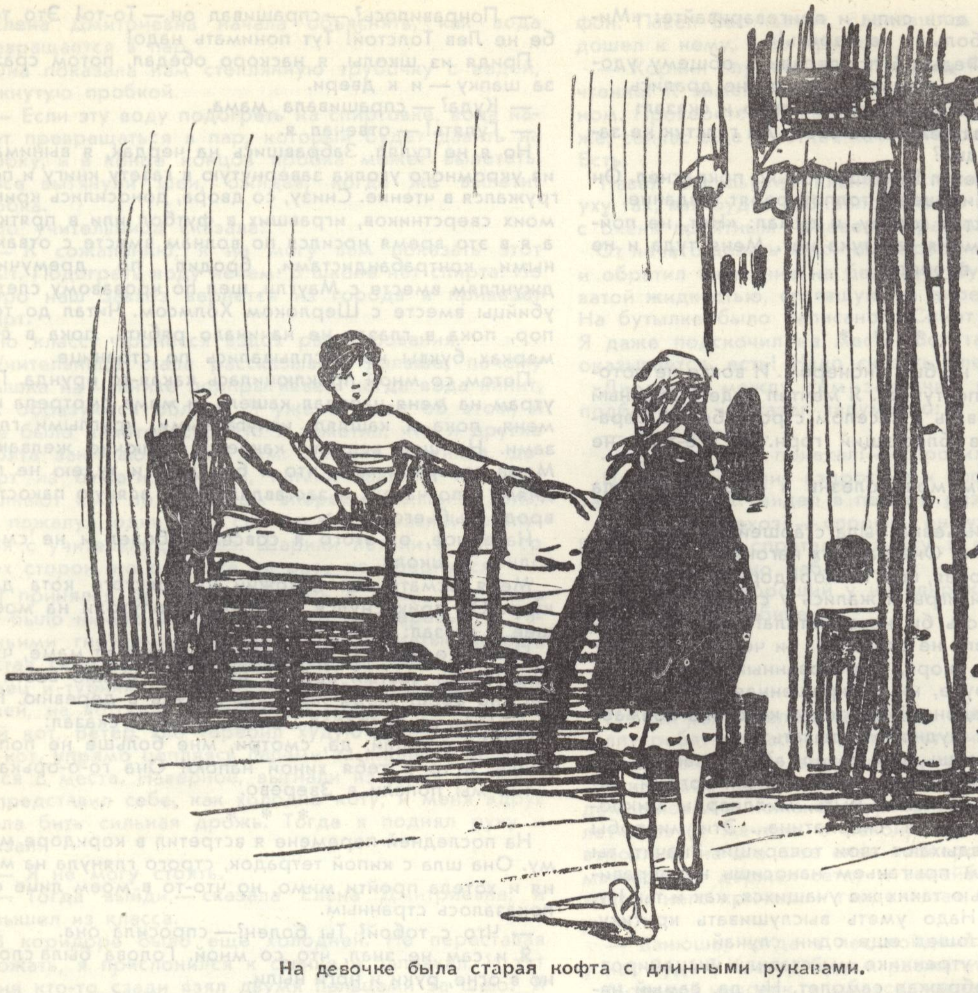
В окно заглядывал белый день. Ну, конечно, я проспал «малашку», мама не захотела меня будить и уехала одна. Мне захотелось пить, я попробовал встать, но руки и ноги плохо слушались меня.

— Эй! — закричал я.— Э-э-эй!

Этот крик означал: «Подойдите сюда, кто тут есть живой!»

Но только когда я завопил во все горло, дверь отворилась, и на пороге показалась та самая девчонка, которая высовывала мне язык через стекло. На ней была старая кофта с длинными, почти до пола рукавами.

Мы долго смотрели друг на друга, потом я спросил:

На девочке была старая кофта с длинными рукавами.

— Тебе чего здесь надо?

Девчонка не ответила на вопрос, а сама спросила:

Это ты кричал?

Ну я, тебе какое дело?

— А такое! Ты больной, и тебе кричать не полагается.

— Доктор какой выискался!

— А вот и доктор! Мне доктор приказал за тобой присматривать.

— Теб-е-е-е?! Подумаешь!..

— Подумаешь и ничего не скажешь... У меня мама доктор, вот что. Она школьный врач. Теперь понятно?

Говоря это, она бочком-бочком все ближе подходила ко мне; глаза ее светились дружелюбно и ласково. Я заметил, что она немного прихрамывает, припадает на левую ногу.

— Ты чего дразнилась тогда? — спросил я после того, как она принесла мне воды и уселась возле кровати на табуретку.

— Это я по ошибке,— покраснела она.— Тут есть один соседский мальчишка, очень на тебя похожий, он каждое утро прибегает к нам под окно и дразнится. Такой непутевый!

— Тебя как звать? — спросил я.

— Мариной. А тебя я уже знаю, как. Ты все время лежал без сознания. Ой, какую чепуху ты говорил! Я рядом сидела и все слышала.

Прошло немного времени, и мы уже с Мариной разговаривали, как старые друзья. Марина училась в четвертом класс «А», у моей мамы.

Она очень хорошая, хоть и строгая,— сказала Марина,— так понятно все объясняет, что дома ничего и читать не надо. Прямо жалко уроки пропускать! Вот и сегодня я в школу не пошла.

— Почему?

Нога болит.— Марина вытянула свою левую ногу, и тут я заметил, что она туго перебинтована.— Она у меня давно болит, еще с прошлой зимы. Каталась на коньках, упала и здорово ушиблась.

Ничего, заживет! — попробовал утешить я Марину.

Она печально покачала головой.

— Нет, сама она не заживет. Нужно ехать на берег моря, в Крым. Там санаторий есть для детей. Мама сейчас хлопочет, чтобы достать путевку на лето. Вот было бы хорошо, если б ей удалось! Я очень люблю море.

— Я тоже,— сказал я.— Только я его никогда не видел.

— А я видела. Правда, я тогда была совсем маленькой. Мы жили в Геленджике, городок такой есть на Черном море. Мы с папой здорово плавали. Он возьмет меня на руки и заплывает далеко-далеко, а мама на берегу переживает. Потом мы переехали сюда.

— А папа где, тоже с вами?

Марина низко наклонилась, чтобы поправить подушку, и, не поднимая головы, сказала тихо:

— Нет, он умер... У него легкое было пробито немецкой пулей, мама его лечила, он уже совсем было выздоровел, а потом простудился и умер.

Несколько минут мы сидели молча. На глазах у Марины стояли слезы. Я чувствовал себя виноватым, что заставил мою новую знакомую плакать, и, чтобы хоть немного утешить ее, сказал:

— У меня тоже папа с войны не вернулся. Но он еще вернется...

— Конечно! — сказала Марина.— Я знаю: у одной девочки папа три года не писал с фронта, а потом вернулся,— оказывается, в партизанах был...

— Вот было бы хорошо!..

Так за разговорами незаметно летело время. Марина так же, как и я, очень любила читать, у нее было много книг, и она обещала мне в следующий раз принести «Детство» Горького. Будем читать вместе. Кроме того, она оказалась хорошей художницей и при мне нарисовала красно-синим карандашом море, лодочку с красным килем и белым парусом, алую зарю на горизонте. Получилось очень красиво, и я повесил рисунок над своей кроватью.

8

На следующее утро я познакомился с Маринкиной мамой. Она оказалась совсем непохожей на тех врачей, которых я видел до этого,— очень важных, с холодными, пахнущими лекарствами пальцами. Эта маленькая женщина с прозрачными, как у Марины, глазами вошла в комнату так, как будто она принесла с собой какое-то важное и радостное известие. Она дружески улыбнулась, и мне показалось, что я уже где-то ее видел.

— А ну, кавалер, давай посмотрим твою селезенку! — сказала она, усаживаясь у моей кровати, и я заметил, что у нее ноги едва достают до пола.

Екатерина Васильевна — так звали Маринкину маму — принялась ощупывать мой живот, приговаривая:

— Ишь, какое брюхо наел, до селезенки не доберешься!..

Я-то знал, что у меня не только брюха нет, но и живота вовсе не видно — он прирос к позвоночнику, но мне были приятны эти веселые упреки: значит, я поправлюсь. Я хохотал и визжал, когда Екатерина Васильевна щекотала мне живот, и мне уже казалось, что я вовсе не болен. И лекарства Екатерина Васильевна прописывала мне какие-то смешные: есть сырую морковку, капусту. Это она называла «заячьей диетой».

Когда она ушла, я нашел под своей подушкой яблоко. Я понюхал — настоящее — и, долго не раздумывая, съел. Потом, когда от яблока остался один только коричневый хвостик, я принялся строить догадки: откуда и как попало оно под подушку? Разгадал я эту загадку немного позднее. Я заметил, что яблоки появляются под подушкой всякий раз после ухода Екатерины Васильевны. И я понял, кто их туда кладет.

Приходил к нам в гости и наш сосед Алексеич. У него в последнее время озабоченное лицо, он подолгу тихонько о чем-то разговаривает с мамой.

Как-то он принес несколько густо исписанных листков, вырванных из тетрадки, и, краснея, как маленький, показал их маме.

Мама прочитала эти листочки, сделала несколько исправлений карандашом и сказала:

— Что ж, написано, в общем, неплохо. Только насчет украинского помещика Кочубея вы напрасно.

— Пусть! — Алексеич с ожесточением скомкал свою шапку.— Пусть чувствует. Этого толстокожего только так и можно пронять.

Я понял, что Алексеич написал какую-то заметку в газету, но еще не знал тогда, что речь идет не о ком другом, как о добрейшем, милейшем Павле Васильевиче.

Разъяснилось все, когда Алексеич принес нам свежий, пахнущий краской номер районной газеты и торжественно положил его на стол:

— Читайте! Только что с машины. Вот тут, на второй странице...

Прочитала сначала мама и покачала головой:

— Все-таки о Кочубее оставили.

Потом читали мы с Мариной вслух. Батюшки, да ведь тут нашего директора Коркина пропесочили! Да еще как! Я вырезал эту статью. Вот она здесь, почти целиком:

«ЗАБОТЛИВЫЙ» ДИРЕКТОР

Директор Зверевской средней школы П. В. Коркин — очень заботливый хозяин. Только заботы его направлены не туда, куда надо. Меньше всего тов. Коркин думает о школе и об учителях, а больше о своем личном хозяйстве. Даже известный украинский помещик Кочубей, описанный А. С. Пушкиным в поэме «Полтава», мог бы позавидовать Павлу Васильевичу Коркину, у которого тоже «много добра и на виду и под замками». Подсобное хозяйство школы разведено стараниями Коркина и его родственника завхоза Зубкова, детишки не получают по утрам свежего молока. Зато хозяйство Коркина процветает: кроме коровы, двух телушек и трех коз, у Коркина полон двор гусей, кур и прочей живности. Недавно П. В. Коркин построил новый хлев в своей «усадьбе», а завхоз сделал пристройку к своему дому. На это пошли материалы, отпущенные на ремонт школы и квартир учителей. Стыд и позор!

Школа не подготовлена к зиме, ребятишки мерзнут в классах, а коркинская корова в тепле и холе. Приезжие учителя бегут из Зверевской школы, потому что Коркин создает им невозможные условия».

Статья заканчивалась так:

«Не пора ли дать по рукам зарвавшемуся самоснабженцу?»

И хотя под ней стояла подпись: «П. Алексеев»,— я сразу догадался, кто ее написал.

— Где вы так хорошо научились писать? — спросил я Алексеича.

— Ну уж хорошо...—скромно сказал автор, бережно складывая газету.—А вообще приходилось мне листовки сочинять в партизанском отряде. Не одному, конечно, а вместе соберемся и сочиняем. Но там было легче. Там с чего бы ни начали, конец один: «Смерть немецким оккупантам!» А тут иногда начнешь и не знаешь, чем закончить. Вот, я чувствую, в конце у меня неважно получилось. Надо было погорячей дать этому Коркину.

9

Скучная жизнь наступила. Мама до вечера занята, а я сижу один в пустой комнате, которая мне уже порядком надоела. Я совсем уже здоров, но Екатерина Васильевна не разрешает мне носа показать на улицу: боится каких-то «осложнений». А тут еще идут дожди; рыжие капли срываются с потолка и падают в подставленное корыто. «кап-кап-кап»,— как будто тикают часы с бесконечным заводом. Засыпаю и просыпаюсь под этот плеск. Единственное развлечение, когда потолок протечет в каком-нибудь другом месте. Тогда бегу, отыскиваю посудину, подставляю, и

капли начинают переговариваться между собой с разных концов комнаты. Все веселей.

Книги Маринкины я все перечитал, а «Детство» Горького — два раза. Мне очень нравится бабушка Алеши, зато деда ненавижу, даже когда он бывает ласковым. Почему-то вспоминается Коркин, его медовая улыбка, когда он расспрашивал меня об отце. И я, перечитывая книгу, пропускал страницы, где пишется о деде.

Два раза к нам приходили комиссии — проверять заметку Алексеича. «Комиссары», как их назвала Феклуша, куда-то все торопились — наверное, проверять другие заметки,—даже шапок не снимали и, что-то записав в свои блокноты, уходили.

— Только грязи в избу наносят, а толку нет! — говорила Феклуша, яростно шаркая веником по полу после ухода очередной комиссии.— Меры надо принимать, меры!

То же самое говорил и Алексеич. Он заходил к нам раза два или три по вечерам. Алексеич за несколько дней похудел, осунулся, на щеках его торчала щетина с проседью. Он говорил, что в каких-то «инстанциях» идет бой, что Коркин обороняется, пишет одну кляузу за другой, но все равно правда победит.

— Будет буря, мы поспорим и поборемся мы с ней!—говорил он весело, обнимая меня за плечи, но по всему было видно, что эта борьба не обходится Алексеичу даром.

Однажды он увидел в моих руках свинцовые буковки, которые я подобрал под окнами типографии в первый день нашего приезда.

— Эге! — сказал он.— Откуда у тебя литеры?

— Буковки? — переспросил я.— На улице нашел. Алексеич нахмурился, подергал усы.

— Фекла! — загремел он.— Что за безобразие! Почему казенное имущество на улицу выметаешь?

— Какое такое имущество? — Феклуша нагнулась, посмотрела.— Да это же стертые литеры! Сами же вы, наборщики, их на пол бросаете.

— И плохо делаем, что бросаем. Надо их в ящик складывать. Металл ведь пропадает. Его переплавят — в дело пойдет. В следующий раз увидишь — в ящик складывай.

Алексеич с какой-то нежностью перебирал своими большими пальцами крохотные свинцовые палочки.

— Вот маленькие на вид штучки, Санек,— сказал он,— а ведь они тоже воевали.

— Как воевали? — удивился я.

— А вот так. Мы в партизанской типографии этими буковками листовки набирали. Немцы, бывало, шумят по радио: «Москву взяли, Ленинград взяли, Советам — капут!» А мы в листовочке и пропечатаем: ничего, мол, подобного: и Ленинград стоит крепко, и под Москвой фашистам по шее дали. Держитесь, люди советские, бейте врагов, скоро наша победа! И летят наши листовки, как голуби, по всем городам и селам, где люди наши в немецкой неволе томятся, несут им слово правды. А правда для них, как глоток чистого воздуха, силы прибавляет, ненависть к врагам разжигает. И поднимаются советские люди на фашистов, бьют их, где только можно, идут в леса к партизанам. У нас был целый край партизанский в Белоруссии, немцы туда нос боялись сунуть... Вот что эти буковки делают, Санек! Потому не могу видеть, когда они под ногами валяются. В тяжелом походе, бывало, все лишнее выбрасываешь —сухари, даже консервы,— а литеры на себе тащишь, хотя и тяжелые они. Так что ты береги буковки, Санек, никуда не выбрасывай!

— Ни за что! — сказал я.— Мы с Мариной будем свой журнал печатать.

— Журнал?—Алексеич засмеялся и взъерошил мне волосы.— Ну, это вы трудное дело задумали. Вы лучше от руки пишите. Так быстрей у вас работа пойдет.

— Ничего!— сказал я.— Мы попробуем. Если уж не выйдет, тогда от руки.

Мне очень нравилось, когда Алексеич рассказывал о партизанах. Я и раньше читал о них в книжках, но это было не так интересно. И я при всяком удобном случае заводил с Алексеичем разговор о партизанах.

— Когда война началась, вас сразу в партизаны взяли, дядя Петя? — спросил я однажды.

— Нет, тут история сложная. Служил я в армии, под Оршей меня ранило, попал в плен, отвезли меня в Германию, а уж оттуда пешком до партизан добирался.

— Пешком?! — поразился я.

— Ну да, на своих на двух. Не один я был, а с товарищами, которые тоже бежали из немецких лагерей. Может быть, и погибли бы все, ведь по чужой стране шли, да вел нас один храбрый человек, который хорошо эту страну знал и умел фашистов вокруг пальцев обводить. Майором Волковым его звали. Он тоже бежал из немецкого плена. Ну, и человек был этот Волков! Недаром его немцы, как огня, боялись! Когда отряд наш появлялся возле какого-нибудь города, немцы по радио объявляли, будто о воздушной тревоге: «Ахтунг! Ахтунг! В районе города — «красные волки»! Запрещается гражданским лицам после наступления темноты выходить из города и входить в него». Вот как напуганы были! А мы входили в город и выходили из него свободно, потому что все до одного были одеты в новенькую немецкую военную форму, вооружены автоматами. Это все мы захватили в одном немецком воинском складе...

— А были у вас в отряде маленькие? — спросил я.

— Это как понять — маленькие? Ростом, что ли, невеликие? Были, конечно.

— Да нет!.. Маленькие... ну, не совсем взрослые, вроде меня.

— Вот ты о чем!..— Алексеич с улыбкой потрогал усы.— Нет, таких не было... Правда, когда мы уже в Брянских лесах воевали, состоял у нас при отряде кучером один серьезный человек. Семеном Васильевичем его звали. Ростом Семен Васильевич был чуть повыше тебя, да и годами не очень старый. Говорил, что ему шестнадцать стукнуло, но, наверное, для солидности года три себе приписал. Заставлял всех называть себя только по имени-отчеству. «Сеня» скажешь, а тем более «Сенька», даже головы не повернет. И потом неделю с тобой разговаривать не будет. Идет, бывало,— тулуп на нем длинный, ног не видать, из воротника один нос красный торчит — «мужичок-с-ноготок», да и только! Но когда этот «мужичок» пригнал на базу трех немцев пленных да еще оружие их притащил — три автомата,— тут уж шутки в сторону! Сам командир перед строем руку пожал и сказал: «Поздравляю, Семен Васильевич!» С тех пор никто его уже Сенькой не называл... Так что маленьких у нас, милок, не было...

— Расскажите еще что-нибудь про партизан!

Я готов был слушать целый вечер, но мама сказала:

— Ты уже надоел дяде Пете. Он устал после работы, хочет отдохнуть, а ты пристаешь.

— Ладно,— проговорил Алексеич,— завтра вечером расскажу...

* * *

Я не мог дождаться следующего вечера, так мне не терпелось услышать рассказ Алексеича.

Алексеич пришел усталый, наверное, прямо из типографии, потому что пальцы у него были черными.

Я сразу накинулся на него:

— Расскажите про партизан!

— Как тебе не стыдно! — сказала мама.— Так вот ты почему не спал!

— Ничего, ничего! — проговорил Алексеич.— Это хорошо, что интересуется... Расскажу я тебе, Саня, про мои встречи с майором Волковым. Отряд наш шел мелкими группами по разным дорогам, а майор появлялся то здесь, то там, и всякий раз в новом обличье. Это чтоб немцы его не поймали. Шли мы както походным порядком по шоссе. Было нас около взвода. Все, как я уже говорил, в немецкой военной форме, с автоматами. Я шагаю сбоку, изображаю немецкого унтер-офицера. При мне документы — честь по чести — о том, что мы направляемся на фронт. Но документы документами, а автоматы держим наготове, чтобы при какой-нибудь неприятной встрече пустить их в ход. Направляемся же на самом деле в лесок, где в условном месте должен быть сбор нескольких наших групп. И тут нас перегоняет открытая военная машина. В ней сидят немецкий полковник и несколько офицеров. Я откозырял им, как положено, ребята мои так печатают «гусиным шагом», только держись... Но что-то не понравилось полковнику. Останавливает машину, пальцем подзывает меня. Бегу к нему, вытягиваюсь в струнку. Полковник важный, в глазу стекляшка — монокль, что-то говорит мне по-немецки. А я по-ихнему, откровенно сказать, знал только «Гутен морген», что значит «Доброе утро», и «Ауфвидерзеен», что значит «До свидания». На всякий случай делаю незаметно знак своим ребятам «приготовиться», а сам протягиваю полковнику документы. Полковник посмотрел их и вдруг сказал чисто, по-русски:

«Документы, товарищи, у вас в порядке, а вот побриться бы не мешало. Все же по территории иностранного государства идете, не забывайте! Здесь солдаты бреются каждый день, а тем более унтер-офицеры. Сейчас же уходите с дороги вот в эту рощу и побрейтесь!..»

Тут полковник улыбнулся, и все его офицеры заулыбались.

У меня даже во рту пересохло от такой неожиданности.

«Простите,— говорю,— господин... то есть товарищ полковник. От кого такое указание?»

«От майора Волкова».

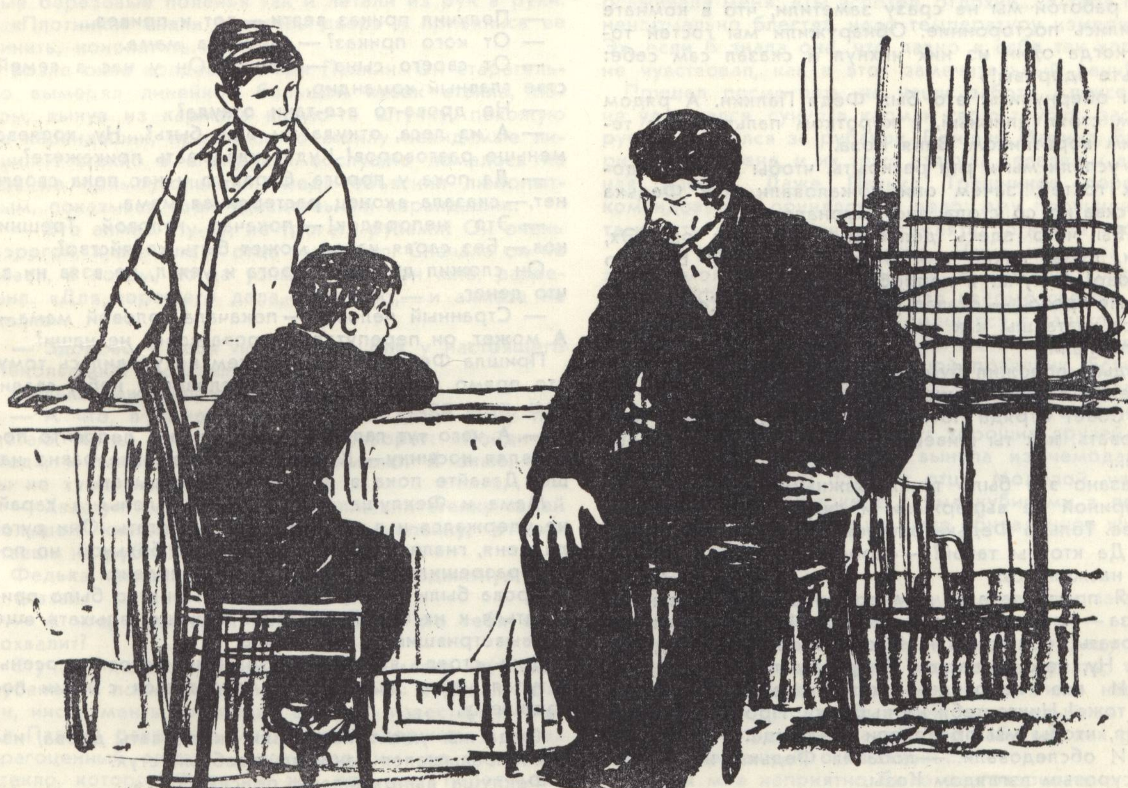
Потом помахал мне рукой, сказал «Ауфвидерзеен» и укатил. Вот такая, значит, была моя первая с ним встреча...

Алексеич наклонил седоватую голову и несколько минут сидел молча, положив на колени могучие, в темных ссадинах руки.

— А вторая? — не выдержал я.— Какая была вторая встреча?

Алексеич, словно очнувшись, посмотрел на меня тяжелым, усталым взглядом.

— А вторая — совсем невеселая. Чем ближе к фронту мы подходили, тем больше боев нам пришлось выдерживать. Вот уже и на нашу землю вступили, а продвигаться стало трудней, чем вначале. Кругом разорение, сожженные деревни, продовольствие наше кончилось, и взять негде. Затянули мы пояса потуже — пришлось в них новые дырки прокалывать, мундиры наши оборвались, висели на нас, как на пугалах, и мы сбросили эти немецкие тряпки. Теперь мы уже стали настоящими партизанами. Фа-

— А вторая? — не выдержал я.— Какая была вторая встреча?

шисты на нас накинулись, как борзые. Не проходило дня без боя, не проходило дня, чтоб мы кого-нибудь не похоронили...

Мама оставила свои тетрадки и, повернувшись к нам, тоже внимательно слушала.

— И вот как раз перед тем, как соединиться нам с большим партизанским отрядом, окружили нас немцы на опушке леса. Два дня мы отбивались. К концу второго осталась от отряда только половина, патроны кончились. И тут ударили из леса партизаны, прорвали немецкое кольцо. Радости было, конечно, много, но и горя хоть отбавляй. «Волков убит!» — пронесся слух. Я не поверил: не может быть, чтоб такого человека убили, — и пошел сам посмотреть. Он находился во время боя в центре, а мы — на левом фланге. Пришел я на поляну, где был командный пункт отряда, а там полно народу, и все стоят с непокрытыми головами. Протолкался я сквозь толпу и вижу: лежит на плащ-палатке тот самый «полковник», который велел нам побриться, только уже в нашей телогрейке и ватных брюках. Лежит, будто спит, только кровь на лбу... Ну, зачем же плакать? Разве я для этого рассказывал? Для того, чтоб ты, когда вырастешь, был таким же...

10

Мы сидели с Маринкой за столом и печатали наш журнал «Горное эхо». Печатается журнал так: берется литера, макается в чернила, потом делается несколько пробных оттисков на отдельном листке, и потом уже буква тискается «начисто». На одно слово у нас уходил иногда час. Виноват тут был, кроме всего прочего, холод: пальцы не слушались, литеры падали на пол, приходилось их искать — в общем, хлопот было много.

За работой мы не сразу заметили, что в комнате появились посторонние. Обнаружили мы гостей тогда, когда один из них чихнул и сказал сам себе: «Будьте здоровы!»

Мы обернулись: это был Федя Палкин. А рядом с ним стоял длинный, в коротком пальтишке с телячьим воротником Ваня Коза.

Не успели мы и рта раскрыть, чтобы спросить дорогих гостей, зачем они пожаловали, как Федька уже схватил со стола лист журнала.

— Вы чего здесь делаете? — затрещал он. — Эх, гляди, Коза, какие они буковки достали! Вот это здорово! А ну-ка я попробую...

— Не трожь! — сказал рассудительный Коза. — Что ты все хватаешь, как сумасшедший? Нас сюда не за тем послали.

Федька положил бумагу и буквы обратно на стол и сделал торжественное лицо.

— Совет отряда послал нас — меня и Козу — обследовать, как ты живешь, как твое здоровье и вообще...

Сказано это было таким важным тоном, что мы с Мариной не выдержали и фыркнули. Улыбнулся и Коза. Только Федька остался невозмутимым.

— Да кто ты такой? — спросил я, когда мы вдоволь насмеялись.

— Я председатель комиссии по обследованию, а Коза — член комиссии, — сказал Федька. — Мы обследовать тебя пришли. Нас пионерский отряд выбрал. Ну, чего смеетесь? Я правду говорю!

— И все неправда, — сказал Коза. — Председатель тоже! Никто тебя не выбирал. Просто Ванюшка сказал, чтобы мы проведали товарища.

— И обследовали... — добавил Федька, но осекся под суровым взглядом Козы.

— Ну, давай обследуй, доктор Палкин, — сказал я. — Может, язык тебе показать?

— Очень нужен мне твой язык! — проворчал Федька. Ему не давали покоя буковки, он все вертел их в руках, рассматривал и так и этак. — Что вы делаете с этими палочками? — спросил он.

— Это не палочки, а литеры, — сказал я, — ими партизаны листовки печатают.

— А мы журнал собираемся печатать, — тихо добавила Марина.

Федька ехидно захохотал:

— Ой, умру, ой, насмешили! Журнал! Да у вас пороху не хватит!

Вдруг он перестал смеяться.

— А знаете что? Давайте в школе выпускать журнал, всем отрядом! Я Ванюшке об этом расскажу, а уж он меня всегда поддержит. Настоящий будем выпускать журнал, с картинками, не то что ваша размазня!

— Сам ты размазня! — обиделся я, но предложение Федьки мне понравилось. И правда, если мы будем печатать вдвоем с Мариной, работы нам хватит на год.

Пока мы разговаривали о журнале (мы решили его назвать «Будь готов!»), Коза тихо расхаживал по комнате, что-то записывал в тетрадку.

— Что он там высматривает? — спросил я Федьку.

— Обследует, — сказал он. — Не мешай ему, пусть делом занимается...

Гости посидели еще часок и ушли, а на следующее утро начались необыкновенные события.

Еще мы спали, когда в окно сильно постучали.

— Хозяева, вставайте, принимайте дрова!

Мы узнали по голосу нашего знакомого — извозчика Трешникова. Он привез целый воз дров и никак толком не мог объяснить, откуда они и кто их прислал.

— Получил приказ везти — вот и привез...

— От кого приказ? — спросила мама.

— От своего сына — Паньки. Он у нас в семействе главный командир.

— Но дрова-то все-таки откуда?

— А из леса, откуда им еще быть?.. Ну, хозяева, меньше разговоров! Куда складывать прикажете?

— Да пока у порога. Сарая-то у нас пока своего нет, — сказала вконец растерянная мама.

— Это непорядок! — покачал головой Трешников. — Без сарая какое может быть хозяйство?

Он сложил дрова у порога и уехал, не взяв ни за что денег.

— Странный человек, — покачала головой мама. — А может, он перепутал, и дрова вовсе не наши?

Пришла Феклуша. Она совсем не удивилась тому, что прямо к нашему порогу, словно с неба, свалилась куча дров.

— А чего тут гадать! — сказала она, деловито поправляя косынку. — Кто б ни прислал, все равно наше. Давайте пока в наш сарай складывать.

Мама и Феклуша стали носить поленья в сарай, не удержался и я, принялся им помогать. Они ругали меня, гнали, говорили, что я еще больной, но потом разрешили таскать по одному полену.

Дрова были сухие, березовые. Приятно было прикасаться к их белой, атласной кожице, вдыхать еще не выветрившийся запах леса.

День стоял ясный, прозрачный, словно осень, уступая место зиме, хотела проститься с нами по-хорошему.

Когда мы уже заканчивали складывать дрова, издали послышался какой-то дробный стук.

Феклуша выпрямилась, прислушалась.

— Пионеры идут! — сказала она ворчливым голосом. — Вместо того, чтоб с барабаном шагать да ко-

стры жечь, лучше бы пособили дрова сложить — и то польза!..

А дробь барабана звучала все громче и громче: «трум-ту-рум, трум-ту-рум...». Совсем близко запел пионерский горн, и вот в конце улицы язычками пламени заалели галстуки, замелькали белые рубашки.

Отряд направлялся прямо к нам. И впереди шагал краснощекий Федя Палкин и лупил что есть мочи в барабан. Горнист, маленький черноголовый мальчишка, весь малиновый от натуги, изо всех сил дудел в горн. Пионеры несли с собой пилы, рубанки, топоры, молотки. Сбоку, высоко поднимая острые колени, вышагивал Коза с малярной кистью на плече. Он был, вероятно, за командира.

Когда пионеры поравнялись с нами, Коза скомандовал:

— Отряд, стой!

Все остановились и повернулись к нам.

— Что случилось, ребята? — спросила мама.

Коза, держа кисть у ноги, как ружье, отрапортовал:

— Прибыли в ваше распоряжение!

— А что же вы можете делать?

— Все, что скажете. Дверь починим, стекла вставим, побелить можем...

— Вот это молодцы! — одобрила Феклуша.— Кто же это вас надоумил?

— Мы сами надоумились,— сказал Федька.

Все засмеялись, смеялась и мама, но на глазах ее я заметил слезы. Мне некогда было расспрашивать ее, отчего она так расстроилась, потому что вокруг закипела горячая работа, которая захватила и меня.

Выстроившись цепочкой от нашего дома до сарая, ребята в один миг уложили остальные дрова. Белые березовые поленья так и летали из рук в руки. «Плотники» сняли с петель дверь и принялись ее чинить, конопатить.

Возле окна колдовал Федя Палкин. Он старательно вымерял линейкой большой кусок стекла, потом, вынув из кармана какую-то штучку, похожую на карандашик, проводил по стеклу невидимые линии. И стекло в его руках послушно ломалось на ровные прямоугольники. Федя объяснил любопытным, показывая свой удивительный карандашик:

— Это алмаз. Ну-ну, не трогать руками! Он очень дорогой, я его еле у отца выпросил. Сначала он не давал, а потом, когда узнал, зачем он мне, разрешил. «Для хорошего дела,— говорит,— и алмаза не жалко».

— Здорово у тебя получается! Как у настоящего стекольщика! — сказал я.

Федька важно приосанился.

— А что, в самом деле? Я уже давно отцу помогаю. Когда ему некогда, он говорит: «Пойди-ка, Федя, к таким-то, вставь стеклышко. Я знаю, что ты не хуже меня работаешь...»

— Хвастун! — сказал Коза, беливший стенку своей большой кистью.— Работаешь на копейку, а хвастаешь на рубль!

Федька нисколько не обиделся. Он подмигнул мне и сказал:

— А что, если себя не похвалить, кто тебя еще похвалит?

Стучали молотки, вжикали пилы, мягко шуршали рубанки. Я помогал то тем, то другим: подавал гвозди, инструменты, разводил в ведре известку. А Федя Палкин разрешил мне даже подержать в руках драгоценный алмаз; я разрезал им по линеечке стекло, которое Федя тут же, при мне, переломил.

Один только черноголовый шустрый паренек, тот самый, который дудел в горн, не находил себе дела. Правда, он суетился и кричал больше всех. Ему решительно не нравилось, как другие работают, везде он находил неполадки.

— Эх ты, тюха! — кричал он на Козу.— Кто же так белит? Гляди, как неровно получается! Машешь кистью, как корова хвостом.

А «плотников» он обругал за то, что они не умеют забивать гвозди.

— Надо с одного удара забивать! — учил он.— Р-р-раз — и готово!

Ему протянули молоток, но он отказался показать свое искусство:

— Очень мне нужно за вас, лодырей, работать! — и поспешно отошел к другой группе ребят. Скоро и там послышался его поучающий голос.

— Кто это такой? — спросил я Федю.

— Панька Трешников,— махнул рукой Федька.— Командовать любит. Мы его недавно из звеньевых переизбрали, так он два дня ревел без передышки.

Я с любопытством посмотрел на Паньку. Так вот он, знаменитый извозчиков сын, который приказал своему отцу привезти нам дрова! Я рассказал об этом Федьке. Тот кивнул головой и проговорил:

— Правильно! Он отцу приказал, а мы ему приказали. Это ж он пионерское поручение выполнял. И дрова...

Но тут Федька прикусил язык под суровым, осуждающим взглядом Козы.

— Язык держи на привязи! — погрозил ему пальцем Коза.— А то Ванюшке скажу...

И сколько я ни спрашивал Федьку про дрова, он отвечал одно:

— Не могу. Это пионерская тайна.

Мне хотелось быть сразу и здесь и там, делать одновременно сразу несколько дел, но мама все осаживала меня: «Ты вспотел, отдохни... У тебя глаза ненормально блестят, надо температуру измерить...» Эх, если б знала она, что давно я себя так хорошо не чувствовал, как в этот замечательный день!

Пришел посмотреть на нашу работу Алексеич и не удержался, сунул в карман свою трубку, засучил рукава и взялся за рубанок. Пришли Марина, Екатерина Васильевна, и их тоже втянула веселая и дружная работа. Даже Панька Трешников перестал командовать и принялся за дело: ему поручили вытаскивать из досок и выпрямлять погнутые гвозди.

Дело продвигалось быстро. Наша квартира сказочно молодела и хорошела с каждой минутой. А когда Феклуша повесила над дверью свежие еловые ветки и хвойный запах смешался с запахом еще не просохшей известки и вымытых полов, и впрямь показалось, что сегодня большой праздник. Если бы нужно было придумать ему название, я бы назвал его «Праздником дружбы», потому что в этот день я понял, сколько у меня вокруг хороших друзей.

Когда гости ушли, мама вынула из чемодана и повесила на стенку портрет отца. Молодой, черноволосый, в гимнастерке с двумя кубиками в петлицах, он весело смотрел на наше обновленное жилье.

11

А следующий день принес мне сразу три загадки. Вот я и хочу о них рассказать.

Начнем по порядку. Вышел я утром на улицу (мне Екатерина Васильевна уже разрешила гулять, только недолго и недалеко), вижу, идет мимо нашего дома Коркин, понурый такой, невеселый, а под мышкой портфель, не такой туго набитый, как раньше, а сморщенный, отощавший.

И хотя мне неприятно было разговаривать с Коркиным, я по всем правилам снял шапку и сказал:

— Здравствуйте.

Коркин остановился, посмотрел на меня и спросил:

— Что?

— Здравствуйте,— повторил я.

— Надень шапку, мальчик,— сказал Коркин.— Ни к чему. Теперь со мной можно не здороваться.

Я долго смотрел ему вслед и не мог понять: почему теперь с ним можно не здороваться?

Это была первая загадка.

Когда я шел домой, встретил Алексеича. Он откуда-то быстро шел, даже запыхался. Увидел меня, подхватил на руки и ну щекотать мне лицо своим небритым подбородком.

— Победа,— кричит,— победа!

— Какая победа? — спрашиваю.— Разве опять война была?

— Самая настоящая. Враг разбит и в панике отступает!

Вот те на! А я ничего не знал.

— Пойдем,— говорит Алексеич,— к вам. Я записку напишу твоей маме, потому что вечером работаю и не смогу зайти. Хорошие новости, малыш, хорошие!

Пока он писал записку, я все старался заглянуть через его плечо: мне не терпелось узнать, что за новости.

— Чур, не подсматривать! — сказал Алексеич. Он сложил записку треугольничком и добавил по-военному:

— Передать в собственные руки и не распечатывать! Ясно?

— Ясно,— сказал я без особого восторга.

Алексеич уже собрался уходить, как вдруг заметил портрет на стене.

— О, этого я еще не видел!..— Он подошел поближе, присмотрелся. И я собственными ушами слышал, как он сказал: — Майор Волков?!

— Это же мой папа! — удивился я.— И вовсе он не Волков, а Крыленко. И потом он не майор, а лейтенант — видите, два кубика у него, такая раньше форма была.

Тогда Алексеич сказал:

— Да, это твой папа, я ошибся.

Но я заметил, что он был чем-то взволнован. Он еще раз посмотрел на фотографию:

— Да, конечно, я ошибся...

И ушел, забыв на столе свой карандаш.

Это была вторая загадка: как мог Алексеич перепутать моего папу с майором Волковым?

А третья загадка мне была задана вечером. Зная, что скоро придет мама, я залез на печку, забился в угол, прикрыл себя одеялом, чтобы внезапно выскочить и напугать ее. Но мама пришла не одна. По разговору я понял, что с ней — кто бы вы думали? — Елена Дмитриевна, наша учительница.

— Мне неудобно,— говорила Елена Дмитриевна,— я вам и в школе надоедаю да еще домой пришла.

— Заходите, заходите, что за разговоры! — приглашала мама.— Я сама, когда молодой учительницей была, старых учителей осаждала. Раздевайтесь, садитесь, пожалуйста! Саши как раз дома нет, наверное, у соседей, вот мы с вами и поговорим на свободе... О, да тут какая-то записка!

Стало тихо. Мама читала записку. Потом она засмеялась и сказала:

— Ну, я уже обо всем этом знаю. Приятно, конечно, что так дело кончилось. Почитайте, Елена Дмитриевна, это сосед наш пишет...

— Вот как хорошо! — радостно сказала Елена Дмитриевна.— Наконец-то в школе будет здоровая обстановка!

«А разве раньше она была нездоровой? — подумал я.— Наверное, так, поэтому я и заболел в первый же день...»

— После того как я на педсовете против него выступила,— говорила мама,— он мне прямо предложил: «Уезжайте, пока не поздно». Я ответила: «Никуда не поеду. Вам нравится город — сами поезжайте туда!»

— Он и укатил сегодня. Жаловаться, должно быть! — засмеялась Елена Дмитриевна.

— Ничего. Слезам Коркина никто не поверит. Таким в школе делать нечего!.. Ну, бог с ним, давайте делом заниматься...

Тут мама и Елена Дмитриевна повели скучный разговор. «Вы... методически неправильно построили урок»,— говорила мама, а Елена Дмитриевна соглашалась: «Да, да». Но маме этого было мало, она принялась объяснять, почему урок был построен неправильно. Я сидел и думал: «Как можно строить урок? Что это: дом или, скажем, завод?»

А в конце мама произнесла слова, которые меня особенно поразили: «Вам еще надо много учиться, милочка! Институт — это еще не все, главное — практика... А я, чем смогу, помогу вам. И, пожалуйста, не стесняйтесь...»

Елена Дмитриевна поблагодарила маму, еще раз извинилась и ушла, а я не мог долго прийти в себя от удивления: «Елена Дмитриевна, наша учительница, сама учится! И у кого же? У моей мамы!»

И это была третья загадка.

Я вылез из своего укрытия, и мама сразу же принялась меня ругать:

— Ты почему там сидел, такой-сякой, и не подавал голоса? Разве прилично подслушивать?

— И вовсе я не подслушивал! — обиделся я и объяснил, как это вышло.

— Все равно нехорошо,— сказала мама.— В следующий раз давай о себе знать. Мало ли какие разговоры бывают между взрослыми?!

Я так был этим огорчен, что даже не спросил маму, что написал ей Алексеич. А то опять скажет: «Мало ли что пишут взрослые друг другу?!»

— Ну, чего ты надулся? — спросила меня мама, когда я ложился спать. Она присела на край кровати, поправила одеяло.— Не обижайся! Расскажи лучше, как провел день, кого видел.

Я рассказал о встрече с Коркиным. Она рассмеялась:

— Так и сказал: «Надень шапку, теперь со мной не стоит здороваться»?

— Что я, обманываю?

— Хорошо, хорошо! Ты как ежик: сразу иголки выставляешь. А еще что видел, слышал?

— А еще — вот чудеса! — Алексеич принял нашего папу за майора Волкова.

— Какого майора? — нахмурилась мама.

— Да того, о котором он рассказывал, партизана... Но потом он сказал, что ошибся.

— Конечно, ошибся...— задумчиво повторила она.

12

Я совсем выздоровел и вот опять отправляюсь в школу.

Ребята встретили меня таким же шумом, как и в первый раз.

— Ура! — закричал Федька. Это он меня приветствовал.

На первом уроке Елена Дмитриевна спрашивала учеников о богатствах недр нашей страны, и тут выяснилось, что я совсем не отстал, потому что занимался с Мариной, да еще с прошлого года кое-что

помнил. Я даже несколько раз поднял руку и ответил довольно удачно. Елена Дмитриевна поставила мне в журнал пятерку.

Федька с завистью покосился на меня:

— Ну и везет тебе!.. Но, наверное, по арифметике все-таки придется взять тебя на буксир.

Получилось же совсем наоборот. На следующем уроке был устный счет, и мы должны были решить длинный пример. Федька сопел и пыхтел отчаянно: ему очень хотелось решить первым, я видел даже, как он тайком под партой что-то подсчитывал на клочке бумажки.

— Я тебе подскажу,— шептал он мне.— Можешь даже не считать.

Но я все-таки подсчитал и получил правильный ответ раньше Федьки. Тот почесал затылок.

— Да-а-а... Видно, тебе придется брать меня на буксир.

В общем, первый после болезни день занятий прошел для меня очень удачно. Он совсем не был похож на тот далекий мрачный день, когда я первый раз переступил порог школы и, никого не зная, заблудился в ней, как в глухом лесу. Теперь вокруг меня были десятки друзей, а с друзьями не пропадешь.

В самом радужном настроении я возвращался домой. Еще издали я закричал Марине, сидевшей на крыльце:

— Пятерка, пятерка!

— Хвастунишка,— сказала Марина.

Нет, я не был хвастунишкой. Просто мне хотелось поделиться со всеми — не тем, что я получил хорошую отметку, а тем, что все на свете так хорошо складывается.

И я, широко распахнув дверь, крикнул с порога маме (у нее сегодня было мало уроков, и она уехала раньше меня):

— Мама, ты знаешь, что я сегодня получил?

Мама, сидевшая у стола, вздрогнула, засуетилась, что-то быстро спрятала в стол. Глаза у нее были смущенные, какие-то красные.

— Что там такое? — спросил я.— Ты опять плакала? А ну, покажи, что ты там прячешь!

Я отшвырнул сумку и полез в стол. Но мама мягко отстранила мои руки и сказала:

— Не надо, маленький! Там ничего интересного для тебя нет. Так, деловое письмо.

13

Я учусь кататься на лыжах. Трудное это дело! Я на лыжах никогда до этого не катался, только на коньках. А здесь без лыж шагу не сделаешь. Снег выпал глубокий, пушистый. Ребята после школы сразу на лыжи и айда за село кататься. Ну, а мне как отставать от них?

И вот пристал я к маме, и купила она мне лыжи. Когда она мне их принесла, я чуть не заревел от огорчения: какие-то широкие, коротенькие. Мне даже стыдно было их сначала надезать. Потом их увидел Панька Трешников и сразу предложил сменять на свои, беговые. Оказалось, что у меня лыжи не простые, а горные. На них хорошо кататься с горок, прыгать с трамплина.

— Нет, Панька,— сказал я.— Я бы, конечно, сменял, но мне как раз и нужны горные лыжи.

Правда, в Звереве никаких гор нет. Но зато за селом есть глубокие овраги. С их крутых склонов можно катиться не хуже, чем с любой горки. А на дне самого большого оврага мальчишки сделали трамплин. Тем, которые умеют прыгать, хорошо: они, как птицы, взвиваются вверх и мягко опускаются снова на лыжи. А у меня получается, прямо скажем, неважно: то на бок упаду, то головой в сугроб зароюсь. И это несмотря на то, что у меня специальные горные лыжи. Просто не везет. Лыжи у меня слетают с ноги, когда им захочется, разъезжаются в разные стороны, словно поссорившись, или вдруг наскакивают друг на друга, как в драке. И тогда один выход — падать, иначе их не разъединишь.

Я падаю и снова поднимаюсь вверх на гору, чтобы повторить то же самое. «Будь настойчивым,— часто говорил мне отец.— Сто раз что-нибудь не получится, а на сто первый выйдет». Но пока из моей настойчивости ничего не получается. Я так вывалялся в снегу, что похож, наверное, на снежную бабу. А нос у меня превратился в сосульку.

Приятели мне дают самые различные советы.

— Чего согнулся, как крючок? Прямей держись! — кричит один.

— Ну вот, стоишь, как столб! Пружинь ногами, пружинь! — наставляет другой.

— Маши руками!

— Не маши руками! — доносится со всех сторон.

Может, среди этих советов и были полезные, только я их забывал сразу же, как отрывался от земли. Я зажмуривал глаза, выставлял руки вперед и думал только, чтобы, падая, не очень больно ушибиться, потому что мне снова нужно карабкаться наверх.

И вот ребята, устав меня учить, засобирались домой. Но я остаюсь. Я хочу проверить, прав или неправ был отец, когда говорил, что на сто первый раз получится.

Опускаются сумерки. Снег из белого становится синеватым, как белье после стирки. Вот уже низко над горизонтом зажглась первая звездочка.

Скоро ночь, а у меня все еще ничего не получается. Стиснув зубы, чтобы они не клацали друг о друга от холода, я снова и снова карабкаюсь по склону оврага, качусь, взлетаю и... падаю.

— Ничего-о-о! — шепчу я сквозь зубы.— На сто первый раз получится.

И действительно, происходит чудо. Когда я уж совсем было отчаялся и решил попробовать в последний раз, мои ноги неожиданно ощутили твердую почву. Мягкий толчок, и вот я качусь по дну оврага.

— Получилось! — завопил я.

Мне оставалось только затормозить и остановиться, когда прямо передо мной выросла фигура лыжника, и я от неожиданности опустился в снег.

— Саша? — удивленно сказал лыжник.— Ты чего здесь один так поздно делаешь? Почему не пошел домой со всеми?

Это Ванюша. Он в белом свитере, в маленькой вязаной шапочке на курчавых волосах. Лицо у него усталое — видно, он прошел уже порядочное расстояние.

Я рассказал ему о своих злоключениях, пожаловался, что ничего не получается.

— Нет, почему? — сказал Ванюша.— Сейчас ты неплохо прыгнул. А потом и совсем хорошо будет выходить. Ну, для первого раза хватит. Поехали домой!

— Разреши мне еще раз прокатиться! — говорю я.— Вот посмотришь, я не упаду!

— А если упадешь?

— Ни за что!

Ванюша засмеялся.

— Вот это правильно. Не надо никогда думать, что ты можешь упасть. Ну, давай еще разок... Только смелей!

Ванюша остался внизу, у трамплина, а я взобрал-

Я взобрался наверх и сильно оттолкнулся палками.

ся наверх и сильно оттолкнулся палками. Ветер так и засвистел в ушах. Раньше этот свист наводил на меня жуть, а теперь мне ничего не было страшно. Все ближе, ближе человек в белом свитере. И мне почему-то показалось, что если я буду падать, он подхватит меня на руки, чтобы я не разбился. Перед самым трамплином я слегка подогнул ноги, потом выпрямился, неведомая сила подбросила меня, и вот уже я лечу над лесами, над полями, как пушкинский Руслан. Снова толчок, лыжи коснулись снега, ноги мои сами спружинили, я прокатился немного и резко затормозил, расставив лыжи, как делал Федя Палкин и, наверное, все настоящие лыжники.

— Хорошо! — сказал Ванюша.— Молодец! Если и дальше будешь тренироваться, мы тебя, пожалуй, включим в нашу школьную команду.

Мы поднялись вместе на горку. Ваня пошел вперед, а я семенил за ним по лыжне на своих коротеньких лыжах. Так мы дошли до нашего дома.

— Знаешь что? — сказал на прощание Ванюша.— Приходи завтра на наш общешкольный пионерский сбор.

— Я же не пионер.

— Ничего. Я приглашаю. Будем говорить об очень интересном — о воспитании воли и характера. Тебе это пригодится. Так придешь?

— Приду.

Мне было приятно, что Ванюшка крепко пожал мне руку, как взрослому, и взял с меня честное слово. Теперь на сбор надо обязательно прийти, хотя, по правде сказать, не люблю я всяких собраний. Но Ванюша — настоящий вожатый, не то что Олимпиада Васильевна. Значит, и собрание будет настоящее, интересное. Пойду непременно.

14

У входа в пионерскую комнату стоял рослый шестиклассник и придирчиво осматривал входящих. Тех, у кого были немытые руки и лицо, он немедленно гнал в умывальник, непричесанных заставлял причесаться, растрепа — привести свою одежду в порядок. Только после этого он пропускал в комнату, где должен был состояться сбор.

Я попробовал было прошмыгнуть мимо него, но он крепко ухватил меня за плечо.

— Стой, не торопись! А где твой галстук?

— Нет у меня галстука.

— Ах, нет? — ехидно пропел шестиклассник.— Дома на рояле оставил? Вот заставлю тебя за галстуком сбегать, будешь знать! Знал ведь, что на сбор идешь, растяпа!

— Да чего ты к нему привязался, Вихров? — вмешался Федя Палкин.— Это Саша Крыленко, его Ванюша на сбор пригласил.

— Ладно, проходи, коли так,— сказал шестиклассник.— Только галстук в следующий раз не забывай.

Мне стало неловко. Если бы у меня был пионерский галстук, я с удовольствием сбегал бы за ним по требованию строгого дежурного.

Пионерская комната была битком набита ребятами. В центре комнаты Ванюша и старшеклассники, которых он пригласил к себе на помощь, налаживали костер. Он был совсем как настоящий, только вместо огня над поленьями трепыхались алые флажки, раздуваемые вентилятором, да светили изнутри прикрытые кумачом электрические лампочки. Ванюшка тоже был там. Он заметил меня и с улыбкой кивнул головой.

Наконец все было готово. Потушили верхний свет, вспыхнули лампочки «костра», загудел вентилятор, и ребята запели:

Взвейтесь кострами,
Синие ночи!
Мы пионеры,
Дети рабочих...

Я тоже пел вместе со всеми. В темноте, когда на меня никто не смотрел, я чувствовал себя лучше, только костер мне не очень нравился. Эх, сюда бы настоящий — с дымом, с пламенем!

Потом вентилятор выключили (уж очень он гудел), и Ванюшка сказал:

— А теперь, ребята, поговорим о воспитании воли и характера. Ну, прежде всего кто скажет: что такое воля?

Поднял руку Федя Палкин, и ему дали слово.

— Воля,— сказал он,— это свобода. Это значит — делай, что хочешь. Вот... Чего смеетесь? Объясните лучше, а потом смейтесь.

Потом Федя еще что-то говорил, но ничего не было слышно из-за сплошного хохота. Тогда он махнул рукой и сел на место.

— Нет, воля — это гораздо сложней, чем объяснил нам Федя,— сказал Ванюшка, когда смех утих.— Воля — это умение человека управлять собой, делать не то, что он хочет, а то, что он должен. Ну, например: нужно делать уроки, а тут так и подмывает с ребятами в снежки поиграть. Но ты сидишь и работаешь, потому что у тебя воля есть...

— Я себя за ноги к столу привязываю, чтоб не сбежать...

Это сказал кто-то в задних рядах, и все повернулись в его сторону.

Ванюшка улыбнулся.

— А вот надо сделать так, чтобы не пришлось ноги привязывать. Надо, значит, самому вырабатывать у себя крепкую волю. Чтобы приказал себе: «Пока не выучу уроки, не встану с места!» — и выполнил. Вот тогда ты будешь волевым человеком.

— Трудненько!.. —опять отозвался голос из задних рядов.

— И все-таки можно и нужно выработать. Вот часто пишут про героев: «У него железный характер». А что такое железный характер? Это прежде всего крепкая воля, упорство...

— Вот у Пашки Трешникова упорство,— перебил Ванюшку сидевший впереди меня рыжеволосый вихрастый мальчуган.— Он залез под кровать и сказал родителям: «Не вылезу, пока голубей не купите!» И что? Пришлось купить...

— Не ври!— взвился Панька Трешников.— Не голубей, а детекторный приемник...

— Ну, это уже упрямство, а не упорство,— сказал Ванюшка, утихомирив спорщиков.— Это, скорей, плохая черта характера, чем хорошая: когда человек во что бы то ни стало хочет добиться своего только потому, что так ему хочется. Из таких самодуры получаются. А вот я хочу, чтобы вы назвали своих любимых героев, у которых была твердая воля и мужественный характер.

Наступила тишина. Все задумались.

Первой подняла руку девочка с тоненькими, загнутыми вверх косичками.

— Мой любимый герой — партизанка Зоя,— сказала она так тихо, что почти никто не расслышал.

— Громче! — послышались голоса.

— Мой любимый герой — партизанка Зоя,— повторила девочка. Сказала она это негромко, но так, что все притихли.— Почему? Потому что она всю жизнь отдала за Родину. Вот. И никого не боялась.

— Правильно! — сказал Ванюша.— Вот это настоящий герой.

И тут начали кричать со всех сторон:

— Капитан Гастелло!

— Чкалов!

— Матросов!

А мой сосед выкрикнул:

— Граф Монте-Кристо!

Тогда снова поднялась девочка с косичками.

— А по-моему, это неправильно — какого-то графа героем называть. Почему? Потому что он буржуй. Вот!

— Какой буржуй? — запротестовал мой сосед.— Не читала, а говоришь! Он совсем и не граф, только назывался так. Почитала бы, как он из тюрьмы бежал, тогда бы не говорила, что буржуй.

Но графа единодушно отвергли.

Ванюша, улыбаясь, поднял руку, и шум улегся.

— Значит, вот мы к чему пришли,— сказал он.— Герой не просто смелый человек. Герой — тот, кто совершает смелые поступки в борьбе за правду, за дело трудящихся. Героями становятся иногда не только взрослые, но и дети, такие, как вы. Все слыхали, наверное, про Павлика Морозова?

— Слыхали! — дружно отозвались ребята.

— А знаете, какой он подвиг совершил?

Девочка с косичками ответила первой:

— Его кулаки убили... А вот за что, не помню.

И тогда Ванюша начал рассказывать о Павлике Морозове. Он, оказывается, был родом из того же села, что и Павлик. Он рассказывал, а в комнате было так тихо, что слышно было, как вздыхает за окнами ветер да царапают стекло колючие снежинки. Я старался потише дышать, чтоб не упустить ни слова. Я видел, как наяву, густые, темные ели, двух мальчиков — одного побольше, другого поменьше,— которые, взявшись за руки, шли по узенькой тропке; увидел огромных, дикого вида людей, которые с топорами и ножами в руках преградили путь пионерам. И один из них был отец Павлика.

«Я вас не боюсь! — сказал Павлик, прижимая к себе маленького брата.— Не боюсь! Я пионер...»

Может быть, он не так сказал перед смертью, но я услышал эти слова так, как будто их произнес над моим ухом тонкий ребячий голос...

— Что с тобой? Бледный стал, как стенка,— толкнул меня локтем Федя.

— Ничего,— сказал я.— Это бывает со мной. Пройдет...

Теперь уже разговор шел сам собой. Ребята наперебой говорили о виденном, о слышанном: о героях революции и гражданской войны, о людях, которые отдали жизни свои в борьбе против фашистов. И когда речь зашла о славных пограничниках, которые берегут наши рубежи, все посмотрели на меня, и я понял, что это вспомнили про моего отца. Мне стало весело и радостно...

Мы шли со сбора к ожидавшей нас «малашке» и, размахивая руками, кричали и спорили, можно ли считать героем Робина Гуда или нельзя.

15

Дел у меня сейчас по горло. В школе решили выпускать журнал «Будь готов!» и редактором выбрали меня.

Редколлегия сразу же взялась за работу. В школьном коридоре вывесили большое яркое объявление:

«Внимание!! Внимание!! Скоро выходит первый номер журнала «Будь готов!».

У кого есть стихи, рассказы, заметки, и т. д., и т. п., сдавайте! А то будет поздно! У кого нет, пишите!»

Первым принес стихотворение малыш из второго класса — Вова Малинин. Пока мы читали его произведение, написанное большими кривыми буквами на тетрадном, в косую линию листочке, автор стоял в гордой позе, отставив ногу и шмыгая носом. В дверь пионерской комнаты, где заседала редколлегия, заглядывали Вовкины одноклассники: они все «болели» за своего поэта. Стихотворение посвящалось жуткой истории о том, как у маленького мальчика, который по утрам ленился умываться и чистить зубы, сбежали чулки, башмаки, штаны и мальчик остался голым. Мальчик начал умываться, и все к нему вернулось.

— Ты читал «Мойдодыра»? — спросили мы Вову.

— Читал,— сказал он.— А что?

— Так вот, похоже.

— И ни капельки! Тут все слова мои!

Пришлось принять стихотворение, потому что действительно слова были все Вовкины. Малыши встретили решение редколлегии радостным воплем.

Потом известный школьный поэт восьмиклассник Валерий Брюквин принес стихотворение на злободневную тему. Дело в том, что в пятом «А» классе недавно случилось происшествие: у Коли Синицына, тихого, плаксивого мальчика, пропала толстая общая тетрадь, в которой Коля наклеивал марки всех стран мира. Синицын собирал все: открытки, спичечные и папиросные коробки, этикетки от ситро,— но марки были его гордостью. И вот бесценная тетрадь исчезла из Колиной парты во время перемены. Подозревали, что ее кто-то стащил, чтобы подразнить плаксивого Колю.

Валерий Брюквин живо откликнулся на это событие следующими стихами:

Шум идет по всей по школе:
В пятом «А» завелся тать!
У Синицына у Коли
Сперли общую тетрадь!
Нет, терпеть не можно боле,
Более нельзя молчать!
Тот, кто спер тетрадь у Коли,
Должен оную отдать!

Прочитав стихотворение, члены редколлегии принялись чесать затылки. Автор был уважаемый, и стихотворение, в общем, могло подойти, только всех смущали слова «тать», «оную», значения которых мы не знали. Спросили об этом автора, и тот презрительно захохотал:

— Что значит мальки — истории не знают! «Тать» — это значит «вор» по-древнерусски, а «оная» — тоже по-древнерусски означает «та самая».

Мы ему посоветовали перевести стихотворение с древнего на наш нормальный русский язык, но он забрал стихотворение и сказал:

— Насажали сопляков в редколлегию... Больше от меня ни строчки не ждите!

Спор наш разрешил сам пострадавший — Коля Синицын. Он вошел заплаканный, с тетрадкой в руках. Оказывается, «тать», испугавшись, что его пропечатают в журнале, подкинул тетрадь в парту.

Так или иначе, стихотворение Валерия Брюквина отпало. Но мы не жалели об этом: стихов у нас собралось много. И почти все про войну, про нашу победу. Так что там было из чего выбирать.

Труднее оказалось с рассказами. Один первоклассник принес свое сочинение «Как я провел лето». Из сочинения мы узнали, что лето он провел дома, купался, загорал да лакомился пенками, когда мать варила варенье. И все. Кроме того, в сочинении было много ошибок. Его забраковали.

И тогда я сам написал рассказ о собаке. Не смейтесь, сначала узнайте, что за собака. Это служебная овчарка Зорька. Я видел ее, когда был на границе. Она очень сильная и смелая, вроде Джульбарса, а глаза умные, совсем человеческие. Мне о ней много рассказывал папа. Она помогла пограничникам поймать пять шпионов. Я ее сначала боялся, но потом папа сам подвел меня к ней. Я ее погладил по шерсти, а она мне лизнула руку. Так мы с Зорькой познакомились.

Рассказ редколлегия приняла.

Трудней всего было редактировать журнал. Никто из нас, членов редколлегии, не знал, что значит редактировать. Помог нам Семен Евграфович — учитель русского языка и литературы в старших классах. Длинный, сухой, в пенсне на черном шнурочке, он безжалостно черкал красным карандашом наши сочинения, приговаривая:

— Петух нашел жемчужное зерно и говорит: «Куда оно?» А тем зерном была русская грамматика. Так вот, учитесь, детушки, чтобы не уподобиться этому петуху...

Потом мы переписывали начисто наши исправленные сочинения, привлекли к этому делу и Марину, у которой был красивый, четкий почерк...

И вот у меня в руках первый номер журнала. Он такой чистенький, такой нарядный, что даже страх берет: как бы не уронить его, не запачкать. На обложке журнала изображен костер, а рядом с ним — два салютующих пионера — мальчик и девочка. Сверху алая надпись «Будь готов!».

16

Я готовлюсь в пионеры. Не думайте, что это так просто — захотел и поступил. Настоящий пионер должен не только хорошо учиться, но и быть во всем остальном примером для всех ребят. Пионеру нужно быть отважным, сильным, закаленным, в любую минуту готовым и на труд и на бой. Это сказал мне Ванюшка.

С учением у меня дела идут неплохо, только по арифметике Коза обогнал меня, а вот насчет физической закалки надо поднажать. По утрам я теперь занимаюсь гимнастикой и, позанимавшись, ощупываю свои мускулы. Мне кажется, что они становятся все тверже.

По воскресеньям мы с Ванюшкой и другими ребятами ходим на лыжах далеко-далеко, за сосновый бор, катаемся с горок, прыгаем с трамплина, и я уже не падаю, как прежде, а прыгаю даже дальше Федьки Палкина, который считается лучшим лыжником.

А недавно мы устроили военную игру. Мы, «красные», штурмовали снежную «крепость», которую занимали «синие». Наши противники яростно отбивались снежками. Один снежок угодил мне прямо в лоб, да так сильно, что в глазах у меня искры вспыхнули. Но я все-таки взбежал на самый верх «крепости» и установил там красный флажок. И после этого «синие» сдались.

Наступили весенние каникулы. Я целыми днями бегал с приятелями по селу и его окрестностям. Ходили мы в поле, где уже гудели трактора знаменитой бригады Дарьи Громовой, видели саму Дарью — невысокую русоволосую женщину в белой косынке и ватных брюках. Она такая простая, веселая. Пригласила нас в вагончик, напоила чаем. Даже не верится, что ей сам Калинин орден вручал в Кремле! Подолгу пропадали мы на речке, где уже сошел лед и теперь, бороздя поверхность воды острыми плавниками, шли целыми косяками щуки метать икру. Их можно было глушить палками и даже ловить голыми руками. Я как-то притащил домой щуку, а мама испугалась: «Где ты достал это чудовище?»

И правда, щука была страшная: большая, зубастая, как крокодил, но я ее ни на что не променял бы, потому что добыл своими руками. Мне пришлось для этого разуться, залезть по колени в ледяную воду. Но об этом я маме не сказал.

И вот среди этих веселых, солнечных дней выдался один черный.

Я рылся в столе, искал запропастившийся ластик. И тут в руки мне попала старая, пожелтевшая фотография, которую я никогда до этого не видел. Она изображала бородатых, увешанных оружием людей. Они стояли, тесно прижавшись плечом друг к другу, как братья. И хотя лица у них были усталые, темные от загара и пыли, они улыбались: видно, их чем-то рассмешил фотограф. У меня даже сердце екнуло: партизаны! Ой, как здорово! Лицо одного из них, того, что стоял в центре, показалось мне знакомым. До того знакомым, что глаза мои, словно магнитом, притянуло к нему. Сухощавое, поросшее курчавой бородкой лицо, смешливые морщинки возле глаз... И рука моя сама потянулась к этому лицу: мне захотелось разгладить морщинки,— и тут же я отдернул руку, как будто ее обожгло. Мне вспомнилась наша старая игра с отцом. Когда он приходил домой, усталый после работы, я забирался к нему на колени и принимался руками разглаживать его морщинки — на лбу, возле глаз, приговаривая: «Вот теперь ты совсем молодой. Ни одной сердитки нет!» «Сердитками» я называл морщины. Он делал испуганное лицо и говорил: «А ты стал совсем старым дедом, все морщины на тебя перешли». «Неправда!» — кричал я, но все же бежал на всякий случай к зеркалу. С тех пор отец называл меня «дедом»: «Ну, как, дед Сашка, дела?» А я ему отвечал по-стариковски: «Кряхтим помаленьку».

Так что это за человек, которого мне захотелось погладить по лицу?

Я повернул фотографию и увидел на обратной стороне надпись карандашом:

«Группа партизан из отряда майора Волкова. Третий слева — майор Волков. 1943 год».

Так вот это кто — майор Волков! Я жадно всматривался в лицо героя и все больше убеждался, что где-то его видел. Но где? Взгляд мой случайно упал на портрет отца. Еще не веря своим глазам, я подбежал к портрету, поднес к нему маленькую пожелтевшую фотографию. Те же морщинки возле глаз, тот же ежик волос над широким лбом, который отец не мог никогда как следует зачесать. «У тебя, Алексей, не волосы, а проволока»,—шутила мама. Так вот почему Алексеич назвал по ошибке моего отца майором Волковым! А может, он не ошибся? Но почему Волков? Ведь моего папу зовут Алексеем Степановичем, и фамилия у него такая же, как у меня,— Крыленко!

А хорошо, если бы мой папа действительно оказался майором Волковым! Я знал, что во время войны некоторые партизаны не назывались по фамилиям. В сводках сообщали: «Отряд товарища К.», отряд «Деда». Может, и папа переменил фамилию, чтобы обмануть врагов? Я чуть не завопил от восторга: ну, конечно, мой папа и майор Волков — один человек. И вдруг мне стало тяжело дышать: я вспомнил рассказ Алексеича. Ведь майора Волкова убили! Я осторожно положил фотографию на место и вышел на крыльцо.

Ярко светило солнце. По просохшей земле, по мо-

Я жадно всматривался в лицо героя и все больше убеждался, что где-то его видел.

лодой, темно-зеленой травке бежали тени облаков; чей-то теленок, рыжий, с белыми подпалинами, взбрыкивая ногами и задрав хвост, носился по площади; тоненькие деревья — мы их недавно посадили с ребятами — гнулись под ударами теплого ветра. Но куда бы я ни посмотрел, передо мной стояло лицо с морщинками возле глаз и жестким ежиком волос над широким лбом. Майор Волков. Мой отец. Человек, которого я больше никогда не увижу...

Подошла Феклуша. Она что-то сказала мне, но слов я не разобрал. Я видел только, как шевелятся ее полные губы. Потом она тревожно нахмурилась, приложила к моему лбу свою шершавую маленькую ладонь и потащила меня в комнату.

Она уложила меня в постель, и я сразу уснул как убитый. Когда я открыл глаза, в окне уже синели сумерки. Рядом с кроватью сидели мама, Екатерина Васильевна и Петр Алексеич. Екатерина Васильевна держала меня за руку — считала пульс. Я отдернул руку и спрятал ее под одеяло.

— Не больной я совсем.

— Что с тобой? — наклонилась надо мной мама.

Я увидел, как тревожно блестят у нее глаза.

— Ничего... Пускай Петр Алексеич сядет поближе.

— Пожалуйста...— Алексеич придвинулся поближе к постели и, обдав меня запахом крепкого табака, спросил, как спрашивают маленьких: — Головка болит?

— Алексеич, скажи: майор Волков — это мой папа?

Алексеич отшатнулся, словно его ударили, беспомощно посмотрел на маму. А та ничего не сказала, только, закрыв лицо руками, заплакала.

И тогда я понял, что это правда.

18

Теперь я знаю все, что от меня долго скрывали. Алексеич, как только увидел фотографию моего отца, сразу понял, что он и есть майор Волков. Но он, прежде чем сказать об этом маме, решил все проверить. Для этого он поехал к одному своему старому товарищу, с которым вместе был в партизанах, и раздобыл у него фотокарточку. Только после этого он рассказал обо всем маме. Она попросила его ничего не говорить мне. («Мальчик больной, впечатлительный, надо его подготовить».)

Когда папа, тяжело раненный, попал в плен к фашистам, он не назвал своего имени. Немецкий офицер, который допрашивал папу, назвал его «волком»: «Это опасный волк, надо за ним хорошенько смотреть». А русские, которые вместе с ним сидели в лагере, решили, что он, конечно, командир и чином никак не ниже майора. Так и пошло: «майор Волков». Папу вместе с другими пленными отправили в Германию. Здесь, в концентрационном лагере, он собрал вокруг себя надежных товарищей, коммунистов, и они образовали подпольную группу. Цель у них была одна — бежать из лагеря, пробиться к своим, чтобы снова воевать с фашистами до победы. Они решили поднять восстание в день немецкого праздника, когда фашисты перепьются и не будут так строго смотреть за пленными. Но в группу затесался предатель. Он выдал всех. Папу и его товарищей схватили, бросили в одиночные камеры. Потом их отправили в «лагерь смерти», откуда никто живым не уходил. Пленных здесь кормили картофельной шелухой, каждый день избивали резиновыми палками, и они умирали — не от побоев, так от голода. Так погибли все товарищи папы, а он держался наперекор всему. «Живучий волк»,— говорили о нем фашисты. И, может быть, из уважения к тому, что он такой крепкий и сильный, они стали относиться к нему лучше, даже предложили перейти к ним на службу. Папа сказал, что подумает и даст ответ через неделю. Через неделю в лагере вспыхнуло восстание, пленные перебили охранников, забрали у них оружие и вырвались на свободу. Так ответил папа на предложение фашистов. Он подготовил это восстание и потом вел свой отряд через всю Германию.

* * *

Вот так нашелся мой отец. Летом, когда начнутся каникулы, мы поедем с мамой и Алексеичем разыскивать могилу его в Брянском лесу.

О чем еще осталось рассказать? Расскажу о самом главном — как я вступал в пионеры.

Меня и других ребят должны были принимать Первого мая, в день праздника. И чем меньше дней оставалось до Первомая, тем сильнее я волновался. В пионеры ведь принимают один раз в жизни!

Я снова и снова повторял слова торжественного пионерского обещания:

«Я, юный пионер Советского Союза...»

Слова эти я уже давно выучил наизусть, но мне казалось, что в самый последний момент собьюсь и тогда, пожалуй, отложат прием в пионеры. Маринка меня успокаивала: ничего, дескать, особенного не будет, если даже и собьешься, там все будут говорить хором, никто не услышит. Ей хорошо рассуждать, она пионерка, а я в первый раз вступаю!

И вот мы стоим в просторном школьном зале, освещенном ярким майским солнцем, которое так и ломится в широкие окна, и повторяем пересохшими от волнения губами:

— Я, юный пионер Советского Союза...

И кажется, что нас слушает в эту минуту вся страна и даже Ильич на портрете чуть наклонил голову и ласково прищурился, прислушиваясь к нашей клятве.

Ванюша в новом костюме, с комсомольским значком на лацкане, стоит перед строем, и по лицу его видно, что этот день для него тоже самый торжественный.

Вот он подходит к правофланговому и повязывает ему галстук. Все, вытянув шеи, смотрят, как новичок дрожащими от волнения руками поправляет узел и отдает салют:

— Всегда готов!

Доходит очередь и до меня. Улыбающийся Ванюша протягивает мне красный галстук. Он горит, как пламя, этот кусочек материи. И я теперь понимаю, почему галстук красный: в нем кровь борцов, отдавших жизнь за дело коммунизма. В нем есть и капелька крови моего отца. И рука моя тоже поднимается в пионерском салюте:

— Всегда готов!

А в это время в Москве фанфары возвещают о начале парада войск. Едва замолкли их серебряные голоса, как все содрогнулось от тяжкой поступи войск.

Чеканя шаг, ощетинясь штыками, идет пехота.

Тяжко громыхают танки и бронетранспортеры. Идут моряки, суворовцы, нахимовцы.

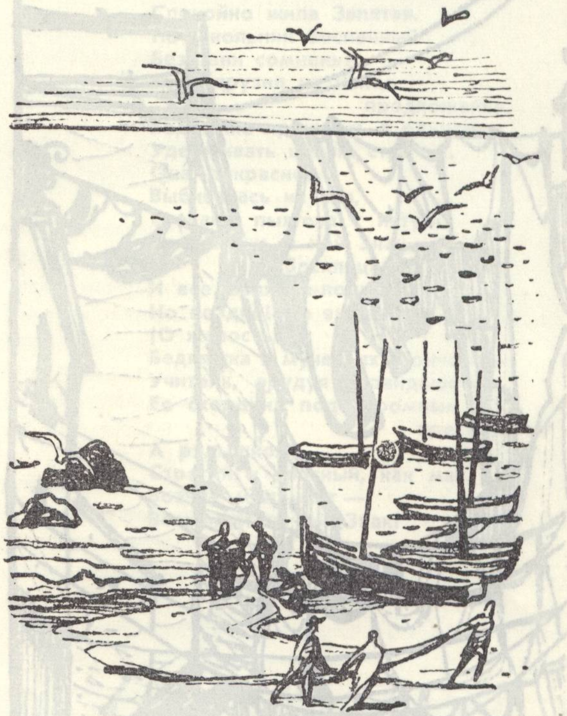
И вот в конце площади словно зеленый луг расцвел. Это широким легким шагом идут пограничники в своих зеленых фуражках, крепкие, закаленные в боях люди. Они несут перед собой знамя, и в этом знамени — капли крови моего отца.

И я когда-нибудь тоже встану в строй на его место и понесу вперед знамя, которое он нес до конца своей честной жизни.

Новые стихи Джанни Родари

Перевел с итальянского
Ю. Ильин.

Рисунки А. Билль.

Реки земли

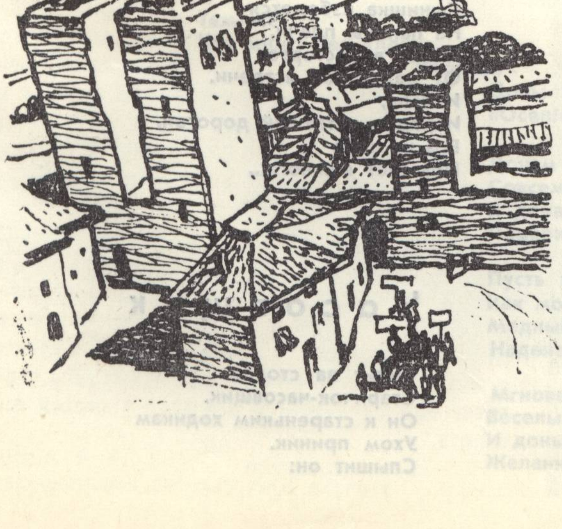
Послушайте, люди,
О чем говорят
Реки,
Встречаясь в безбрежных морях.
— Позвольте представиться:
Я из Парижа,
Сеной
Меня называют все жители!

— Я Тибр! Прошу вас,
Теките поближе,
Скажите,
Вы Темзу случайно не видели!
— Темза сегодня
Течет стороной,
Спешит на свиданье
С рекой Параной...
Эльба
Играет в пятнашки с Луарой,
Висла
Беседует с Гвадалахарой,

С Желтой рекою
Река Голубая
Плеском приветствует
Струи Дуная,

Невские волны
Из Ленинграда
Вливаются в волны
Реки Колорадо.

Все реки на свете
Встречаются в море,
И рыбы резвятся
В их синем просторе!

Улицы и площади Италии

В любом городишке,
И даже в столице,
В Италии трудно, дружок,
заблудиться:

У жителей города
С детства привычка
Названия улиц
Читать на табличках.
Вот улица Гра́мши...
Восстанья аллея...
Бульвар Гарибальди
Проходит левее...
Во всяком местечке
Есть площадь Свободы,
Аллея Единства
И площадь Народа.

Когда ты пойдешь
Мимо парков и зданий,
Побольше запомни
Подобных названий.

По улицам этим
Старайся идти,
И ты никогда
Не собьешься с пути!

Школа

У взрослых в Италии
Школа своя...
Нету каникул
В той школе, друзья.
Нет классных досок,
Чернильниц и мела,
Девочек нету
В передниках белых.
Над трудной задачей
Приходится биться
Всем, кто в той школе
Должен учиться:
«Как прокормить
На такую получку
Дочь и сынишку,
Внука и внучку!»

Только успеете
Сдать сочинение
«Как мне и семье
Избежать выселения»,

Тотчас
Чиновник вас вызовет
строгий
И вежливо скажет:
«Платите налоги!»

Шофер

Важнее,
Чем капитан корабля,
Чем главный кондуктор экспресса,
Шофер перевозит то кучи угля,
То бревна из дальнего леса.
Он царь поворотов,
Владыка проселков,
Он птицей летит
Мимо рощ и поселков.
Он целую ночь проведет за рулем,
А утром вернется
В свой маленький дом.
Сынишка взберется
На папины плечи,
И оба в восторге
От радостной встречи.
И папа,
Изрядно уставший дорогой,
Его на себе
Покатает немного...

Часовщик

Сидит за столом
Старичок-часовщик.
Он к стареньким ходикам
Ухом приник.
Слышит он:

В сердце у них перебои —
И грустно качает
Седой головою.

О чем же часы
Рассказали тайком!

Стукнул в сердцах
Старичок молотком:

— Часы недовольны,
Неверно идут!
Слишком немного
Они показали
В жизни хозяина
Светлых минут
И слишком много
Печали!

Пружина, по-моему,
Портит все дело,
Она заржавела,
Она устарела.

Давайте скорее
Пружину заменим,
И сразу настанет
Чудесное время!

История одной запятой

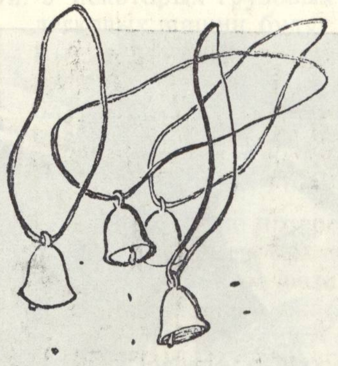
На свете, заботы не зная,
Спокойно жила Запятая.
Но школьник беспечный
Без тени сомненья
Ее водрузил на конце
предложенья.
Бедняжке пришлось в одиночку
Удерживать целую строчку.
Она, покраснев,
Выбивалась из сил,
Стонала, пыхтела с натуги.
На помощь к ней Знак
Восклицанья спешил
И все Запятые-подруги.
Но поздно! Не выдержав мýки
(О жалость!),
Бедняжка в мученьях скончалась.
Учитель, орудуя карандашом,
Ее схоронил под огромным
крестом.
А рядышком,
Строгий и красный, как мак,
Возник монумент —
Восклицательный Знак!

Четыре дона

Четыре
По улице
Шли дворянина:
Дон Пино,
Дон Рико,
Дон Тино,
Дон Дино.

Шли люди навстречу,
И каждый с поклоном
Каждого дона
Приветствовал «доном».

Тем же,
Кто мимо без «дона»
прошел,

Доны вдогонку кричали:
«Осел!»

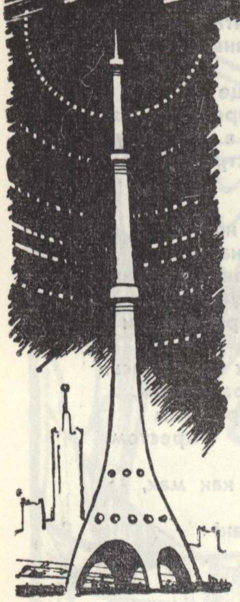
Донам ругаться
Совсем не пристало,
Я донам совет
Подарю для начала:

Пусть каждый из донов
Как можно скорее
Медный бубенчик
Наденет на шею;

Мгновенно раздастся
Веселый трезвон,
И доны услышат
Желанное «дон-н!»

Разговор о ближайшем будущем

Во всех наших газетах опубликованы тезисы доклада Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС. Это величественная программа строительства коммунизма в нашей стране.

Мы вступаем в новый период истории человечества — Коммунистическая партия ведет нас к победе коммунизма. Она уже не за горами, эта победа!

Вся программа рассчитана на пятнадцать лет, основная ее часть должна быть выполнена в семь лет. Вы, ребята, окончив школу, тоже будете участниками этих великих дел. Многим пионерам и школьникам уже сейчас хочется узнать, что предстоит им делать завтра, каким оно будет, это будущее, планируемое сегодня. Почта приносит нам самые разные вопросы наших читателей:

«На каких заводах мы будем работать, когда окончим школу?

Целину распахали без нас. А какие новые земли будем обрабатывать мы?

Будет ли мама приходить с работы домой раньше?

Как победить болезни?

Какие новые автомобили будут созданы?»

Вопросов очень много. В этом номере мы начинаем отвечать на них.

Будет ли мама приходить с работы раньше?

КОНЕЧНО, БУДЕТ! Скоро все рабочие и служащие станут работать не восемь, а семь и даже шесть часов. Многие мамы и теперь приходят раньше: их рабочий день уже стал короче.

Вот, например, мы теперь работаем по-новому: только пять дней в неделю. Два дня у нас выходных. А иногда, когда в ночную смену выходишь после выходного, то и три дня свободных. В конце семилетки у всех будет два выходных дня в неделю. В Советском Союзе будет самый короткий рабочий день и самая короткая рабочая неделя в мире.

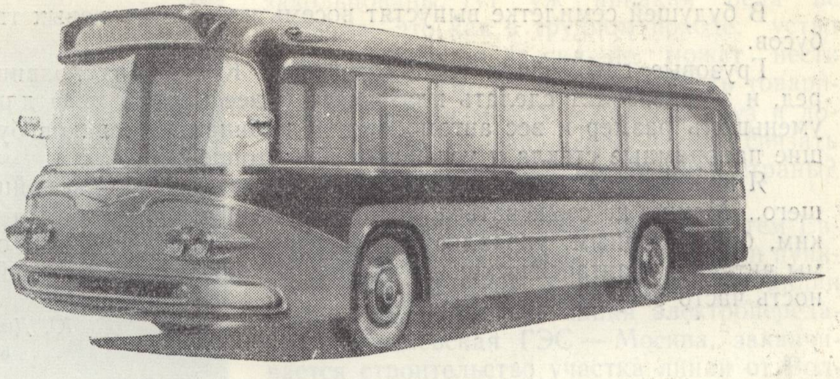
Но хотя мы работаем теперь меньше, наш комбинат выпускает тканей больше, и зарплата рабочих увеличилась.

Это просто замечательно, когда так много свободного времени! Теперь я меньше устаю на работе и поэтому с домашними делами управляюсь быстрее. Да и муж и дочка с сыном помогают мне. У меня остается много свободного времени, и я провожу его со своими ребятами. Мы теперь часто бываем вместе и обо всем успеваем поговорить.

А. А. Кашина,
ткачиха Костромского льнокомбината.

Какие новые автомобили будут созданы в ближайшее время?

В этом автобусе хватит места на сто пассажиров.

«АВТОМОБИЛЬНЫЙ ПАРК БУДЕТ ПОПОЛНЕН МАШИНАМИ НОВЫХ КОНСТРУКЦИЙ»,— читаем мы в тезисах доклада Никиты Сергеевича Хрущева на XXI съезде КПСС.

Над созданием этих машин работают заводы, работают конструкторские бюро. Мы стремимся сделать их легкоуправляемыми, послушными водителю.

У новых легковых машин будут мощные двигатели, обтекаемые кузова с низким уровнем пола и большими гнутыми панорамными стеклами спереди и сзади. Конструкторы создают автоматические коробки передач или силовые передачи с двухпедальным управлением, а это уже большой шаг к «самоуправляемому» автомобилю! Водитель новой машины будет пользоваться только двумя педалями.

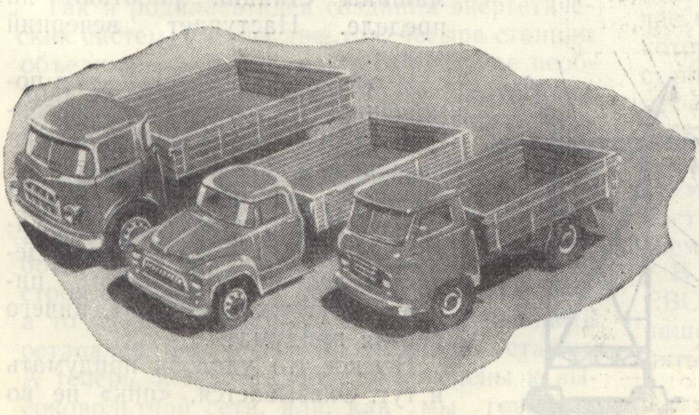
Конструкторы создали для новых машин двигатели небольшого размера и веса, но большей мощности. У некоторых грузовых и у крупных легковых машин будут так называемые V-образные двигатели. Их цилиндры расположены в два ряда, благодаря этому двигатель станет короче, а помещение для пассажиров просторнее, хотя сам автомобиль не увеличится.

Самый маленький и самый большой легковые автомобили — микролитражный и «ЗИЛ-III».

Есть еще одно интересное нововведение: колеса новых машин будут подвешиваться на резиновых баллонах, наполненных сжатым воздухом. Это даст автомобилю плавный ход. В кузове больших автомобилей особые устройства будут поддерживать определенную температуру и влажность воздуха: зимой в них будет тепло, а летом — прохладно.

Двигатель микролитражного автомобиля находится в задней части кузова, у этой машины воздушное охлаждение, маленькие колеса, несколько упрощенная конструкция кузова. Все это позволяет сделать автомобиль маленьким и легким. В нем будут помещаться четыре человека и багаж, хотя он почти на метр короче «Москвича» и весит в полтора раза меньше. Скорость его — до девяноста километров в час.

Новые грузовики.

В будущей семилетке выпустят восемь или девять новых типов автобусов.

Грузовые автомобили тоже изменятся. Кабины их подвинутся вперед, и это позволит сделать платформу более чем на метр длиннее или уменьшить размер и вес автомобиля. В кабинах грузовиков будут большие панорамные стекла и установка для отопления.

Я коротко рассказал здесь об автомобилях самого ближайшего будущего... Можно не сомневаться, что новые машины приблизятся к тем легким, быстроходным, управляемым автоматами автомобилям, о которых мы читаем в фантастических рассказах. В нашей стране действительность часто опережает фантастику.

Ю. Долматовский,
конструктор.

Куда пойдет энергия новых электростанций?

ЭНЕРГИЯ ПОЙДЕТ В ЕВС. В самом ближайшем будущем энергия и новых и уже существующих станций в нашей стране будет направляться в ЕВС — единую высоковольтную систему...

«Предстоящая семилетка явится решающим этапом в осуществлении идеи Ленина о сплошной электрификации страны»,— записано в тезисах доклада Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС.

Электрифицировать страну — это значит построить множество электростанций, вдоволь снабдить электроэнергией нашу промышленность.

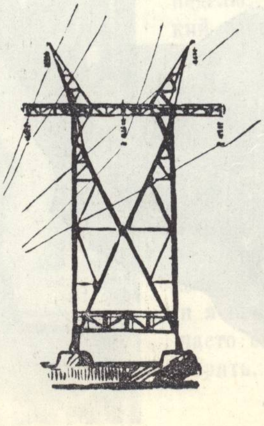
Каждая электростанция — это целая армия электрических работников. Использовать этих работников с толком, там, где они нужнее всего, совсем не простое дело.

На первый взгляд кажется, что это нетрудно сделать. Энергия нужна всем: и городам, и заводам, и рудникам, и колхозам. Вот и отлично! Подключайся в сеть и бери, сколько кому нужно, как воду из водопровода...

Но в том-то и дело, что это совсем не так просто.

Воду насосами качают в резервуары, а оттуда, из резервуара, потребители берут сколько кому нужно, как со склада.

А электричества на складе не запасешь. Электричество прямо от машины, которая вырабатывает электроэнергию,—от генератора—идет к потребителю, и если остановится генератор, сразу прекратится подача энергии и остановятся электропоезда на путях, станки на заводах, троллейбусы на улицах, погаснет свет... Запаса электроэнергии на станции нет.

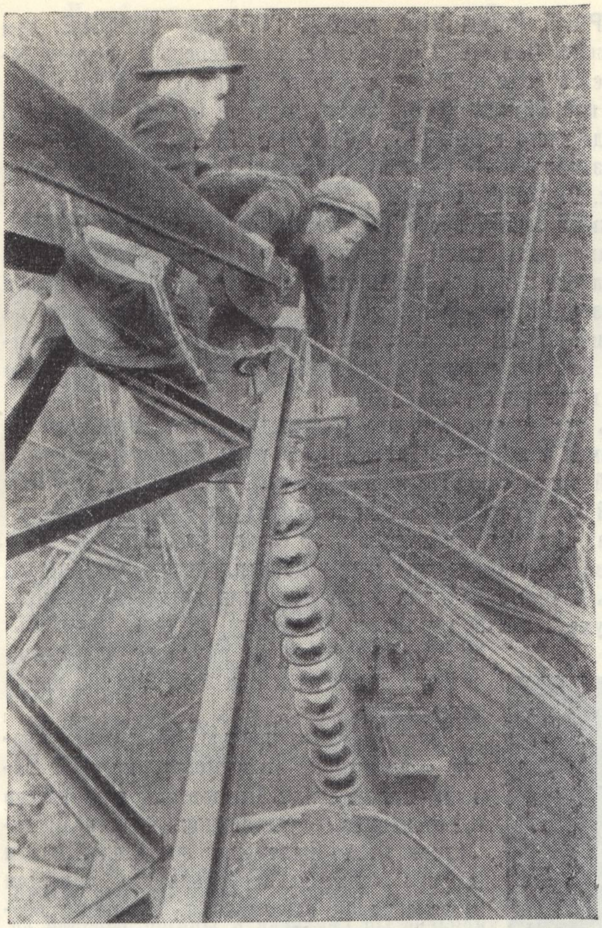
Даже если совсем немного энергии расходует город, если одна-единственная лампочка осталась гореть, все равно машина на электростанции должна работать, и лишнюю, неизрасходованную энергию не запасешь впрок.

Это одно неудобство, но не единственное, к сожалению.

Каждая станция имеет свою, вполне определенную мощность. Станция не может дать больше того, что вырабатывают ее машины. А потребители—капризный народ. Ночью им совсем мало нужно энергии. Заводы стоят, городской транспорт не работает, люди спят, магазины закрыты... Зато зимним утром, пока еще темно в городе, всем подай энергию: и транспорту, и в квартиры, и на заводы. Нагрузка сразу вырастает в несколько раз по сравнению с ночной: наступает утренний «пик». А вечером нагрузка еще увеличивается, и все машины станции работают на пределе. Наступает вечерний «пик».

И очень обидное получается положение: построили электростанцию, а она только зимой по два часа в день, когда наступают часы «пик», работает на полную мощность. Но ничего не поделаешь: мощность станции определяется величиной «главного пика». И тут уж как будто ничего нельзя придумать.

Но кое-что удалось придумать и тут. Оказывается, «пик» не во всех городах наступает в один и

Последние гирлянды изоляторов, последние прогоны проводов остается подвесить на тридцатиметровые опоры, и ток пойдет по новой высоковольтной линии.

тот же час. И получается: когда одна станция из последних сил гонит энергию в провода, другая отдыхает... Вот если бы объединить их! Чтобы, когда у одной «пик», другая пришла бы на выручку, когда у той «пик» — первая помогла бы.

Так и родилась идея создания энергетических систем. Сперва две, три, четыре станции объединялись между собой и в случае необходимости помогали друг другу. Сейчас уже по двадцать, по тридцать станций соединены у нас в системы, и уже не на город, не на завод работает станция, а в общую систему, охватывающую огромные области нашей страны. Так много надежней стала работа. Ведь если раньше, бывало, выйдет из строя станция,— это целое несчастье: город, а то и целый район со многими заводами оставался без тока, простаивали станки. А теперь, когда станции подключены к высоковольтной сети, или, как мы говорим, закольцованы, тут уж никакая беда не страшна. Это как в трудном походе: устал человек, выбился из сил, не может нести свою ношу... Но тут сразу тридцать товарищей разделили между собой его груз и донесли до места. Так почему бы не связать в одну единую систему все станции страны? Выгодно это? Конечно.

И вот сейчас идет объединение систем Европейской России и Урала... Опорными пунктами этой системы будут электростанции Волги. Уже работает линия электропередачи Куйбышевская ГЭС — Москва, заканчивается строительство участка линии от Волги до Урала.

А ведь там, на Урале, солнце всходит на два часа раньше, чем в Москве. Значит, и утренний и вечерний «пики» и начнутся и кончатся там на два часа раньше. За счет разницы во времени Москвы и Урала освободится более пятисот киловатт мощностей. Это мощность большой станции!

Но направить энергию двух электростанций в одну сеть—это не то, что слить воду из двух ведер в одну бочку. Достаточно сказать, что для того, чтобы соединить две одинаковые станции, нужно, чтобы в момент соединения машины на них вращались точно с одной и той же скоростью, как говорят, синхронно. Иначе ничего не получится. Это вроде того, что произойдет с человеком, который хочет шагнуть из одного идущего автомобиля в другой. Если машины идут с одинаковой скоростью, такой переход безопасен. А если скорость разная, неминуема катастрофа.

Не так-то просто добиться синхронной работы станций. На расстоянии в сотни километров диспетчеры не сумеют сговориться о единовременном — с точностью до долей секунды — включении машин. Понадобились приборы, которые сами следят за работой каждой станции, сами регулируют их работу, сами выполняют все операции. У нас сейчас созданы такие гидроэлектростанции, на которых совсем нет людей, одни машины. Эти станции сами выполняют все приказы диспетчера в то же мгновение, когда приказ послан. А когда диспетчер позвонит по телефону на такую станцию и спросит: «Как дела?»,— станция человеческими словами отдаст «авторапорт», подробно расскажет обо всем.

В самые ближайшие годы мы построим ЕВС, и тогда энергия всех электростанций нашей страны пойдет в ЕВС и будет направляться туда, где она всего нужнее.

Инженер Л. **Федоровский.**

Что будет сделано, чтобы люди жили дольше и не болели?

В НАШЕЙ СТРАНЕ ЛЮДИ УЖЕ ЖИВУТ ГОРАЗДО ДОЛЬШЕ, чем жили в царской России. Они стали меньше болеть и теперь в среднем доживают до шестидесяти семи лет. Случилось это, конечно, не само собой. Я расскажу о тех, кто борется за то, чтобы люди не болели, борется за долголетие. И прежде всего о БОЙЦАХ, КОТОРЫХ ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ.

Экспедиция разместилась в сельской больнице. Каждый день в тайгу уходили разведчики. Они искали врага...

Оружием служили сачки, вроде тех, которыми ты ловишь бабочек, пробирки с растворами, микроскопы. А враг был опасен. Малейшая неосторожность — и он нападал, нанося незаметные страшные удары. Человек заболевал, терял сознание, бредил в жару. У тех, кто выздоравливал, на всю жизнь оставались следы болезни: бессильно повисала парализованная рука, искривлялась шея... Болезнь называли «весенне-летний энцефалит» — по времени, когда она вспыхивала в таежных селах.

Долгое время не удавалось распознать, как она распространяется. Неизвестный враг угрожал людям, вторгающимся в тайгу: охотникам, лесорубам, геологам, строителям. Врагом оказался маленький клещ «иксодес персулькатус». Клещ и его личинки питаются кровью лесных мышей и бурундуков. Мыши и бурундуки болеют энцефалитом. Насосавшись крови зверька, личинка отваливалась от своего «хозяина» и через некоторое время превращалась во взрослого клеща. Клещ начинал искать себе новый источник пищи. Прикрепившись задними лапками к листику или ветке кустарника, клещ поводил передними в воздухе, готовый уцепиться за одежду, за тело. Потихоньку, безболезненно он впивался челюстями в кожу человека и при этом заносил вирус энцефалита.

Вот вирусы гриппа. Вирусы нельзя увидеть в простой микроскоп, а электронный микроскоп сумел обнаружить их.

Много месяцев прошло, прежде чем врачи — участники экспедиции, которой руководили академик Павловский и профессор Смородинцев,— установили, что среди десятков тысяч маленьких обитателей тайги именно «иксодес персулькатус» является переносчиком заболевания. Открытие обошлось дорого. Многие участники экспедиции переболели энцефалитом. Один из них, ныне известный советский вирусолог профессор Чумаков, после болезни потерял слух. После долгих поисков ученые выделили вирус энцефалита. Они установили, что сыворотка из крови выздоровевшего от болезни человека — сильнейшее лечебное средство. И наконец получили вакцину для прививок. Каждый, кто шел теперь в тайгу, был надежно защищен.

...Буквы СЭС означают: «Санитарно-эпидемиологическая станция». Такая станция есть в каждом сельском районе, в каждом городе. А в больших городах их по нескольку. На этих станциях работают ВРАЧИ, КОТОРЫЕ НИКОГО НЕ ЛЕЧАТ.

У них совсем другая работа. Эти врачи предотвращают распространение болезней.

В одном из кабинетов СЭС звонит телефон.

— Говорят из детской поликлиники. Примите экстренное извещение. На нашем участке заболел корью шестилетний мальчик Витя Сазонов. Он живет на улице Гоголя, в доме № 9...

И работник станции едет на улицу Гоголя, в дом № 9. Едет узнать, с кем из детей вместе играл в последние дни заболевший мальчик. Им введут под кожу сыворотку «гамма-глобулин», чтобы они не заболели.

Таким образом врачи мешают распространяться кори, коклюшу, дифтерии, полиомиелиту и многим другим заразным заболеваниям, опасным для детей и для взрослых.

Эпидемиологи уничтожают переносчиков инфекций — насекомых и грызунов. Они делают населению предохранительные прививки. Наши медики добились того, что в Советском Союзе никто теперь не болеет натуральной оспой, холерой, чумой, сибирской язвой.

Почти не встречается сыпной тиф. Исчезают малярия и бруцеллез...

И, вспоминая о тех, кто уже ушел из жизни, мы с горечью думаем: СЕЙЧАС ОНИ ЖИЛИ БЫ!..

27 января 1837 года близ Петербурга во время дуэли выстрелом из пистолета был ранен в живот Александр Сергеевич Пушкин.

Царские лейб-медики пожимали плечами: «Рана смертельная, ничего сделать нельзя. Все в воле божьей...»

Врачи изобретают все новые средства против болезней. Вот больная перед ионизационным аппаратом.

В тяжелых мучениях великий поэт скончался. Он умер от воспаления брюшины. Ты помнишь, конечно, лермонтовские стихи «На смерть поэта»:

Его убийца хладнокровно
Нанес удар. Спасенья нет...

Если бы волшебная машина времени перенесла раненого поэта в наши дни! Любой молодой хирург сельской больницы спас бы ему жизнь. Он наложил бы швы на раненые органы и назначил бы больному уколы пенициллина. Под действием этого вещества погибают микробы, вызывающие воспаление брюшины.

«Фтизис» (чахотка) — легочный туберкулез — преждевременно унесла Белинского, Чехова и тысячи других замечательных, талантливых людей. В наши дни они бы не погибли. Стрептомицином, фтивазидом и другими лекарствами лечат туберкулез.

Сегодня в руках врача мощное оружие против самых различных микробов. Стрептоцид, сульфодимезин, пенициллин убивают микробов, вызывающих ангину, воспаление легких, заражение крови (сепсис). Таблетки синтомицина, левомицетина, биомицина уничтожают бактерии дизентерии, брюшного и сыпного тифа.

Одни из этих средств — сульфодимезин, синтомицин, фтивазид — созданы химиками. Другие — пенициллин, стрептомицин, левомицетин, биомицин (таких препаратов множество) — получены микробиологами от... микробов. Да, да! Ученые давно заметили, что некоторые микробы, особенно «плесневые грибки», «лучистые грибки» (актиномицеты), выделяют вещества, губительные для болезнетворных бактерий.

И все же никакие открытия, никакие новшества не смогли бы продлить жизнь людей, если бы не была создана СИСТЕМА ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ.

Туберкулез победили не одним лишь стрептомицином. Врачи не ждут, пока к ним обратятся с жалобой на кашель и температуру по вечерам. Они внимательно осматривают сотни тысяч здоровых людей: детей и взрослых, рабочих и учащихся. Среди многих здоровых людей выискивают больных с самыми ранними стадиями заболевания. Больных начинают лечить тогда, когда микробы туберкулеза не успели навредить организму.

Пройдет время, и вот так же, как мы сегодня говорим «уничтожена чума», «не страшен туберкулез», ученые скажут: «Побежден рак!»

Много дел у медицины впереди. Нужно избавить людей от ревматизма, от болезней сердца и кровеносных сосудов.

А самая главная задача — создать для человека такие условия жизни, при которых ничто не будет сокращать ее. Это можно сделать только в социалистическом государстве, где хозяева страны — трудящиеся.

Ты, наверное, слышал о новых городах: об Ангарске — молодом зеленом городе-красавце, выросшем на берегу бурной реки; о Рустави, Сумгаите, Волжске. Растут новые районы и кварталы в Москве, Ленинграде, Минске, Киеве, Новосибирске, Рязани — по всей стране... Вместе с архитекторами над проектами новых домов и кварталов работают и врачи. Они заботятся о том, чтобы в домах были уютные комнаты, полные воздуха и света. В каждой квартире — ванна: в любой час можно смыть с себя усталость... На городских улицах сажают деревья и цветы, растения очистят воздух. Смолкают автомобильные гудки на улицах — пусть люди отдыхают спокойно.

На заводах и фабриках врачи следят, чтобы в цехах было светло и чтобы вентиляторы хорошо очищали воздух. На каждом станке устанавливается ограждение, оно оберегает рабочих от случайных ранений. По постановлению правительства сокращается рабочий день. Строятся новые санатории, больницы, детские сады.

Все это для человека, для простого советского человека-труженика! И потому с каждым годом люди будут жить лучше, они будут здоровее и счастливее. Они будут жить долго!

В. И. Ферштудт,
кандидат медицинских наук.

?

Можно ли будет по телевизору увидеть из Саратова парад на Красной площади?

ДА, МОЖНО. Телепередачи будут передаваться из Московского телецентра по радиорелейной линии. Эти линии соединят с Москвой все большие города Европейской части Советского Союза.

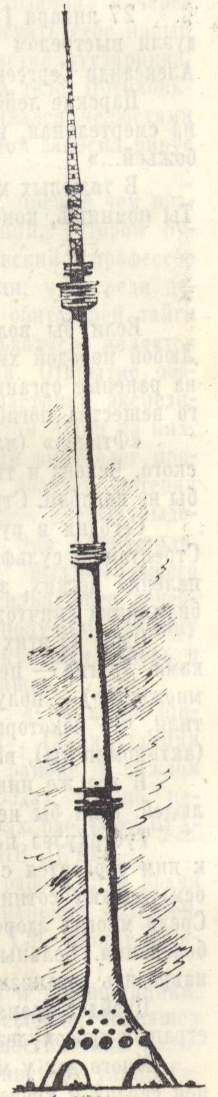
А вот эту железобетонную башню высотой в полкилометра скоро начнут строить в Москве для того, чтобы телепередачи были хорошо видны вокруг Москвы на большем расстоянии.

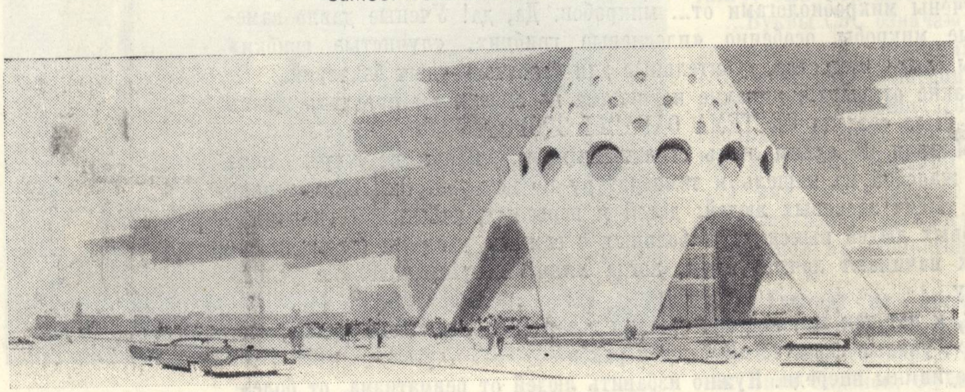
Это будет одно из самых высоких сооружений в мире.

На четырехсотметровой высоте на башне построят две площадки. Четыре скоростных лифта будут поднимать на эти площадки всех, кто захочет полюбоваться нашей столицей.

На девяти нижних этажах башни разместятся передающие станции Московского телецентра и другие служебные помещения.

В. Красулин,
заместитель главного инженера Московского телецентра.

Это гигантские бетонные лапы будущей телевизионной башни, а справа — ее общий вид.

ДИРЕКТОР И СТРОИТЕЛИ. Из серии «Люди целины». И. Воробьева.

РЕМОНТНАЯ БРИГАДА. Из серии «Транспорт». В. Попков.

Дед Морозкин

НОВОГОДНЯЯ ШУТКА В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ, ЧЕТЫРЕХ КАРТИНАХ, С ЭПИЛОГОМ

Ю. НОВИКОВА

Рисунки Е. Ведерникова.

Участвуют:

ТОЛЯ МОРОЗКИН (он же ЗНАМЕНИТЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК, он же РОБИНЗОН, он же ДЕД МОРОЗКИН) — пионер
ЛЕСИК (он же ПЯТНИЦА) — брат ТОЛИ
ОКТЯБРЕНОК
БАБУШКА
} действующие лица

ДЕД МОРОЗ
СНЕЖИНКИ
ВТОРОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК
ГОЛОВА АКУЛЫ (она же АКУЛЬКА)
ПЯТНИЦА (он же ЛЕСИК)
ЧЕТВЕРГ — брат ПЯТНИЦЫ
МАЛЬЧИКИ, ДЕВОЧКИ
} сны

КАРТИНА 1-я

Квартира Морозкиных. Самая обыкновенная комната. Телефон, большое комнатное растение в кадке, на ветке его — модель самолета.

За столом Лесик мастерит бороду для Деда Мороза. Бабушка моет посуду.

ЛЕСИК. Бабушка, что делать? Понимаешь, у меня только один ус!

БАБУШКА **(недоумевая)**. У тебя, Лесик?

ЛЕСИК. Ну да... Ваты не хватило... **(Примеряет бороду. Сокрушенно.)** Какой же это Дед Мороз с одним усом? **(Снимает бороду.)**

Стремительно вбегает Толя Морозкин. У него вид очень занятого, брызжущего энергией человека.

ТОЛЯ **(шумно бросает книги)**. Мама работает вечером?.. Отлично!.. А почему вы все дома?

БАБУШКА. То есть как это «почему»?.. И, между прочим, когда входишь, надо здороваться.

ТОЛЯ. Некогда, некогда, бабушка! У меня очень важное срочное поручение... Бабушка, ты никуда сегодня не собираешься?

БАБУШКА **(обиженно)**. Если я так уж тебе мешаю, я могу к соседке уйти...

ТОЛЯ. Вот и отлично! **(Лесику.)** А ты марш во двор! Там сейчас все ребята.

ЛЕСИК. И никого там сейчас нет, скоро вечер. И потом, видишь, у меня дело... **(Показывает на бороду.)**

ТОЛЯ. Подумаешь, дело!.. Вот у меня дело, так дело. Понимаешь, нужно сочинить выступление...

ЛЕСИК. Как это «выступление»?

ТОЛЯ. Очень просто... Наш отряд готовит новогоднее представление под елкой, а номера станет объявлять Дед Мороз. Да не просто объявлять, а так, чтоб было смешно. Например... **(Достает из кармана бумажку, читает.)** «Танец Снежинок»... Ты знаешь, как смешно объявить «Танец Снежинок»?

ЛЕСИК **(растерянно)**. Не знаю.

ТОЛЯ **(с торжеством)**. Ага!.. А я должен все это придумать... В общем, марш во двор!

ЛЕСИК. Я лучше уж к Вовке пойду. **(Нехотя выходит.)**

ТОЛЯ **(замечает, что бабушка тоже собирается уходить).** Погоди, бабушка!.. А кто мне обед разогреет?

БАБУШКА. Сам как-нибудь разогреешь. И вот что, Анатолий, долго мне еще за тобой постель убирать? По-моему, теперь это черным по белому написано: пионер должен сам оправлять себе постель.

ТОЛЯ. И ничего ты не знаешь, бабушка!.. Это пионер первой ступеньки должен постель оправлять. А я пионер второй ступеньки. Понятно?

(Бабушка, покачав головой, идет к двери.)

Ну, не хочешь меня обедом кормить — не надо! Буду работать голодный.

Бабушка выходит.

(Толя мажет хлеб маслом.) Нужно привыкать к трудностям... **(Жует.)** Где она, программа?.. **(Читает.)** «Танец Снежинок»... А в самом деле, как посмешней объявить «Танец Снежинок»?.. **(Берет со стола бороду Деда Мороза, примеряет. Громко.)** «Ребята! Я Дед Мороз, Красный нос, принес подарков целый воз!» А что? Это можно записать. **(Записывает.)** «А это мои внучки, Снежинки»... Нет, не годится! Похоже на «белоручки», девчонки еще обидятся... **(Ходит по комнате, бормочет.)** «Внучки-тучки», «внучки-комочки»... **(Замечает модель на цветке.)** Это что такое?! Кто сюда мою модель посадил? **(Открывает дверь, кричит.)** Лесик!.. Лешка!

ЛЕСИК **(входит).** Ну, что ты кричишь?

ТОЛЯ. А то, что ты опять мою модель брал. Почему она на цветке?

ЛЕСИК **(смущенно).** Потому что... У нас летчик на дереве приземлился... В общем, мы с Вовкой играли...

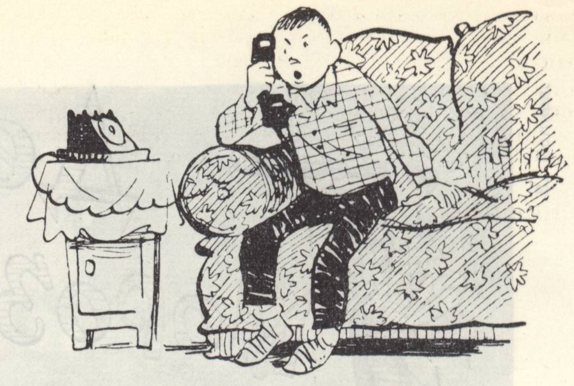
ТОЛЯ. Сколько раз я тебе с твоим Вовкой говорил: не сметь трогать мою модель!

ЛЕСИК **(напоминает).** Да ведь ты же, Толя, эту самую модель для нас делал, для нашей звездочки... Сделал, а сам не подарил.

ТОЛЯ. Ну и что же?.. Нос у вас не дорос до такой модели, вот что! Дай ее вам — живо сломаете. **(Замечает, что Лесик заглядывает к нему в тетрадку.)** Ну, куда ты лезешь, куда?..

ЛЕСИК. Это ты только всего сочинил?.. Всего-навсего три строчки?

ТОЛЯ. Ну и что же, что три?! Может быть,

остальное у меня в уме... И вообще, это не твое цыплячье дело!.. Ну, вали отсюда!

Лесик выходит.

(Бормочет, расхаживая по комнате.) «Это мои внучки, они к вам слетели с тучки...» Это можно записать... Как там сначала? **(Повторяет.)** «Я, Мороз, Красный нос, принес подарков целый воз, а это мои внучки...»

Телефонный звонок.

Фу ты!.. Работать не дают. **(В трубку.)** Андрюшка?.. Здорово! Что?.. Решили дать тете Кате отдохнуть и самим убрать школу к празднику?.. Что ж, по-моему, это правильно... А я?.. А при чем тут я?.. Чудак человек, как же я могу прийти на уборку, если мне надо срочно сочинять выступление Деда Мороза?.. Скажите, пожалуйста, полы мыть любая девчонка может, а вот пусть сочинит выступление, да еще в стихах!.. Да, да, так и передай. Пока!.. **(Кладет трубку.)** Ну вот, теперь всякое настроение пропало... **(Шагая по комнате, бормочет.)** «Внучки слетели с тучки...» А что дальше?.. Ничего в голову не лезет... **(Садится на диван, берет книгу.)** Отдохну немного, почитаю... **(Листает книгу.)** Эх, вот это жизнь!.. Путешествия, приключения... Это тебе не уборка школы! И почему это я школьник Толя Морозкин, а не знаменитый путешественник! **(Мечтательно.)** Был бы на свете и вправду Дед Мороз... Спросил бы он меня: «Толя Морозкин, что тебе нужно? Хочешь, подарю тебе на

Новый год киноаппарат?..» «Нет,— скажу я,— не нужно мне киноаппарата... Лучше сделай меня знаменитым путешественником!»

Книга со стуком выпадает у Толи из рук. Затемнение. А когда сцена снова освещается, мы видим, что возле дивана, на котором лежит Толя, стоят Дед Мороз и Снежинки — девочки в белых платьях.

СНЕЖИНКИ **(поют и танцуют).**

Мы к вам слетели с тучки,
Нарядны и легки.
Мы дедушкины внучки,
Снежинки-мотыльки.
Кружимся в белом поле
Среди своей родни...
Усни, Морозкин Толя!
Усни, усни!..

ДЕД МОРОЗ. Спит.

СНЕЖИНКА. Спит.

ДЕД МОРОЗ. Ну что ж, внученьки, давайте исполним его желание. **(Ударяет в ладоши.)** Пусть Толя Морозкин будет знаменитым путешественником!

Затемнение.

КАРТИНА 2-я

Та же комната. Только стол и стулья отодвинуты в сторону. На полу — большой лист картона, в него воткнута палочка с надписью: «Плот знаменитых путешественников». Невдалеке — все то же домашнее растение, на нем табличка «Кокосовая пальма».

На «плоту» сидят и изо всех сил «гребут» палками второй и третий путешественники. Это обыкновенные мальчики в белых бумажных колпаках. Толя, он же знаменитый путешественник, в таком же колпаке, стоит позади гребцов и смотрит назад в бумажную подзорную трубу.

ТОЛЯ **(взволнованно).** Друзья! Жмите изо всех сил. Акула-гигант все еще гонится за нами!

ВТОРОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК **(у него очень хороший, спокойный характер).** Ничего, отстанет.

ТРЕТИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК **(более нервный).** Неужели она еще близко?

ТОЛЯ. Недалеко... Но расстояние между ней и нашим плотом все увеличивается... Нажмите еще немножко!.. Фу ты, как жарко! Мой пробковый шлем вымок от пота. **(Поправляет свой колпак.)**

ВТОРОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК. Здорово нам сегодня досталось! Гребем с утра без отдыха.

ТРЕТИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК. У меня ладони стерты до крови. **(Толе.)** Может быть, сменишь меня хоть ненадолго?

ТОЛЯ. А кто будет наблюдать за Акулой?.. Это ведь очень важно... И потом, пока мы будем сменяться, плот пойдет медленнее, и Акула нас нагонит...

ВТОРОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК. Пожалуй, он прав...

Гребут.

ТОЛЯ **(радостно).** Ребята!.. Акула повернула назад!

ВТОРОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК. Ты точно это видел?..

ТОЛЯ. Конечно. Я не ошибусь!

ВТОРОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК. Может быть, все-таки нам погрести еще немного?

ТОЛЯ. Говорят тебе: Акула повернула назад!

ВТОРОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК. Что ж, отлично! **(Бросает палку.)** Передохнем!

ТРЕТИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК. И поедим... У меня в глазах темно от голода.

ТОЛЯ. И мне, признаться, тоже есть хочется... Вот что, ребята: вы готовьте обед, а я тем временем приведу в порядок свои научные наблюдения.

ТРЕТИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК. Но мне казалось... По-моему, это несправедливо...

ТОЛЯ **(запальчиво).** Что несправедливо? Я предлагаю вам обоим самую простую работу, а себе беру самую трудную! Готовить обед — это же каждая девчонка сможет. А вот научные наблюдения вести...

ВТОРОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК. Возможно, он прав. Будем готовить обед...

Оба путешественника раздувают воображаемый огонь и вообще хлопочут, напевая песню:

В неведомые страны
По гребням океана
Летит наш верный плот.
Нам не страшны туманы,
Акулы и кайманы,
Удача смелых ждет...

ТОЛЯ **(перелистывает свою тетрадку).** Тише вы!.. Мешаете работать.

ВТОРОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК. Обед готов.

Толя подсаживается ближе, его тетрадка остается лежать на «плоту».

ТРЕТИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК **(Толе).** А ты не боишься, что твои научные наблюдения смоет волной? **(Берет Толину тетрадку, раскрывает ее. Удивленно.)** Это все, что ты записал?! Тут же всего три строчки!

ТОЛЯ. Ну и что же?.. Остальное у меня в уме...

ВТОРОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК **(примирительно.)** Допустим, он прав... Пошли обедать!.. Ох, что это?!

Из-за «кокосовой пальмы» показывается большая голова Акулы с разинутой зубастой пастью.

ТОЛЯ. Ой! Это она, Акула-гигант! Она выплывает из-за острова!

ТРЕТИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК. Ты же сказал, что она повернула...

ТОЛЯ. Значит, я ошибся, ребята. Мы пропали. Вы же знаете, ее не берут пули!

ВТОРОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК. Погодите отчаиваться. Может быть, чудовище насытится нашим обедом. **(Бросает Голове консервную банку. Голова делает отрицательный жест.)** Не хочет!

ТОЛЯ. На, жри мой труд, проклятая! **(Бросает Акуле свою тетрадку, но и этот дар не по вкусу Акуле.)**

ТРЕТИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК. Она хочет слопать кого-нибудь из нас.

Голова кивает в знак согласия.

Ужасно! Видно, придется нам бросать жребий...

Голова легко протестует.

Не хочет!..**(Акуле.)** Чего же ты хочешь, чудище?

ГОЛОВА АКУЛЫ. Беру себе на ужин

Того, кто здесь не нужен!

(Приближается к Толе.)

ВТОРОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК. Пожалуй, она права...

ТОЛЯ. Ай! Спасите! Помогите! Мама!.. Дед Мороз!

Входит Дед Мороз, он шагает прямо к Голове Акулы.

ДЕД МОРОЗ. А ну, хватит тебе, Акулька, детей пугать. **(Сует картонную голову Акулы к себе в мешок. Толе.)** Видишь, не вышло из тебя путешественника!

ТОЛЯ **(он уже оправился от страха).** А кто виноват?.. Все они! **(Указывает на первого и второго путешественников.)** Почему они на меня вовремя не воздействовали? Меня, может быть, бабушка избаловала. Им нужно было меня перевоспитать... На то они и товарищи...

ДЕД МОРОЗ. Так... Значит, товарищи виноваты?.. Что ж, поживи без товарищей... Хочешь на необитаемый остров?

ТОЛЯ. Как Робинзон?.. Конечно, хочу!

ДЕД МОРОЗ **(ударяет в ладоши.)** Толя Морозкин, становись Робинзоном!

Затемнение.

КАРТИНА 3-я

Та же комната, тот же лист картона на полу... Теперь над ним табличка «Необитаемый остров». Посредине «острова» — известное нам растение, теперь на нем написано: «Хлебное дерево».

Возле «хлебного дерева» сидит Толя-Робинзон. Одет он обыкновенно, только волосы взлохмачены, а через плечо переброшена «шкура». Если под рукой нет старого меха, шкуру можно изобразить любой рваной тканью.

ТОЛЯ-РОБИНЗОН **(озираясь по сторонам).** Кажется, я и вправду на необитаемом острове?.. Ловко! И никто меня теперь не станет учить, не будет мешать! Хочешь — гуляй, хочешь — спи... Красота! **(Прохаживается по «острову».)** Так... Значит, здесь лес, а там море... **(Вглядывается вдаль.)** А вот и корабль, на котором я потерпел крушение. Как известно, на нем много необходимых мне вещей... Пойти разве туда? Далековато! Ладно... Пока обойдусь... **(Прохаживается.)** Интересно, что у нас сейчас дома делается. Мама с бабушкой, должно быть, чай пьют... На столе — булочки, масло, колбаса. **(Вздыхает.)** Лесик от Вовки пришел... Нет, все-таки скучновато жить одному!.. Не понимаю, как это Робинзон выдержал на необитаемом острове столько лет!.. Хотя ведь у него был Пятница! **(Оживляется.)** Ну, конечно, у него был Пятница!.. Просто нечестно со стороны Деда Мороза сделать меня Робинзоном и не дать мне Пятницу!..

Входит Пятница, он же Лесик, одетый так же, как в первой картине, только на голове бумажные перья. В руках у него булка.

ПЯТНИЦА. Мой есть Пятница.

ТОЛЯ **(радостно).** Пятница? Милый!.. Как я рад! Ой, до чего же ты на нашего Лесика похож!.. Пятница, скорей расскажи мне что-нибудь, я по человеческому голосу соскучился!

ПЯТНИЦА. Мой плохо говорить по-русски.

ТОЛЯ. Ну, ничего... хоть плохо... Что это у тебя в руке? **(Показывает на булку.)**

ПЯТНИЦА. Этот плод хлебный дерево.

ТОЛЯ. Да что ты?! Ну-ка, дай я попробую **(Ест булку.)** Очень вкусно. А больше у тебя нет?

ПЯТНИЦА **(показывает на «хлебное дерево»).** Там есть много.

ТОЛЯ **(к нему возвратился прежний повелительный тон).** Вот что. Завтра мы с тобой сделаем запас продовольствия. Ты полезешь на дерево и будешь сбрасывать мне плоды. А сейчас отправляйся на тот вон корабль и принеси сюда продукты, ну, понимаешь, «ам-ам»?.. Не забудь также прихватить нож, топор и подзорную трубу. **(Подносит кулак к глазу, изображая трубу.)** Твой понял?

ПЯТНИЦА **(невесело).** Понял. **(Уходит.)**

ТОЛЯ **(расхаживает по «острову»).** Отлично!.. Вот здесь мы построим хижину, тут — загон для скота... Надеюсь, что к утру Пятница все это закончит, он парень проворный... Нужно еще подумать о диких козах... Интересно, умеет Пятница их доить?

Возвращается Пятница, за поясом у него картонный топор и нож, он тащит множество свертков, и видно, что ему очень тяжело.

ПЯТНИЦА. Мой все принес.

ТОЛЯ. Отлично... Нож здесь. Топор здесь... Великолепно!.. А где же подзорная труба?

ПЯТНИЦА **(достает из-за пазухи трубку. Просительно).** Мой очень хочет этот трубка.

ТОЛЯ. Что? Подарить тебе трубу? Еще чего! Ты ее еще сломаешь! **(Выхватывает из рук Пятницы трубку, смотрит на «море».)** Ой! К нам на пиро́ге едет людоед!.. Это мне совсем не нравится. Меня уже чуть не съела Акула...

ПЯТНИЦА **(вглядывается).** Этот нет людоед! Этот — мой брат Четверг. **(Кричит.)** Четверг! Четверг!

Входит Четверг, такой же, как Пятница, мальчик, с такими же перьями на голове.

ЧЕТВЕРГ **(обнимает Пятницу, кланяется Толе).** Эне бене рабе.

ТОЛЯ. Что он говорит?

ПЯТНИЦА. Мой брат Четверг говорит, что рад тебя видеть.

ТОЛЯ. Я тоже. Вот что, ребята, не откладывая в долгий ящик, давайте строить хижину. Пятница, бери топор, Четверг, вот тебе нож!.. Рубите деревья.

ПЯТНИЦА **(робко).** А твой?

ТОЛЯ. Мой пока отдохнет.

ЧЕТВЕРГ. Квинтер квинтер жаба Робинзон.

ТОЛЯ. Что он говорит?

ПЯТНИЦА. Мой брат Четверг говорит, что Робинзон сам себе строил хижину.

ТОЛЯ. Ну и что же?!.. То был Робинзон первой ступеньки, а я Робинзон второй ступеньки... В общем, за работу!.. Уже темнеет...

Пятница и Четверг снова вглядываются вдаль.

Что вы там увидели?.. **(Подносит к глазам трубку.)** Снова пиро́ги?.. Это, что же, опять жалуют ваши родственники?

Ну, брат Толя, неважный из тебя Робинзон. Придется, видно, увезти тебя с этого острова!

ТОЛЯ. Да, да, пожалуйста, увези... Не хочу быть больше Робинзоном! Скучно.

Дед Мороз улыбается.

ТОЛЯ. Ну чего ты смеешься? Тебе хорошо, у тебя должность веселая — разноси себе подарки да елки!

ДЕД МОРОЗ. Верно, должность у меня веселая... Только староват я стал, на пенсию пора... Знаешь, Толя, я отдохну, а ты поработай за меня, и фамилия у тебя подходящая — Морозкин. **(Хлопает в ладоши.)** Толя Морозкин, становись Дедом Морозом!

Затемнение.

КАРТИНА 4-я

Та же комната; в этой картине она теперь, как следует из таблички, «Приемная Деда Морозкина». Повсюду еловые ветки, коробки с подарками, игрушки... Над столом — большой яркий воздушный шарик.

Толя, он же Дед Морозкин, в очень длинной шубе, в ватной бороде с одним усом, в задумчивости смотрит на давно знакомое нам растение; на нем табличка «Самая красивая елка».

Вбегает Снежинка.

СНЕЖИНКА **(взволнованно).** Дед Морозкин, что же это?! Вот-вот наступит Новый год, а ты

ПЯТНИЦА. Нет. Это, кажется, людоеды... **(Переглядывается с Четвергом...)** Пошли?

Бегут к выходу.

ТОЛЯ. Ребята! Куда же вы?.. К людоедам?

ЧЕТВЕРГ **(оборачивается, говорит чистым русским языком.)** Уж лучше к людоедам идти, чем здесь тебя обслуживать! Нашел дурачков!.. Привет! **(Убегает.)**

ТОЛЯ **(вслед им).** Ребята!.. Дед Мороз! Где ты? Останови их!

ДЕД МОРОЗ **(входит).** Как же остановить?..

еще ни одной елки, ни одной игрушки ребятам не отнес!

ТОЛЯ. Погоди!.. Я еще не решил окончательно, кому достанется самая красивая елка!

СНЕЖИНКА. Так ведь дедушка писал тебе... Вот же его письмо! **(Читает.)** «Самая красивая елка присуждается в этом году семье Федоровых...» Там трое ребят.

ТОЛЯ. А по скольку им лет?

СНЕЖИНКА. Ване — шесть. Тане — четыре, а Сане — два годика.

ТОЛЯ. Видишь, какие они маленькие! На что им такая большая елка?

СНЕЖИНКА. Тогда давай скорей относи елку Сергеевым. Там тоже трое: Саше — семь, Наташе — десять, а Николаше — двенадцать.

ТОЛЯ. Такие большие!.. На что им елка?!

СНЕЖИНКА. Что ж ты предлагаешь?.. Не понимаю!

ТОЛЯ. Знаешь... Пусть эта елка останется у меня...

СНЕЖИНКА **(опешив).** У тебя?

ТОЛЯ. Ну да. Ведь и Деду Морозу тоже нужна елка... Верно?

СНЕЖИНКА. Да... Но у дедушки всегда была самая маленькая...

ТОЛЯ. Ну, а у меня будет самая большая!..

СНЕЖИНКА. Так... Ну, а кому ты отдашь самый лучший подарок?

ТОЛЯ. Киноаппарат?

СНЕЖИНКА. Да... **(Смотрит на Толю.)** Ты, что же, и его возьмешь себе?

ТОЛЯ. Пожалуй... По крайней мере никому из ребят не будет обидно.

СНЕЖИНКА **(возмущенно).** Ну, знаешь!..

Ее перебивают гулкие удары.

Ой, что это?!. Часы бьют! **(Считает.)** Три, четыре... Двенадцать!.. Новый год пришел! Все пропало!

В «приемную» врываются мальчики и девочки, они обступают Деда Морозкина, крича:

— Где наши елки?

— Где наши куклы?

— Где наши игрушки?

ТОЛЯ **(пятится от них).** Ребята!.. Сейчас!.. Сейчас я вам все объясню!.. **(Лезет от них на стол.)** Ребята, Дед Мороз!.. Дед Мороз!.. Сюда... на помощь! **(Наступает на воздушный шарик, тот с треском лопается.)**

Затемнение.

ЭПИЛОГ

Комната такая, какую мы знаем по первой картине. На диване спит Толя.

ТОЛЯ **(кричит во сне).** Ребята!.. **(Просыпается.)** Где же они?.. Это все мне приснилось!.. Вот хорошо-то!

Телефонный звонок.

ТОЛЯ **(берет трубку.)** Андрюшка? Нет, я передумал... Пожалуй, я тоже приду на уборку школы... Выступление? Деда Мороза? Ах, да!.. **(Радостно.)** Погоди! А ведь, кажется, я все придумал! Понимаешь, это целая пьеса с превращениями... Один мальчик превращается в путешественника, потом в Робинзона, потом... В общем, я тебе расскажу. Что? Мораль? Нет, там и без морали все понятно. Чем кончается? По-моему, как полагается в новогоднем представлении, все кончается хороводом.

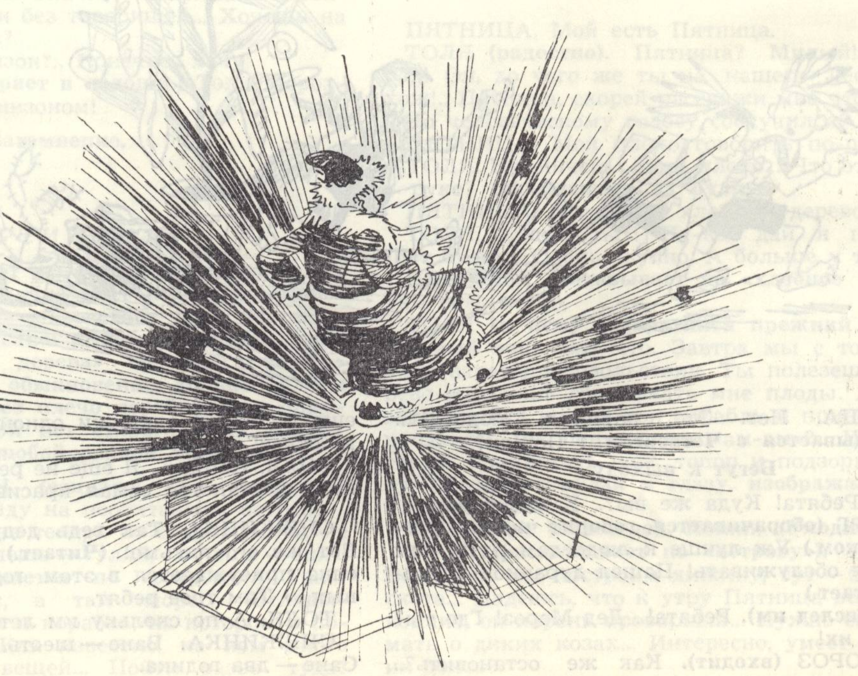
Пока Толя говорит, на сцену один за другим выходят Дед Мороз, Снежинки и все другие действующие лица пьесы.

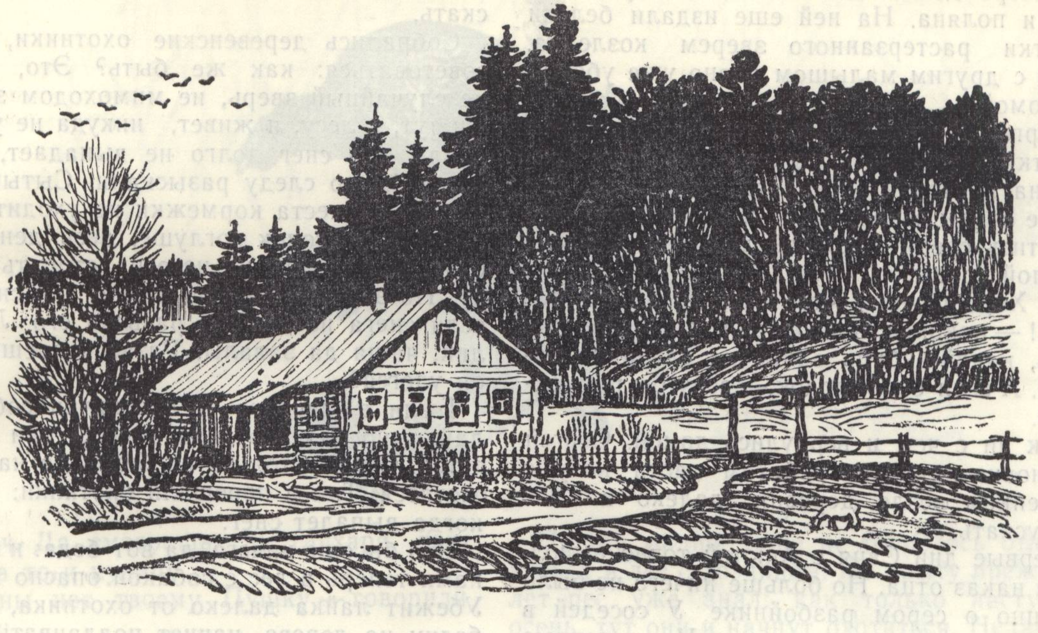
СНЕЖИНКИ **(поют).**

Мы к вам слетели с тучки,
Нарядны и легки.
Мы дедушкины внучки,
Снежинки-мотыльки.
Сегодня с вами в школе
Мы встретим Новый год.
Скорей, Морозкин Толя,
Вступай в наш хоровод!

Все берутся за руки и поют вместе со Снежинками.

Занавес.

ЛЕСНОЙ РАЗБОЙНИК

Г. СКРЕБИЦКИЙ

Рисунки Ф. Глебова.

— Папаша, папаша, волк козленка задрал! — кричали ребята, вбегая в дом.

Сергей Иванович быстро встал из-за стола, надел ватник, прихватил ружье и вышел вслед за детьми на улицу.

Их домик стоял на самом краю деревни. Прямо за околицей начинался лес. Он тянулся на много десятков километров. Раньше в этом лесу встречались даже медведи, но давно уже перевелись. Зато зайцев, белок, лисиц и прочей лесной живности водилось немало. Наведывались и волки. Поздней осенью и зимой они подходили к самой деревне, и в глухие, угрюмые ночи нередко слышался их протяжный, тоскливый вой. Тогда все собаки в деревне забирались под клети, под избы и оттуда жалобно, боязливо подтявкивали.

— Значит, опять, окаянные, заявились! — ворчал Сергей Иванович, быстро шагая с детьми по тропинке в лес.

В лесу было совсем уже пусто. Весь лист давно облетел, и его прибило дождем к земле. Раза два выпадал даже снег, да потом снова растаял.

Скотину давно не гоняли пастись. Она стояла на скотном дворе. Одни только козы еще бродили по лесу, обгладывали кустарник.

По дороге Анюта, дочка Сергея Ивановича, рассказывала отцу:

— Пошли мы за хворостом. У деревни-то весь пособрали, мы и подались к Гнилому болоту. Собираем сушняк. Вдруг слышим, за болотинкой наша коза как закричит жалобно так! Саня говорит: «Может, козленок в яму свалился? Не выберется. Пойдем поможем». Мы и побежали. Минули болотинку, глядим: коза нам навстречу бежит и козленок с ней, а второго не видно. Мы на поляну, откуда коза бежала. Глянули за кусты, а он там, да только мертвый, весь истерзан, полбока вырвано.

Сергей Иванович слушал, а сам все ускорял шаги. Анюта и Саня еле за ним поспевали.

Быстро дошли до болота, обогнули его. Вот и поляна. На ней еще издали белели остатки растерзанного зверем козленка. Коза с другим малышом давно уже убежала домой.

Сергей Иванович внимательно осмотрел остатки звериного пиршества. Он даже присел на корточки, стараясь разглядеть на земле следы зверя, но их невозможно было заметить среди прибитой дождями к земле жухлой травы.

— Хорошо еще, что всех троих не задрал! — наконец проговорил он.— Должно быть, какой-нибудь одиночка случайно забрел. А если бы выводок,— всех бы прикончили.

Так ни с чем и вернулись домой. Сергей Иванович приказал ребятам пасти козу с козленком возле деревни, далеко в лес не пускать.

Первые дни Саня с Анютой точно выполняли наказ отца. Но больше ничего не было слышно о сером разбойнике. У соседей в деревне тоже имелись козы. И их первые дни попридерживали возле домов. А потом все пошло по-старому: ребята сторожить бросили, и козы вновь разбрелись по лесу, опять начали уходить к Гнилому болоту: там по закрайку росли кусты тальника — самая вкусная для них еда.

В деревне уже совсем позабыли о случившемся. И вдруг опять. Как-то под вечер во двор к соседям Сергея Ивановича примчалась их коза, вся в крови, на боку огромная рана. А козленок и вовсе исчез.

Опять побежали в лес. Искали-искали — ничего не нашли: пропал козленок.

Сергей Иванович запер своих — козу с малышом — во двор, совсем не велел пускать.

Собрались деревенские охотники, стали советоваться: как же быть? Это, видно, не случайный зверь, не мимоходом забрел. Он тут, в лесу, и живет, никуда не уходит. Жаль, что снег долго не выпадает, тогда живо бы по следу разыскали. Сытый волк далеко от места кормежки не уходит. Найдет в лесу уголок поглуше, весь день проспит. Вот тут бы на него и устроить облаву. Но это все хорошо зимой по снегу, а если снега нет, пойди разыщи его. Лес велик, чаща да завалы. Разве узнаешь, где он улегся?

Были в деревне и охотничьи собаки — лайки, но для охоты за волком они не годятся. С ними только на белку да на птицу охотятся. Так и порешили охотники: ждать, когда выпадет снег.

Это бы еще ничего, да вот беда: и за белками теперь в лес с собакой опасно ходить. Убежит лайка далеко от охотника, найдет белку на дереве, начнет подлаивать, а серый разбойник уж тут как тут, прежде охотника подоспеет на собачий лай, сцапает собачонку, задушит — и поминай как звали. Утащит в самую чащу, всю съест, клочка шерсти не сыщешь.

Больше всех загрустил Сергей Иванович. Очень любил он ходить на охоту за белками. И собака у него была самая первая в округе. Все охотники знали его Пушка. Бывало, в воскресный день отправятся на охоту, каждый охотник со своей лайкой. Разбредутся по лесу, целый день бродят, только к ночи вернутся домой. Ну, кто больше всех белок добыл? Конечно, Сергей

Иванович. Да, смотришь, еще глухаря притащил, а то и куницу.

— Цены нет твоему Пушку,— говорили охотники.

Сергей Иванович и сам это хорошо знал. А вот если со стороны на Пушка поглядеть: невзрачный песик, ростом немного побольше кошки, мордочка остренькая, уши торчком, хвост в крутую баранку закручен. Окраской весь белый, только не чисто белый, а с рыжинкой, будто его не то подпалили, не то в грязи вымазали. Нечего сказать, неказистый вид: дворняжка, и только. Зато уж умен!

— Ну прямо как человек! — говорил Сергей Иванович.— Все понимает, только сказать не может.

Но Пушок и его хозяин отлично понимали друг друга без всяких слов. Вот и теперь, в субботний вечер, оба, конечно, думали об одном и том же — о завтрашнем дне. День обещал быть тихим, сереньким. Самый бы раз за белкой сходить. Холода уже были, и снег выпадал — значит, белка теперь, поди, вылиняла. Шкурка — первый сорт. И ходить в такую пору по лесу легко. Одеваться тепло не нужно, надел ватник, сапоги — иди куда вздумается. А вот как наступит зима, навалит снегу по пояс, тогда далеко не уйдешь, надевай полушубок, валенки да становись на лыжи. Это уж не ходьба. И собаке по глубокому снегу трудно бегать, белку искать. На что лучше теперь по чернотропу!

Очень хотелось Сергею Ивановичу пойти завтра в лес на охоту. Хотелось, да боязно: а ну-ка наскочит Пушок на серого? Тот враз придушит, даже пикнуть не даст.

Пушку, видно, тоже не терпелось отправиться в лес с хозяином. По опыту прежних лет пес уже знал: как только наступит осень, тут они и начнут охотиться. Недаром его хозяин сегодня днем осмотрел и почистил ружье, даже заглядывал в охотничью сумку. Заметив эти столь знакомые приготовления, Пушок уже ни на шаг не отходил от Сергея Ивановича, заглядывал ему в глаза, вздыхал и даже слегка повизгивал.

Сели ужинать. Сергей Иванович налил Пушку в миску еды, но пес к ней даже не притронулся.

— На охоту зовешь? — сказал ему Сергей Иванович.

Пес сразу насторожил уши, радостно взвизгнул и стал тереться мордой о ноги хозяина.

— Вижу, что хочешь,— говорил тот, лаская собаку.— Мне самому пройтись охота, да боязно, как бы тебя волк не сожрал.

Но Пушок, видно, не понимал опасений хозяина. Ружье было вычищено, сумка на месте — значит, пора идти. Чего еще ждать?

Так, ничего не решив, Сергей Иванович лег спать. Завтра, мол, будет видно: утро вечера мудренее. А может, еще к утру завернет непогода, дождик, снег... Чего же загадывать заранее? В душе Сергей Иванович даже хотел, чтобы завтра было ненастье. По крайней мере не будет тянуть в лес. А там, глядишь, и снег нападет. По снегу живо разыщем серого. Может, посчастливится и прикончить его, тогда можно будет без опаски идти в лес за белками.

Но желания Сергея Ивановича не сбылись. Проснулся он на рассвете. Вернее, его

разбудил Пушок. Песик стал на задние лапы и лизнул руку хозяина своим мягким влажным язычком: вставай, мол, уже светает!

— Ох ты, неугомонный! — добродушно проворчал Сергей Иванович, вставая с кровати.

Пушок, виляя хвостом, подбежал к двери. Сергей Иванович последовал за ним, вышел во двор. Его сразу так и обдало бодрящей осенней свежестью, приятным запахом опавшей листвы. День обещал быть тихим, мглистым. Хороший денек для охоты! Сергей Иванович сошел по сырым деревянным ступенькам во двор. Прошел до калитки. Уже как следует рассвело.

За калиткой в туманном свете осеннего утра виднелся лес, весь облетевший, хмурый, но такой манящий для сердца охотника!

Сергей Иванович живо представил себе, как звонко раздается в таком лесу радостный лай Пушка, когда он разыщет белку. Охотник уже видел и самого зверька в серой нарядной шубке. Вот он сидит на еловом суку, вздергивает пушистым хвостом и сердито цокает на собаку... И ведь все это так просто увидеть не только в воображении, но наяву, стоит только взять ружье и пойти в лес. А если волк? Потерять верного друга... Но почему же волк обязательно наткнется на Пушка? Может, он уже далеко отсюда и след давно простыл?

Видя, что хозяин колеблется, не берет почему-то ружья, не идет в лес, Пушок постарался, как мог, подбодрить его. Он начал прыгать возле него, лизать руки и, приложив уши, умильно глядел прямо в лицо своими черными, удивительно умными и преданными глазами. Казалось, вот-вот скажет: «Пойдем на охоту. Мне очень хочется».

— Так ведь тебя же жалею, — отвечал ему Сергей Иванович, будто Пушок и вправду разговаривал с ним. — Боюсь я, что на волка наскочишь. Что тогда? Как же я без тебя останусь? Места ведь себе не найду.

Но Пушок это понял по-своему, по-собачьему. Хозяин с ним говорит так ласково — значит, все хорошо, значит, они сейчас пойдут на охоту. Пес даже взвизгнул от радости, и, приложив уши, пронесся вокруг хозяина, и снова присел в ожидании.

— Что же с тобой поделаешь? — развел Сергей Иванович руками. — Ну, уж пойдем, куда ни шло! Только, смотри, далеко от меня не удирай!

Стараясь больше ни о чем не раздумывать, Сергей Иванович быстро вернулся в дом, надел ватник, взял ружье, сумку с патронами и отправился на охоту.

Поздняя осень в лесу. Какая пора может быть более грустной и более милой для человека, привыкшего бродить с ружьем по глухим, давно не хоженным тропам?!

Сергей Иванович шел по узенькой тропке, по мягким, преющим листьям. Он вдыхал их кисловатый пьянящий запах, похожий на запах холодного деревенского кваса.

По сторонам от тропинки росли невысокие деревца — осины, березки. Их тонкие ветви были совсем голые, без единого листика. Только кое-где попадались молодые дубки. На них еще прочно держалась обмокшая от ночного тумана листва, темно-рыжая, как шкура лисицы.

Птиц совсем не было слышно. Осенний лес притих.

Но вот где-то вдали пронзительно закричала сойка, и снова все смолкло.

Пушок умчался куда-то в лес. Сергей Иванович знал: теперь он рыскает между деревьями, принюхивается к влажной земле, ищет желанный беличий след...

«Только бы не удрал слишком далеко!» — тревожно думал охотник. А где-то там, в глубине души, он ведь отлично знал: случись беда, близко ли, далеко ли,— помочь все равно не успеешь. Куда же такому клопу с волком тягаться? Схватит его — и конец.

Вдруг Сергей Иванович даже вздрогнул от неожиданности. Громкий собачий лай будто встряхнул тишину осеннего леса. Это лаял Пушок — значит, нашел кого-то; наверное, белку.

Сергей Иванович поспешил на голос собаки. Он начал проворно пробираться между деревьями и кустами. Идти было легко. Раздвигая сучья и бесшумно ступая по влажной земле, охотник быстро добрался до места. Еще издали он заметил Пушка. Тот сидел под старой сосной и, подняв голову кверху, изредка взлаивал.

Сергей Иванович взглянул на вершину сосны.

Огромный глухарь, растопырив крылья и опустив вниз бородатую голову, сердито смотрел на собаку и как-то забавно похрюкивал на нее. Этот лесной индюк был похож на какую-то разлатую темно-бурую коряжину. Весь он был такой взъерошенный, какой-то очень большой и нелепый с виду.

Но охотнику некогда разглядывать. Глухарь не белка. Он осторожен. Чуть оплошаешь — заметит и улетит.

«Молодец Пушок! — подумал Сергей Иванович.— Ишь, как деликатно подлаивает, не прыгает, не кидается на дерево, будто знает, что с глухарем нужно быть поспокойнее, иначе спугнешь!»

Стараясь остаться незамеченным, Сергей Иванович, крадучись, стал передвигаться от дерева к дереву. Вот теперь дичь не далее тридцати — сорока шагов — значит, можно стрелять. Дождавшись минуты, когда глухарь, увлекшись собакой, засмотрелся вниз, Сергей Иванович поднял к плечу ружье, прицелился и спустил курок.

Выстрел гулко прокатился по осеннему лесу. Огромная птица сорвалась с дерева и, стукаясь о сучья, полетела вниз. Пушок завизжал от радости, даже привстал на задние лапы.

Мертвый глухарь тяжело шлепнулся на влажную землю. Пес подскочил к нему, но не стал трепать, а только с наслаждением начал всего обнюхивать, глубоко засовывая свой черный нос в растрепанные перья птицы.

Сергей Иванович подошел, поднял глухаря. «Ого! Ну и здоров! Килограмма четыре потянет!..» Положил птицу в заплечный мешок.

— Умница, песик, хорошую дичь нашел! Поищи-ка еще,— похвалил Сергей Иванович своего друга.

Тот долго не стал вертеться возле хозяина. Охота — дело серьезное, некогда пустяками заниматься. Пушок опять скрылся в лесу.

День выдался для охоты удачный. Не прошло и получаса, как пес облаял белку, потом вторую, третью... И будто в награду за его старания, все зверьки сидели на открытых ветвях, а не забивались в густые елки. Сергею Ивановичу не приходилось их долго высматривать или стучать по дереву топором, чтобы выпугнуть зверька из его укрытия.

— Ну, Пушок, везет нам с тобой! — весело говорил Сергей Иванович, запрятывая в мешок очередного зверька.

Увлекшись охотой, Сергей Иванович и сам не заметил, как по старой привычке, углубившись в лес, он свернул в сторону Гнилого болота. Там всегда в прошлые годы попадались белки, а то и куницы. Слушая, не залает ли где Пушок, охотник тихонько шел по дорожке.

«Кажется, взвизгнул.— Сергей Иванович приостановился.— Сейчас залает».

Но вместо лая вновь послышался такой же визг. Он пронесся по лесу отчаянным воплем, как бы мольбой о помощи.

Не помня себя, Сергей Иванович бросился на выручку другу.

Голос Пушка все удалялся. Видно, он удирал от нападавшего зверя, неистово лая и взвизгивая.

— Пушок, ко мне! — кричал Сергей Иванович, но голос совсем пропал.

От волнения он даже забыл, что в руках у него ружье. Выстрелить бы! Может, и отпугнешь злодея.

Но вместо этого охотник, как безумный, несся через болото, хрипло маня к себе своего дружка.

«Жив, жив, еще лает! Может, успею!» — проносились в голове обрывки мыслей.

Вдруг Сергей Иванович зацепился ногой за корень и со всего маху полетел лицом прямо в кусты. Он упал и, не чувствуя боли, опять вскочил, хотел бежать.

Но голос Пушка умолк. Значит, конец.

Сергей Иванович дико огляделся по сторонам. Кругом болото, кочки, чахлые, полумертвые сосенки. И тут, где-то уж совсем недалеко, в последний раз взвизгнул Пушок.

Но что это? Снова раздался визг и громкий, забористый лай.

Сергей Иванович рванулся вперед и тут же остановился. Постой, да ведь Пушок не только визжит, он лает, и, кажется, на одном месте. Значит, никто его не преследует, не душит, значит, он сам кого-то преследовал с лаем и визгом.

Сергей Иванович даже рассмеялся от радости. Но тут же радость сменилась досадой. Кого же преследовал пес? Конечно, лося. А на лосей охота запрещена. Сколько Сергей Иванович потерял времени, сил и трудов, чтобы отучить Пушка их преследовать, и вот непослушный пес опять принялся за свое! Наверное, за лето забыл всю науку. «Ну, погоди, я тебе припомню!» В глубине души Сергей Иванович был рассержен не столько поступком Пушка, сколько своей оплошностью: не разобрав, в чем дело, бежал куда-то, весь изодрался, весь в крови. А еще старый охотник!

Успокоившись и отдышавшись, Сергей Иванович прислушался. Так и есть, лает и взвизгивает на одном месте. Вон там, за болотом, на поляне. Значит, остановил лося и вертится возле него. Сергей Иванович вынул из кармана перочинный ножик, срезал длинный прут. «Подожди, дружок, я тебя сейчас проучу! Живо у меня всю науку вспомнишь!»

Перейдя болото, Сергей Иванович выбрался наконец из густых зарослей на чистое место. Вот и поляна.

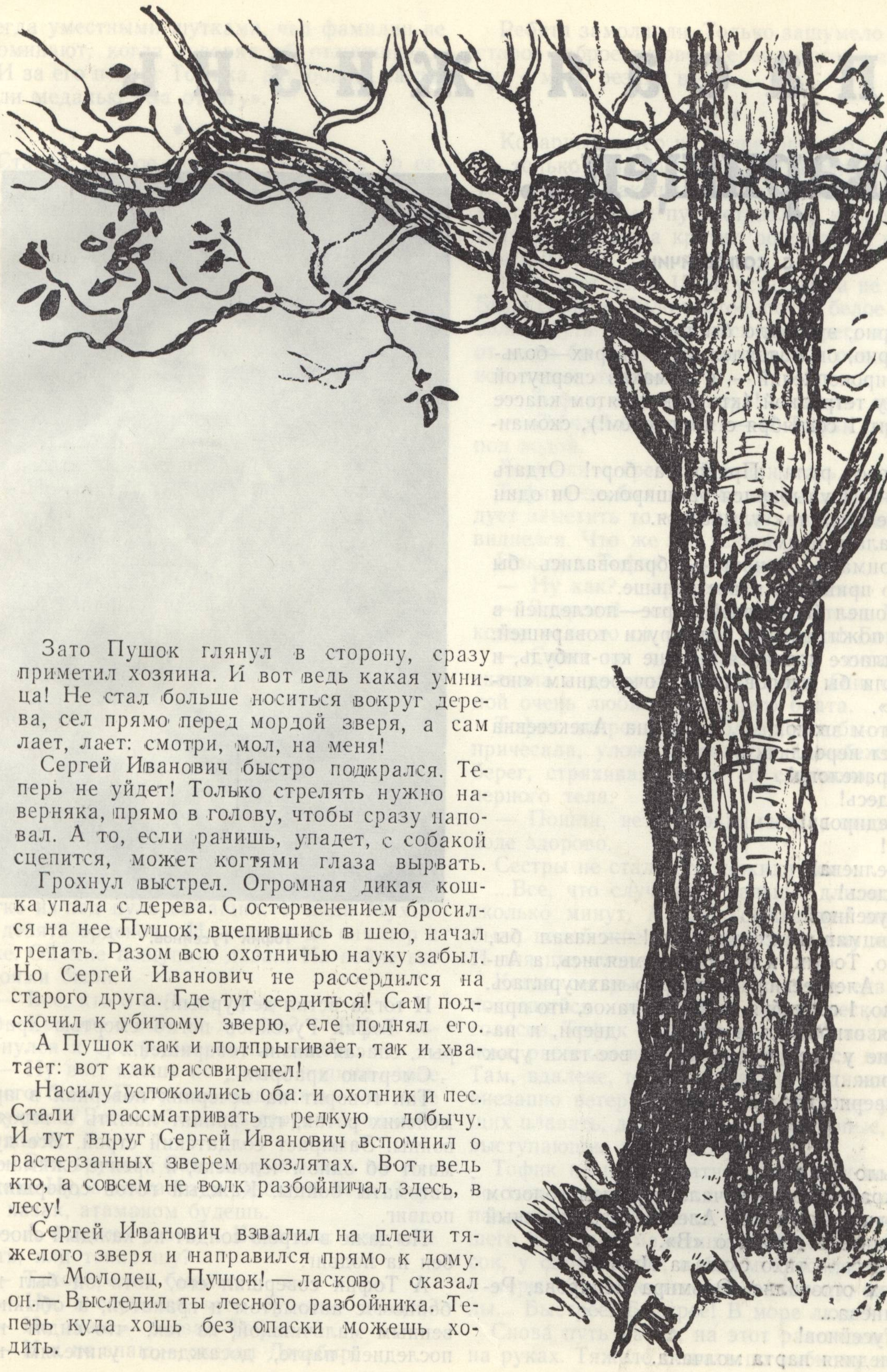
Еще издали заметил Пушка. А где же лось? Никакого лося нет. Злобно взвизгивая и лая до хрипоты, Пушок носился вокруг старого дуба.

Сергей Иванович глянул на дуб. На толстом суку, растянувшись, лежала кошка, огромная дикая кошка — рысь.

Даже ружье затряслось в руках у охотника. Хочет раскрыть его, заложить другие патроны, с крупной дробью, а руки дрожат, не слушаются.

Как же теперь подойти, чтобы зверь не заметил? А то еще спрыгнет и удерет!

Сергей Иванович стал обходить так, чтобы подойти к рыси сзади. Нечаянно наступил на сучок. Тот хрустнул, да так громко! Но рысь, следя за собакой, даже и не заметила.

Зато Пушок глянул в сторону, сразу приметил хозяина. И вот ведь какая умница! Не стал больше носиться вокруг дерева, сел прямо перед мордой зверя, а сам лает, лает: смотри, мол, на меня!

Сергей Иванович быстро подкрался. Теперь не уйдет! Только стрелять нужно наверняка, прямо в голову, чтобы сразу наповал. А то, если ранишь, упадет, с собакой сцепится, может когтями глаза вырвать.

Грохнул выстрел. Огромная дикая кошка упала с дерева. С остервенением бросился на нее Пушок; вцепившись в шею, начал трепать. Разом всю охотничью науку забыл. Но Сергей Иванович не рассердился на старого друга. Где тут сердиться! Сам подскочил к убитому зверю, еле поднял его.

А Пушок так и подпрыгивает, так и хватает: вот как рассвирепел!

Насилу успокоились оба: и охотник и пес. Стали рассматривать редкую добычу. И тут вдруг Сергей Иванович вспомнил о растерзанных зверем козлятах. Вот ведь кто, а совсем не волк разбойничал здесь, в лесу!

Сергей Иванович взвалил на плечи тяжелого зверя и направился прямо к дому.

— Молодец, Пушок! — ласково сказал он. — Выследил ты лесного разбойника. Теперь куда хошь без опаски можешь ходить.

Спасая жизнь товарищей...

С. СОЛОВЕЙЧИК

Наверно, это было бы так.

Наверно, он появился бы в дверях — большой, широкоплечий — и, помахав свернутой в трубку тетрадкой (кто ж в девятом классе приходит 1 сентября с портфелем!), скомандовал:

— Лево руля! Право на борт! Отдать концы! — И улыбнулся бы широко. Он один в классе умел так улыбаться.

— Салам, боцман!

— Боцману привет! — обрадовались бы все, кто пришел в класс раньше.

Он пошел бы к своей парте — последней в углу, — пожимая на ходу руки товарищей. Тут в классе появился бы еще кто-нибудь, и все стали бы здороваться с очередным «новичком».

А потом звонок, и Антонина Алексеевна начинает перекличку:

— Аракелова!

— Здесь!

— Бедирова!

— Я!

— Велиева!

— Здесь!

— Гусейнов!

— Боцман на своем посту! — сказал бы, наверно, Тофик, и все бы засмеялись, а Антонина Алексеевна притворно нахмурилась. Конечно, 1 сентября, и солнце такое, что приходится открывать и окна и двери, и настроение у всех чудесное, но все-таки урок есть урок...

...Наверно, это было бы так.

* * *

А было вот как.

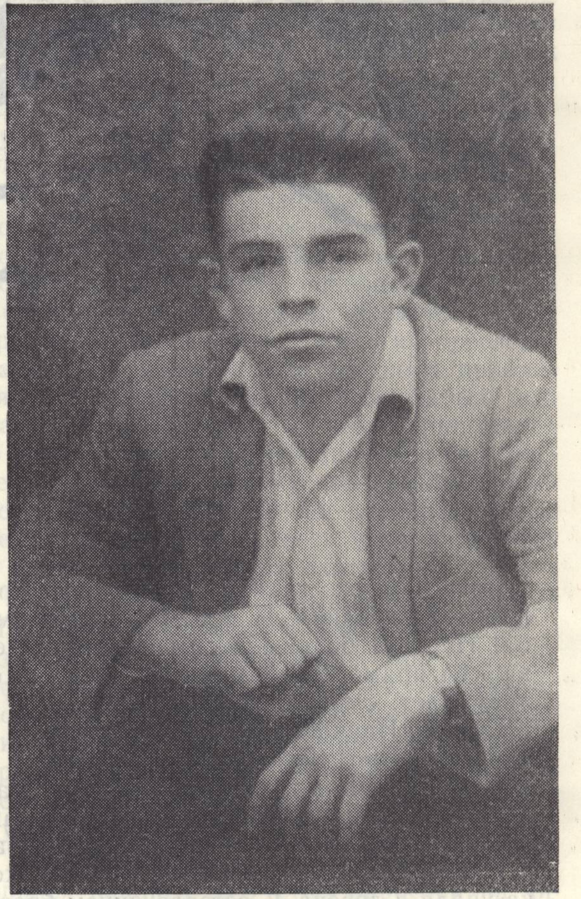
— Аракелова! — начала суровым голосом перекличку Антонина Алексеевна, классный руководитель девятого «В».

— Здесь, — тихо сказала Лариса.

Потом отозвались Эльмира Бедирова, Рена Велиева...

— Гусейнов!

Последняя парта молчала.

Тофик Гусейнов.

И тогда встал дежурный:

— Тофик Гусейнов погиб смертью храбрых, спасая жизнь товарищей...

...Смертью храбрых...

Так говорят на вечерних поверках в армейских ротах, где хранят память о героях войны. Замирает солдатский строй. Все думают об одном человеке, и крепче сжимают автоматы бойцы. Каждый готов совершить подвиг.

Но даже в строю солдат не каждый способен на подвиг.

А Тофик совершил его, хотя он был не бойцом с автоматом и гранатой, а обыкновенным мальчишкой, из тех, что сидят на последней парте, досаждают учителям не

всегда уместными шутками, чьи фамилии не упоминают, когда говорят об отличниках...

И за его подвиг Тофика, как бойца, наградили медалью «За отвагу».

* * *

Старое тутовое дерево склонилось до самой земли, дружелюбно растопырило ветви. Днем только и можно скрыться от жары, что под старым тутом. А ночью... Как хорошо мечтается, если глядеть сквозь его листву на черное, как нефть, бакинское небо!

Тофик с двоюродным братом Джабиром, студентом-геологом, долго не спали летними ночами. Лежали под тутом, смотрели, как мерцают звезды, и изредка переговаривались.

— Хорошо бы сильным стать! — подумал вслух Джабир.— Ты вот двухпудовую гирю раз десять выжимаешь, да?

— Не считал,— не сразу отозвался Тофик.— Ты спутник видел?

— Нет.

— И я не видел! — вздохнул Тофик.— Ничего, еще увидим. Может, и сами полетим... А страшно, наверно, будет! Для этого мало сильным быть...— Тофик помолчал, подумал, потом вдруг спросил: — Дедушку Насыра знаешь?

— Который у вас во дворе живет, отец Гафура Мамедова?

— Ну да. Скажи: когда Гафур командира заслонял от пуль, собою заслонял, что он думал?

— Ничего не думал. Видит, убьют его сейчас, и загородил. Сильный всегда за других боится, а не за себя.

— А дядя Махмуд товарища на плащ-палатке из-под пуль вытащил. У дяди Мухтара девять орденов... И осколок до сих пор в руке. Он мне пощупать давал. На войне все героями были.

— Все, кто о себе не думал.

— Как это о себе не думать? — Тофик повернулся к брату, оперся на локоть.

— Ну вот, идешь по улице, видишь, трое одного бьют. Полезешь защищать — по шее получишь. Вот и обходишь стороной, за себя боишься...

— Это ерунда! Сам кому хочешь по шее надаю. Ну, а достанется разок, не беда. Терпи, казак, атаманом будешь.

— А если не разок?.. Если так: или тебе жить, или товарищу?

— Такое редко бывает.

— Ну, а случится, что будешь делать?

— Не знаю,— сказал Тофик.

— И я не знаю,— сказал Джабир.

Ребята замолчали. Только зашумело вдруг старое доброе тутовое дерево, потому что подул с моря резкий ветер.

* * *

Коварный ветер на Апшероне! Вот, кажется, только что гнал волны на берег, наметал тончайший, как пыль, мокрый песок, а уже дует на море, не пускает волны на пляж, и море злится, вода крутит, роет на дне глубокие ямы...

Но в этот день, 15 августа, ветра не было. Было солнце, было чистое, почти белое небо, волны чуть выкатывались на берег, и уйти от моря было невозможно, такое оно ласковое, тихое, теплое...

— Тофик, пошли, пора! — звали сестры.

— Сейчас! Смотрите! — И Тофик скрылся под водой.

Девушки с тревогой оглянулись.

Тофика не было. Даже не успели как следует заметить то место, где он только что виднелся. Что же это такое?

Наконец Тофик вынырнул.

— Ну как? — прокричал издалека.

— Здорово!—насмешливо ответила Мина, когда отлегло от сердца.— Моряк! Боцман!

— Сядет на дно, как газету читает! — сказала с восхищением Рафига. Они с Миной очень любили младшего брата.

Тофик запрокинул голову, чтобы волна причесала, уложила волосы, и выбежал на берег, стряхивая капли со смуглого, почти черного тела.

— Пошли, ветер поднимается, относит в воде здорово.

Сестры не стали его дожидаться.

...Все, что случилось дальше, длилось несколько минут. А для Тофика эти минуты были целой жизнью. Они стоили ему жизни. И для них стоило жить.

Когда сестры услыхали слабый, едва доносившийся нестройный крик нескольких голосов, Тофик был уже в море. Сначала бежал, рассекая воду, потом бросился вплавь. Там, вдалеке, тонули ребята... Поднявшийся внезапно ветер занес их, пятерых, не умеющих плавать, далеко в море, за черные, едва выступающие над водой скалы...

Тофик плывет обратно. Его почти не видно, только взлетает над водой рука и с силой падает вниз. Нащупал дно. Несет потерявшего сознание мальчишку. Положил на песок, у самой воды, и бегом бросился назад, в море... Течение относит в сторону, на скалы... Быстрее! Быстрее! В море люди!

Снова путь назад, на этот раз с девочкой на руках. Тяжело бежать по зыбкому песча-

ному дну, но надо, иначе может случиться несчастье. Там, в море, они едва держатся...

Тофик передал девочку подбежавшим сестрам и в третий раз бросился в воду.

— Тофик! — отчаянно крикнула Мина, но он не слышал.

Устал. Вода рябит перед глазами. Ноги подкашиваются. Ничего, все будет хорошо, лишь бы добежать по мелкому, а плыть остается недалеко — метров пятьдесят, не больше. Не столько плавал...

Римма Джанибекова уже скрылась под водой, когда Тофик подплыл к ней. Быстрее назад! Но больше нет сил...

Врешь, боцман, еще можно плыть! Ну, немного!.. Сейчас дно достанешь. Есть! Теперь к берегу. Нет, до берега не дойти. Хоть до скалы добраться, до камня... Вот он.

Тофик положил девушку на камень, на секунду остановился, тяжело дыша...

Что делать? Идти в четвертый раз? Или повернуться спиной к двум тонущим девочкам и побрести, согнувшись, к берегу?

Никто не знает, о чем подумал тогда Тофик.

А море билось о камень, злилось...

Что значат силы мальчишки перед мощью моря?

Но что может победить волю человека, даже если ему только шестнадцать лет?

— Возьмите! — крикнул хрипло Тофик сестрам, бежавшим к скале, где лежала девушка. И пошел, шатаясь, в море. В четвертый раз.

И не вернулся.

* * *

На первом уроке 1 сентября в 134-й бакинской школе имени Тофика Гусейнова шла радиопередача. Репродукторы были установлены в каждом классе, и в каждом классе раздавались слова:

«Самое дорогое у человека — это жизнь. Люди, которые сознательно отдают свою жизнь ради жизни и счастья других,— герои. Таким был Тофик.

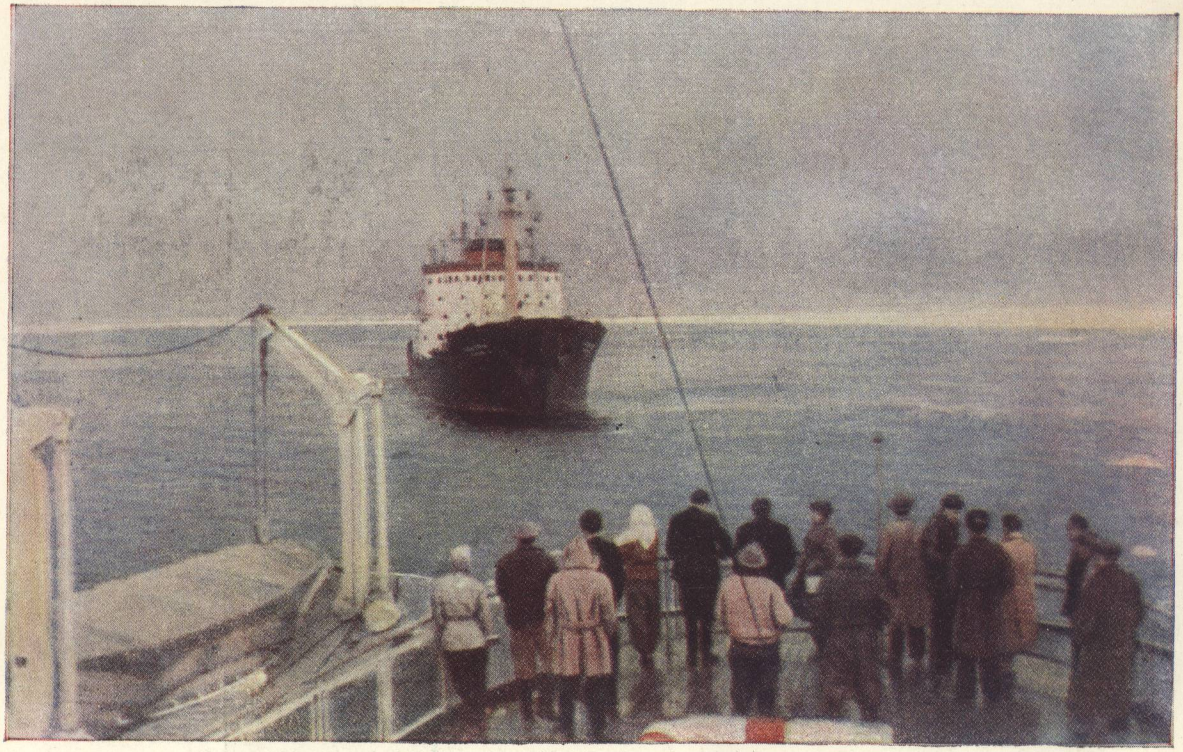
Подвиг его навсегда останется символом мужества и человечности...»

И в каждом классе вдруг поднялись ребята с мест и застыли в молчании. Двери были распахнуты настежь, и видно было, как стояли, вытянувшись в струнку, мальчишки и девчонки, черноглазые и светлоголовые, уже почти взрослые, в модных костюмах, и маленькие, в рубашках с белыми отложными воротничками и алыми галстуками. А какой-то парнишка-шестиклассник поднял руку над головой — пионерский салют. Знак, что и для него общие интересы выше собственных. И что, если придется до конца бороться за товарищей, за народ, он готов. Всегда готов!

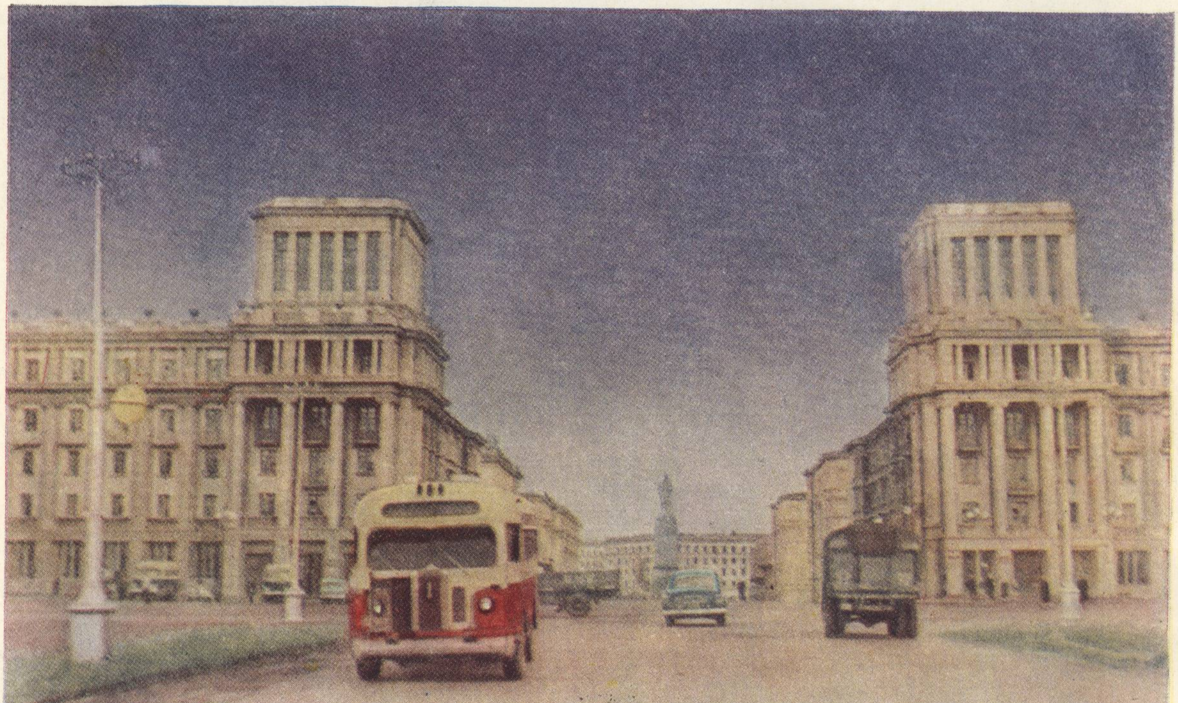

Стадион. Ю. Павлов.

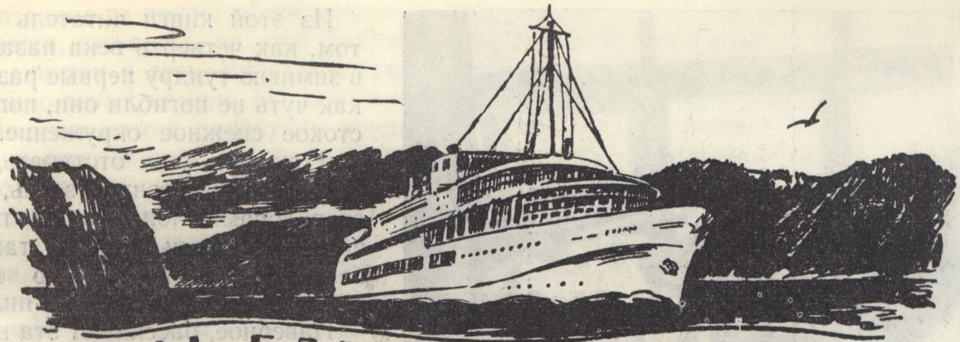

Подходим к Диксону. Впереди льды, на помощь «Чкалову» вышел мощный дизель-электроход «Индигирка».

Со всех сторон окруженный тундрой, у отрогов гор Путорана вырос красавец-город Норильск. Это одна из его площадей — Гвардейская площадь.

Фотографии В. Темина.

МЫ ЕДЕМ НА ДИКСОН

(Окончание)

ГОРОД В ТУНДРЕ

А. НЕКРАСОВ

Конечно, мы решили съездить в Норильск.

Ехали в обыкновенном поезде, в обыкновенном вагоне, и это, пожалуй, было самым необыкновенным в нашей поездке.

За окном, точно неведомые звери, бежали навстречу мохнатые коричневые сопки, степенно проплывали голубые, наверное, бездонные озера, стояли ржавые бочаги... Карликовые деревца кружились широкими хороводами. Среди сочных трав качали головками белые, розовые, желтые, голубые цветы...

— Неужели это и есть тундра? — удивлялись многие.— Красиво-то как!

И, правда, не верилось, что едем мы по тундре. Какая там тундра, когда на каждом разъезде стоят, поджидая нас, груженые составы!

Приходилось и нам ждать. В одном месте, пока наш поезд стоял, пассажиры, кто посмелее, побежали собирать цветы. Вернулись без букетов, с мокрыми ногами и долго еще почесывались и ворчали:

— Болото настоящее... Хлюпает... И как здесь люди работают? Ведь комарье заест!..

А в тундре работали...

Вдоль полотна дороги там и тут дымили костры. Какие-то люди в высоких резиновых сапогах, в широкополых шляпах с сетками накомарников, с кирками и с лопатами в руках пропускали наш поезд, провожая его глазами. В одном месте маленький экскаватор деловито махал «лапой». В другом — девушка, склонившись над треногой с прибором, откинув сетку накомарника, одной рукой показывала кому-то, куда передвинуть рейку, а другой смешно отгоняла комаров. Нам довольно мирными показались эти картинки. Но мирная красота летней тундры оказалась обманчивой.

Оказалось, что здесь, вдоль дороги, с обеих сторон идет непрерывный бой: тундра каждый день, каждый час нападает, а все эти люди — часовые на переднем крае — стерегут дорогу.

Когда-нибудь напишут, наверное, книгу о тех сражениях, которые шли здесь между суровой природой Заполярья и человеком, и о той великой победе, которую одержали советские люди, отвоевав у тундры тонкую ниточку стокилометрового пути.

Старый норильчанин, передовой машинист экскаватора коммунист Василий Сергеевич Глотов прямо со своего рабочего места разговаривает по радио с диспетчером.

Из этой книги читатель узнает о том, как четверть века назад вышли в зимнюю тундру первые разведчики, как чуть не погибли они, попав в жестокое снежное окружение. О том, как думали уже отступать, потому что летом все тонуло здесь, а зимой снег горами ложился на пробитом человеком пути, и ветер так трамбовал этот снег, что его приходилось пилить настоящими пилами...

Наверное, расскажет эта книга и о том, как шаг за шагом, уложив в ненасытную тундру горы камня и балласта, провели здесь сначала узкую колею, потом заменили ее широкой; как научились заранее разгадывать коварные сюрпризы вечной мерзлоты; как обманули пургу, заставив ветер не заметать, а расчищать путь зимой...

Но пока еще нет такой книги, и мы из случайных рассказов попутчиков-норильчан узнавали об этом. Узнавали и удивлялись. Как не удивляться, когда по тундре, где человек, едва ступив, проваливается по колено, ехали мы в обыкновенном поезде!

Потом подступили к дороге сопки, одна другой выше. Поезд запетлял между ними и стал... Приехали...

Мы ждали, конечно, что Норильск поразит нас своими улицами и зданиями. Но для меня самым поразительным оказалось то, что тут, в Норильске, с первых шагов не нашлось ничего такого, что поразило бы мой московский глаз. Что вот это-то и было поразительно, понял я много позже. А тогда вышли мы на вокзальную площадь, осмотрелись, и, по правде сказать, я даже разочаровался немного.

Столько говорили об этой площади, а оказалось, площадь как площадь, ничего особенного. А о том, что до Москвы-то шесть тысяч километров, что кругом непролазное болото, непроходимые горы, тундра, тучи гнуса и комарья,— об этом тут сразу забылось. Тут, как в Москве, в киосках продавали газеты и газировку с сиропом, такие же, как в Москве, автобусы стояли возле тротуаров. Афиши висели на стенах, приглашая в театр, в кино, во дворец спорта...

И в городе тоже: прямые широкие проспекты, просторные площади, обстроенные многоэтажными домами, ни в какое сравнение не шли с тем, что было тут, близко. Опять с Москвой да с Ленинградом напрашивались сравнения, и в таких сравнениях, конечно, проигрывал Норильск. А о том, что нельзя такие сравнения делать,— об этом не думалось.

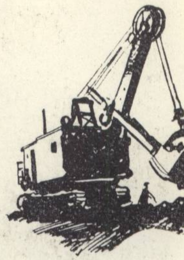
А потом мы увидели такое, чему сколько ни искали, так и не нашли сравнения. С высокой горы, куда привезли нас в вагончиках фуникулера, показали нам тот самый сундук, из которого черпают норильчане сказочные богатства.

Он стоит открытый, этот сундук, без запоров, без секретов — бери сколько хочешь, полной горстью!

И норильчане берут. Да не одной — десятками стальных горстей, многокубовыми ковшами экскаваторов черпают драгоценные камни на склонах широкого оврага-разреза, грузят в вагоны — думпкары — и сотнями, тысячами тонн везут на обогатительную фабрику.

Название-то какое: обогатительная фабрика! Ведь, если задуматься, получается, что здесь, на этой фабрике, вырабатывают богатство.

А оно так и есть. Руда, которую привозят с разреза,— это невзрачный темно-серый камень. Из такого камня ничего не сделаешь. Но там, в глубине этого камня, запрятаны крупинки красной меди, и белого никеля, и других драгоценных металлов. Сумеешь извлечь их — станешь богачом.

Но нелегок, оказывается, путь к богатству!

Сперва нужно в пыль превратить руду. Машины — каждая с двухэтажный дом! — стальными цепами разбивают глыбы в куски, куски в кусочки, кусочки растирают в песок, песок — в пыль, тонкую, как пыльца на крыльях бабочки. А потом из этой пыли нужно выбрать металл... Трудолюбивые муравьи, и те не взялись бы за такую работу. А вот простые воздушные пузырьки прекрасно справляются с ней. Тысячи небольших корытец стоят в огромном цехе. Миллиарды пузырьков бурлят в этих корытцах, пенят раствор рудной пыли. С пеной поднимается металл, а пустую породу оставляют на дне...

Нам показали огромный овраг, доверху залитый серой массой. Это пустая порода, «хвосты», как здесь называют. Сколько же нужно было поднять руды, чтобы залить «хвостами» такую яму?! И сколько металла выплавили норильчане из этой руды?!

Сверху, с горы, мы долго смотрели на город. Красивый город: горы и сопки, заняв круговую оборону, стерегут этот город со всех сторон. А внизу, у подножия гор, словно спичечные коробки, разбросаны корпуса заводов. Та на ребре, та плашмя, та стоймя. Среди них — карандашными огрызочками трубы с султанами дымов. От завода к заводу прочерчены дороги, проложены тоненькие мостики. По дорогам ползут червячки поездов, букашки автомобилей.

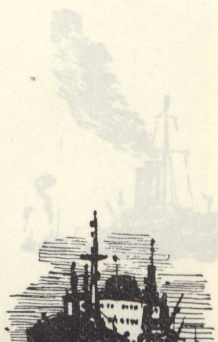
Везут руду, везут уголь, добытый тут же, в горах, везут готовый металл... Везут через тундру, в Дудинку, на Енисей, оттуда на баржах — вверх и вниз... По всему Советскому Союзу звенит в проводах норильская медь, блестит норильский никель на крышках часов, на чайниках, на облицовках автомобилей. Горит норильский уголь в топках морских кораблей, идущих сквозь льды Арктики... Богатый город! Но как богат, как могуч народ, сумевший в пустынных горах возвести такой город!

НА СЕВЕРЕ ДАЛЬНЕМ

Река кончилась... Уже не по бакенам, не по створам вели штурманы теплоход, а по морской прокладке. И путь мерили не километрами, а морскими милями, и ветер дул по-морскому, и волны по-морскому украсились белыми гребнями.

Опробовали радар: закружилось над рубкой черное, причудливо изогнутое «зеркало». Снизу казалось, что кто-то там замахал, закрутил над головой большим платком. А в рубке на маленьком экранчике засветилась призрачным зеленоватым светом далекая линия берега.

Появились первые льдинки, изъеденные соленой водой. Потом незаметно подкрались большие льдины и целые ледяные поля, белые, как мрамор, и, как мрамор, наверное, крепкие.

«Чкалов» еще шел, осторожно расталкивая льды. Но каждый раз, тронув льдину даже с самого малого хода, он содрогался крупной, тяжелой дрожью, замирал на секунду и, словно нехотя, двигался дальше, пока новая льдина не вставала на его пути.

Наконец и командиры и пассажиры поняли: дальше не пойдешь... Замолчали машины. И таким маленьким, таким уязвимым показался

вдруг наш теплоход,— один среди льдов, в неприветливом, огромном, холодном море!

А тут еще туман рваными клочьями стал собираться кругом... А тут еще тучи, серые и тяжелые, спустились к самому морю.. Стало неуютно, холодно, тревожно... Невольно приходили на память затертые льдами корабли, погибшие в этих местах...

Пассажиры почему-то стали говорить вполголоса. Они часто, будто по делу, поднимались в рубку и старались подольше задержаться там, чтобы послушать, о чем говорят капитаны.

А капитаны ни о чем не говорили. Степан Иванович шагал по мостику с крыла на крыло, то и дело поднимая бинокль. А Василий Васильевич сидел на складном стульчике, курил сигареты. Будто вовсе и не касалась его судьба нашего теплохода.

Наконец кто-то спросил, что же будем делать.

— А ничего не будем делать,— сказал Василий Васильевич.— Постоим, подождем. Что ж тут поделаешь?

— И долго простоим?

— А уж это не наша воля. Кабы нас одних проводить, а то ведь целый флот. Кому на восток, кому на юг, кому на север... Всем нужно. Постоим, придет и наш черед...

И, словно в ответ на его слова, совсем близко раздался могучий рев, и в тумане, как черный призрак из волшебной сказки, вырос огромный корабль.

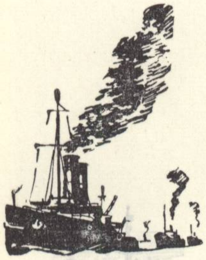
Он шел прямо на нас через туман и через лед, словно не толстые льдины лежали на воде, а клочья мыльной пены. Размахивая волшебным зеркальцем радара, он почти вплотную подошел к нашему борту, и на высоких скулах, над клюзами, украшенными черными сережками якорей, мы прочитали название корабля. Это был дизель-электроход «Индигирка».

Красуясь, «Индигирка» обошла нас кругом и встала впереди, высокая, как колокольня. Оттуда, с мостика, с шестиэтажной высоты, голова в кожаной ушанке глянула вниз, на наш мостик, и сказала по-хозяйски:

— На «Чкалове», пойдете за мной!

Эта команда, многократно усиленная электрическим мегафоном, громом прокатилась над льдами. «Чкалов» принял буксир и, как упрямый бычок на веревочке, слегка упираясь, пошел по дороге, протоптанной во льдах тяжелым корпусом могучего корабля.

За свистом ветра мы не слышали, как хрустят и ломаются льды. Зато видно было, как, встав на ребро, выскакивают из-под бортов «Индигирки», падают и разбиваются тяжелые льдины, как далеко в стороны, рассекая ледяные поля, разбегаются длинные сквозные трещины, как работает за кормой желтая морская вода, перемывая ледяное крошево.

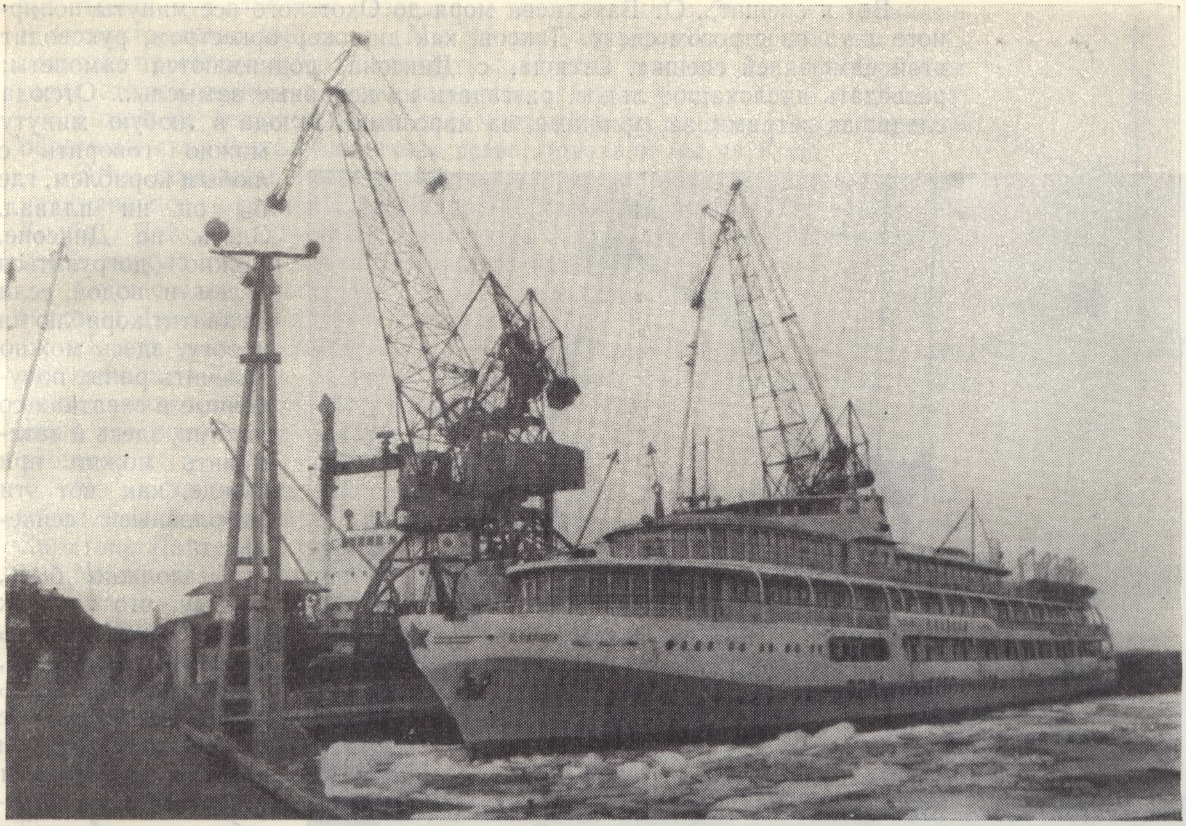
Столько спокойной, уверенной силы было в этом неукротимом движении, такой легкой казалась победа над льдами, что каждому, наверное, захотелось и себя почувствовать участником этой победы. И опять громче зазвучали голоса на палубах, послышался смех. Пассажиры оделись потеплее, и хотя жесткий ветер по-прежнему бесчинствовал над морем, до самого Диксона никто не ушел с палубы.

Слева черными ниточками растянулись над горизонтом султаны дымов; это с запада старейшина ледокольного флота, почти уже легендарный старик, богатырь «Ермак» вел сквозь льды караваны в Игарку.

Справа низкие коврижки лежали на льду. Поднявшись, они выросли, превратились в огромные каменные купола, обступили нас со всех сторон. «Индигирка» крикнула что-то, бросив буксир, вильнула утиной кормой и пошла назад в море, во льды, помогать «Ермаку».

Мы одни остались в бухте, заполненной битым льдом.

Кругом, приютившись на ржавых скалах, стояли белые домики. Радиомачты тянулись в небо. Цепляясь за них, неслись над домами тучи.

Причальный пирс порта Диксон оборудован мощными портальными кранами. Здесь одновременно могут разгружаться несколько морских кораблей.

Фото В. Темина.

Самолет черной птицей метнулся над крышами и пропал. Под каменным обрывом, выстроившись во фронт, стояло десятка два маленьких сейнеров.

Было очень рано, но и порт и город уже проснулись. По деревянному пирсу один за другим, не сбавляя хода, с грохотом мчались пустые самосвалы. У самого конца пирса, лихо затормозив, они разворачивались на поворотном круге, спешили обратно, становились под рукавом бункера и, присев под грузом, неслись дальше, в поселок, на углебазу. Два крана, склонившись над трюмами парохода, полными пригоршнями черпали оттуда уголь и, раскрыв железные ладони, выплескивали его в широкую воронку бункера.

Прямо над портом начинался город. Вдоль улиц, пробитых в скале, бежали кверху на деревянных ногах похожие на мостики тротуары. Настоящие городские дома — двухэтажные и трехэтажные, деревянные и каменные — стояли на улицах. На домах висели вывески: «Районный комитет КПСС», «Редакция газеты «Полярная звезда»...

И люди, совсем не похожие на полярников — кто в спецовке, кто в городском костюме,— спешили куда-то...

Все спешили на Диксоне, словно с работой, которую на Большой земле делают за сутки, тут подрядились справиться за час.

Оказалось, что здесь по-другому и нельзя. Диксон — столица Арктики, боевой штаб Северного морского пути. А Северный морской путь — путь трудный. Всего шестьдесят, пятьдесят, а то и сорок суток в году льды уступают ледоколам. А потом, набравшись морозной силы, непроходимыми заслонами запирают морские дороги, и тогда горе кораблю, который не поспел дойти до порта.

Вот и спешат... От Баренцева моря до Охотского все минуты полярного лета на строгом счету. Диксон, как дирижер оркестром, руководит этой симфонией спешки. Отсюда, с Диксона, поднимаются самолеты: разведать дислокацию льдов, разгадать их коварные замыслы... Отсюда следят за ветрами, за туманами, за морозами. Отсюда в любую минуту, можно говорить с любым кораблем, где бы он ни плавал. Здесь, на Диксоне, можно догрузиться углем и водой, если не хватит кораблю на дорогу, здесь можно залечить раны, полученные в схватках со льдами, здесь и зазимовать можно при нужде, как вот эти рыболовные сейнеры.

Этот лес, выросший в Сибири, водой спустится по Енисею и через льды Арктики пойдет в далекую Европу. Фото В. Темина.

И, должно быть, потому, что тут так по-умному научились беречь время, и нам, пробывшим здесь считанные часы, все успели показать: и порт, и городок, и радиоцентр, и подсобное хозяйство, и Дом культуры, и станцию Колба, и гидрографическую базу...

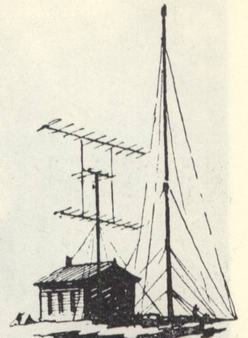
Начальник гидробазы старейший полярник Диксона Григорий Сергеевич Михеев, хозяин здешних глубин и мелей, приливов и течений, маяков и карт, помнит еще те времена, когда корабли, приходившие на Диксон, не могли стать к причалу, потому что причала не было.

— Лед — наш враг, — сказал нам Григорий Сергеевич.— Чтобы победить врага, нужно его изучить. Вот и изучаем...

Он показал нам карту работ гидробазы: тут промеры,

тут съемки, тут глубокая разведка — экспедиции с собачьими упряжками и с тракторными поездами... Мы узнали, как далеко в ширь и в глубь ледяных просторов сумел заглянуть советский человек. А как побеждают льды, это мы своими глазами видели...

Потом на большом вездеходе, который и по тундре, и по воде, и по обломкам скал бежал одинаково резво, приехали мы на Колбу.

Этим странным именем назывался прежде мощный радиомаяк. Не раз, наверное, штурманы, заблудившиеся в небе, услышав в эфире: «Я Колба... Я Колба...»,— облегченно вздыхали и уверенно проводили по карте тонкую линию вновь найденного пути.

Сейчас маяк упразднен: устарел. Место, домики и имя по наследству перешли Диксонской геофизической станции.

Десять ученых, самому старшему из которых двадцать три года, ведут отсюда, с Колбы, разведку самых высоких слоев стратосферы; с помощью сложнейших приборов они заглядывают туда, где движутся спутники, где рождаются полярные сияния, где лежат зоны поглощения радиоволн.

На их работы мы смотрели так, как, наверное, смотрели много лет назад эвенки и ненцы на первые в этих местах гидрографические работы Харитона Лаптева: с уважением, но без понимания.

Нам показали экранчик. На нем что-то вроде горящего зеленым светом силуэта крепостной стены... На стене то возникают, то пропадают, вырастая и уменьшаясь, такие же зеленые силуэты стройных башен.

Нам объяснили, что это означает и как это важно. А мы одно поняли: молодежь здесь штурмует небо, смело прокладывает дороги тем кораблям будущего, которые раздвинут границы нашего мира.

По старой полярной традиции, общая комната на Колбе называется «кают-компанией». Там вместо цветов на окнах растут помидоры. И это, оказывается, очень красиво. Стены кают-компании украшены картинами. Там увидели мы и репродукцию с картины Шишкина «На севере диком...». Могучая сосна, укутанная снегом, стоит одна на заснеженном утесе...

На Диксоне идут те же кинокартины, что и в Москве. Центральную газету здесь можно прочитать в день ее выхода. А вот картина «На севере диком...» кажется здесь южной экзотикой. Ведь до тех широт, где растут сосны, отсюда не одна сотня километров.

Великa наша Родина!

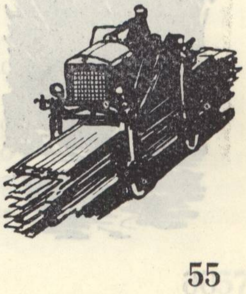
КОСТРЫ

Таежные охотники, чтобы запомнить дорогу, часто оглядываются назад.

Мы не оглядывались, когда шли на Диксон. Столько интересного ждало нас впереди, столько нового видели мы на каждом шагу, что просто некогда было оглядываться.

Зато на обратном пути мы долго стояли на корме, смотрели назад и вспоминали о том, что за эти короткие дни стало нам таким близким.

Утонул в тумане Диксон.

Вместе с северным — теперь попутным — ветром залетела на теплоход беспричинная грусть.

О чем бы, кажется, грустить? Но всегда немножко грустно, когда уезжаешь и не знаешь, придется ли побывать здесь еще раз.

Льды поредели. Теперь дорогу нам пробивал сам «Ермак». Вывел, пронзительно по-богатырски трижды ухнул ревуном и ушел. Только дым черным облаком долго еще плыл над морем.

Прошли Воронцово... Прошли Караул.

С кормы поклонились Дудинке, вспомнили Норильск, даже телеграмму туда послали. И вдруг, когда подходили к Игарке, все опять, как в начале рейса, высыпали на палубы, столпились на носу и ждали, вглядываясь в далекие берега: скоро ли?

А ведь мы уже были там, в Игарке.

Мы-то были, да Игарка была не та.

Тогда пустовали причалы. Тогда пустовал рейд на широкой протоке. Просторно и тихо было на гладких, как паркет, мощенных лесом набережных...

Но уже и тогда чувствовалась за этой напряженной, настороженной тишиной готовность к бою. Вот-вот, казалось, взовьется ракета, и тишина рухнет, и все загрохочет, закипит в сражении. Теперь сражение шло.

В протоке было тесно от кораблей. Черные, серые, коричневые краснобрюхие великаны, те с высокими закопченными трубами, те совсем без труб... Одни стояли неподвижно, прикованные к стенкам стальными путами швартовов. Другие посреди протоки по ветру разворачивались на якорях. А справа и слева кружились вместе с ними, не отходя ни на шаг, доверху груженные лесом плавучие пристани-лихтеры.

Над кораблями трепетали чужие глазу флаги. Чужие имена носили эти корабли. Чужим языком говорили люди на их палубах. Из чужих далеких стран пришли эти люди, а дело у всех тут было одно и враг был один, общий враг — лед.

Странно было, что сражение со льдом идет здесь, за тысячу километров от ближайшей льдины. А сражение шло: шел жестокий бой за каждую секунду, за каждый кубометр погруженного леса.

На весь мир славится здешний лес. В суровых условиях Сибири лес не спешит расти. Годовые кольца здешних деревьев тонки, как бумага, но зато древесина плотна, как кость. Нет цены такому лесу...

Но в тайге кому он нужен, самый лучший лес? На костер разве? А вывезти его из тайги не хватало ни сил, ни умения у человека. Сплавить рекой? А куда? В ледовое Карское море?

И было так: Россия и Европа мечтали о сибирском лесе. Сибирский лес мечтал найти дорогу на запад. А на пути к свершению этой мечты стояла ледяная стена.

Когда на берега Енисея пришла Советская власть, новый хозяин занялся сибирским лесом.

Вышли в море ледоколы, поднялись самолеты, чтобы найти пути между льдами, застучали топоры в тайге, тяжелые плоты поплыли вниз по Енисею. И тридцать лет назад на Енисее, за семьсот пятьдесят километров от моря, стал расти морской порт, стал расти город, заводы.

Льды не хотели сдаваться без боя. Но с каждым годом росли силы человека, росли знания, рос опыт, и теперь, как ни злится враг, все равно побеждают люди.

В этом году с самого начала, с весны, льды дали генеральное сражение и почти двадцать дней успели выиграть в первых боях. Такой поздней навигации давно не бывало в низовьях Енисея. А к началу сентября, что бы ни случилось, весь флот нужно погрузить и вывести из реки.

Вот поэтому, как на гонках, перекликаясь гудками, по деревянным мостовым Игарки день и ночь несутся похожие на огромных жужелиц высокие автомобили — лесовозы — с грузом золотистых досок и брусьев под брюхом. Вот поэтому пароходы без отдыха подхватывают стрелами и сбрасывают в горловины люков тугие связки леса. Для этого все здесь, в Игарке, делают машины: и грузят, и возят, и вяжут... Только в трюмах растаскивают и укладывают лес пока еще вручную.

Месяца два, не больше, идет это сражение в Игарке. А готовятся к нему круглый год. Каждый год с осени начинает расти рядом с жилым

городом нежилой город Игарка. Удивительный город: есть там улицы, переулки, площади, кварталы. Есть названия у этих улиц. Над улицами висят фонари, на перекрестках — светофоры. Водопровод проложен в этом городе. А домов нет, и жителей нет. Одни сторожа похаживают по улицам этого города. А вместо домов стоят там высокие штабеля леса.

И если к концу морской навигации весь этот город успеют разобрать и погрузить в трюмы кораблей,—значит, Игарка выиграла бой.

А сюда со своих игарских заводов, из Енисейска, из Маклакова и из других мест баржами и плотами привезут новые шпалы, брусья, доски, и новый город без жильцов к весне вырастет на месте старого.

Веселый город — Игарка. Здесь каждый год фестиваль молодежи. Машины работают здесь день и ночь без отдыха. А люди, хорошо отработав свое время, идут отдыхать, и круглые сутки, днем и ночью, благо летом ночи здесь светлые, как день, внизу у реки гремит сражение, а вверху, в городе, звенят веселые песни на всех языках земли.

Маленькая косуля Шурочка, любимица пионеров, живет на «животноводческой ферме» в пионерском лагере норильчан «Таежное».

Веселый город—Игарка, и грустно было прощаться с ним. Но теплоход нетерпеливо звал нас «домой». И опять поплыли вдоль бортов берега, острова, селения... А потом загорелись звезды на небе, и бакены на воде, и ходовые огни на теплоходе... И опять в привычном круговороте стали сменяться дни и ночи, ясные вечера и туманные рассветы.

Уж считанные километры остались до Красноярска. Пассажиры посматривали на часы и рассчитывали: успеют ли на автобус или на судне придется побыть до утра? В каютах и на палубах прощались друг с другом, записывали адреса... И вдруг яркое зарево встало над правым берегом. Казалось, пылает тайга... Потом и искры стали видны, они снопами поднимались и гасли в высоте. А когда теплоход вышел из-за поворота, открылись сразу четыре высоких, выше деревьев, ярких, как огромные факелы, костра.

— Хозяева,— сказал кто-то за моей спиной.

Я обернулся. Василий Васильевич тоже смотрел на берег. Он протянул мне бинокль, и там, за светом костров, я увидел не сотни, нет, тысячи ребят в пионерской форме, в пионерских галстуках...

— Их здесь семь тысяч,— сказал Василий Васильевич.— Это норильские. Там, вы заметили, совсем ребят не видно. Их вот сюда на все лето вывозят... У них здесь свой, таежный Артек. Хорошее место!

Мне хотелось получше рассмотреть и костры, и берег, и ребят. Но теплоход опять повернул, и костры пропали. А зарево еще долго стояло за кормой. Я смотрел на него и думал о том, каким будет этот край через семь лет, через пятнадцать, когда полноправными хозяевами страны станут мои сегодняшние читатели.

ЖИВАЯ ВОДА

ПОЛЬСКАЯ СКАЗКА

Пересказала **Надежда БЕЛИНОВИЧ.** Рисунки **А. Брея.**

Когда-то в давние времена выбегала из темной пущи светлая речка, полным-полная живой воды. Эта вода исцеляла болезни и утоляла печали.

Голосистая речка бежала, журчала и пела о том, что за горами-долами, в белом городе, живет мудрец Наставник. Он стар, как зеленая пуща, и учит больших и малых добру и уму-разуму.

Возле лесной опушки, на крутом берегу, стояла деревня.

Звери и птицы приходили к реке на водопой, пили живую воду и не обижали людей.

Так пролетело много-много лет...

Однажды в зеленой пуще появился король — пан Золотая Шишка. Он запечатал родник, и река сразу высохла. Люди пили болотную воду и стали хворать. Изменился нрав зверей: волки и кабаны днем выбегали на опушку, нападали на стадо, а медведи таскали мед из деревенских ульев. Мужики не смели больше войти в пущу. Не было им житья от злых зверей.

И вот двое юношей — Ясь и Гук-Бук — решили пойти в белый город к мудрецу Наставнику. Пришли, рассказали ему все по порядку и просят:

— Научи ты нас, пан Наставник, как покорить пущу и как наполнить реку живой водой!

— Я научу вас разным мастерствам,— отвечал Наставник,— но чтобы покорить пущу и наполнить реку водой, надо иметь чистое сердце.

Начали парни учиться у Наставника. Скоро поняли они и грамоту, и звероловную науку, и слесарную, и кузнечную, да все еще не знали, как покорить зеленую пущу и как добыть живую воду.

Как-то раз Гук-Бук отправился за город в дубраву пострелять гусей-лебедей. И встретил он там зверолова. Человек этот был стар и плохо видел. В силки к нему попала добыча, но он не мог ее вынуть. Сокол сидел на его руке, качал головой, жалобно выла гончая, а помочь хозяину они не могли.

Пожалел юноша старика, обошел звериные тропы, вынул дичь, попавшую в ловушки, отдал зверолову.

А тот на радостях подарил ему свою гончую Заграя и сизого сокола и сказал:

— Заграй верный, а сокол понятливый. Мне они уже ни к чему, а тебе пригодятся.

А Ясь в тот день встретил возле пристани другого старика. Тот стучал топором: лодку чинил. Решил Ясь ему помочь. Целый день проработал, починил лодку. Старик подарил юноше топор-саморуб, что мог добрый совет подать.

— Я этот топор,— говорит,— и в руках уже не удержу!

Вот как-то два друга пошли в лес. Глядь, на полянке сидит молодица возле свежего пожарища, прижимает к себе ребят и горько плачет. Пожалели юноши женщину. Ясь своим топором-саморубом деревья срубил, за одни сутки дом построил, а Гук-Бук настрелял зверя и дичи, чтоб у женщины были еда и меховые шкуры.

Сели парни ужинать с молодицей и ребятами и пожаловались, что до сих пор не знают, как покорить пущу и справиться с паном Шишкой.

Молодица подала Гуку-Буку лесное яблоко и говорит:

— Я слыхала от перелетных птиц, что пан Шишка живет в стволе семи сросшихся дубов. У их корней лежит горючий камень. Лежит, закрывает родник, что поил реку живой водой. Это лесное яблочко приведет вас к семи дубам. Как проложите туда дорогу, так и пущу покорите.

Поблагодарили юноши молодицу, вернулись в город к Наставнику, все ему рассказали. Улыбнулся он и сказал:

— Теперь у вас руки умелые, сердца чистые, идите без страха покорять пущу.

Попрощались юноши с Наставником и зашагали по зеленой пуще, а пуще нет ни конца, ни краю... Идут они, дорогу топором прорубают. Сизый сокол на руке у Гука-Бука сидит, следом пес Заграй бежит, а впереди катится лесное яблочко, ведет к семи дубам.

Вдруг откуда ни возьмись выскочил олень. Залаял Заграй, кинулся в погоню. Сначала друзья слышали его лай, но скоро он смолк. Звал, звал Заграя Гук-Бук, не дозвался.

Дальше идут юноши, пробираются вслед за яблочком, и неведомо им, что случилось с Заграем.

А пес бежал, бежал за оленем и очутился в такой чаще, куда и солнечный луч не пробирался и дух людской не залетал.

Глянул Заграй вперед и задрожал от страха: под каждой елкой стоял волк, под каждой осиной — клыкастый кабан.

А звери Заграя испугались. Сроду собак не видали. Не могли понять, кто это такой: лиса не лиса, волк не волк; шкура пятнистая, ошейник серебряный.

И погнали звери Заграя во дворец пана Шишки. А пан Шишка и вправду жил в пустых стволах семи дубов, что срослись в один ствол. Вокруг дупла вилась надпись, но ни звери, ни птицы, ни сам король не знали грамоты и не могли ее прочесть.

Вылез из дупла пан Шишка. А Заграй его не испугался: видит, лесной король — просто шишка еловая, только большая. Ножки тоненькие, ручки плохонькие, а глаза — две смолистые капли.

Король спросил Заграя на зверином языке, кто он и откуда.

— Я гончий пес охотника Гука-Бука, нравом я послушен, сердцем верен,— залаял Заграй.

И решил пан Шишка: если правда Заграй послушный, то помилует он его, а коли неправда — казнит.

Загнали пса в дупло лесного дворца, рядом на сухих листьях улегся пан Шишка и захрапел.

Долго ли, коротко ли он отдыхал, только вдруг в дупло влез медведь и заревел:

— Ой, пан Шишка, проснись, люди идут!..

Но пан Шишка был спокоен: знал, что путь к его дворцу сторожат волки и кабаны.

Медведь зарычал:

— Волков и кабанов разогнал охотник Гук-Бук. Вместе с другом сюда идет!

А пан Шишка только зевнул. Нисколько не встревожился. У него в сундуке лежали три сокровища. Он достал первое сокровище — синее полотенце с белой бахромой — и приказал медведю бросить его под ноги людям.

Медведь так и сделал. Где упало полотенце, побежала быстрая синяя река, а белая бахрома закипела на порогах водопадами. Такую реку переплыть нельзя. Хотел Ясь мост построить, да волны сразу бревна уносят.

Тут застучал топор-саморуб, посоветовал друзьям сплести из веток корзину большую-пребольшую и свить травяную веревку в палец толщиной, в версту длиной. Когда все было готово, друзья продели веревку

через ручку корзины, а другой конец сизый сокол схватил. Гук-Бук приказал ему на правый берег перелететь и там обмотать веревку семьдесят семь раз вокруг дубового ствола.

Сокол так и сделал.

Натянулась веревка над рекой, на веревке корзина повисла. Сели в корзину парни.

«Ж-ж-ж!..» Полетела корзина по скользкой веревке, перенесла друзей на правый берег.

Ясь только наземь выскочил, как начал топором просеку прорубать, дорогу прокладывать туда, куда вело зеленое яблочко, а Гук-Бук принялся из ружья волков и кабанов бить...

Как узнал об этом пан Шишка, достал из сундука зеленую холстину, приказал сорокам бросить ее людям под ноги.

— Где упадет холстина, там трясина ляжет, людей засосет, древесные корни сгноит, а гнилое дерево не удержит веревки с корзиной.

Приказал и лег спать. А на рассвете лягушки прискакали, заквакали:

— Вставай, пан Шишка, люди канавы прорыли, трясину осушили. Гук-Бук волков и кабанов бьет! Ясь корабль строит, хочет лесное озеро переплыть, к тебе добраться. Доставай, король, последнее сокровище — пестрый платок!

Нечего делать, достал король пестрый платок, вышел с ним на поляну. Как увидели звери пестрый платок, зарычали, завыли от страха: пестрый платок был лесной пожар.

Старый филин полетел и швырнул платок там, где Ясь корабль строил.

Загудел лесной пожар. Испугались парни: что теперь делать? Неужто уходить? Но застучал топор, посоветовал строить колесо. Не простое колесо, а со спицами да без обода. А из бересты велел ведра делать. Гук-Бук принялся, стоя в воде, ведра мастерить, а Ясь — колесо гнуть. Три раза стукнул волшебным топором — и колесо готово. На каждой спице ведро висит. Закружилось колесо, стало ведрами воду вычерпывать да выплескивать, пожар заливать. К утру всю воду вычерпали и пожар потушили.

Велел тогда Гук-Бук сизому соколу лететь к семи дубам, узнать, что делает пан Шишка. Вернулся сокол и поведал, что пан Шишка собирает звериную рать, утром на бой поведет. Надо либо сейчас попасть к семи дубам, либо вовсе домой возвращаться. А как к семи дубам попадешь? Туда пешком три дня пути.

Посоветовались друзья с волшебным топором, поставили корабль на колеса. Ветер надул парус, сплетенный из травы. Полетел корабль по сухому дну, словно по морю, повез друзей к семи дубам.

Вмиг домчались. Принялся Ясь корабль привязывать, а Гук-Бук услыхал лай верного Заграя и бросился к нему. Но тут наперерез выскочил матерый волк. Схватились волк с Заграем врукопашную.

Пан Шишка кричит Заграю:

— Рви, грызи Гука, паном будешь!

— Не хочу быть паном! — залаял пес и вцепился что есть силы в матерого волка. А тут и Ясь подоспел, пырнул ножом зверя, и Гук-Бук был спасен.

Встали юноши перед дубами и прочли надпись, что вилась вокруг дупла:

— «Королевство пана Шишки будет стоять до тех пор, пока не придут в пущу мастера с чистым сердцем».

Едва прочли друзья эту надпись, как пан Золотая Шишка охнул и рассыпался на мелкие чешуйки. Камень, что лежал у корней дуба, отвалился, и живая вода потекла по высохшему руслу.

Ясь и Гук-Бук вернулись в родную деревню. А там опять бежала речка, полная живой воды. Эта вода исцеляла болезни и утоляла печали.

Хорошо стали жить люди в лесной деревне на краю зеленой пущи.

Когда горит штаб «противника»...
«Теперь вы свободны!»
Два путешествия в X век до нашей эры и в XXI—нашей.

14 ПОЛЕЗНЫХ СОВЕТОВ ЗВЕНУ, ОТРЯДУ И ДРУЖИНЕ, ШТУРМУЮЩИМ ПИОНЕРСКИЕ СТУПЕНЬКИ.

Недавно я спросил в одном отряде:

— Подсказывать — это хорошо или плохо?

Очень удивились ребята. Никогда не встречали они вожатых, которые задают такие странные вопросы. Хором сказали:

— Плохо, отвратительно!

Даже те сказали, кто, выходя к доске, всегда надеется на спасительный шепоток. Но кто ж в открытую признается в этом!

Тогда я спросил:

— А разве подсказывать можно только у доски или во время контрольной? Представьте себе, что товарищ не знает, как ему правильно поступить, а ты знаешь. Разве это плохо — подсказать другу выход? Только подсказать! А уж действовать-то он сам будет.

Отряд решил: нет, это хорошо.

Сейчас очень многие ребята находятся в затруднении, не знают, как им работать по ступенькам. Разве не нужно подсказать, что делать?

Только подсказать! А думать, работать они будут сами.

Если ты внимательно прочитаешь наш сегодняшний разговор о ступеньках, очерк В. Матвеева об интересном сборе, записи в «Дневнике настоящих дел», ты найдешь четырнадцать советов-подсказок. Многие из них не сразу заметны. Кто ж подсказывает во всеуслышание! Но если ты действительно нуждаешься в помощи, если тебя волнуют дела в отряде,— прислушайся к добрым подсказкам. Это не зазорно!

Вожатый Сима Соловьев.

ВСЕ В ТВОИХ РУКАХ

Прежде чем мы с тобой начнем сегодняшний разговор, открой, пожалуйста, свою «Личную книжку пионера». Видишь, здесь после требований каждой ступеньки оставлено место для постановления совета отряда о том, что ты переводишься на следующую ступень. Ведь, правда, хочется, чтобы эта страничка была заполнена поскорее? Что ж, все в твоих руках!

Та ступенька, на которой ты сейчас, далась тебе очень легко. Учишься в 4-м классе — значит, считается, что ты пионер первой ступени. В 5-м или 6-м—значит, второй. Это тебе, так сказать, аванс выдали, учитывая, что по ступенькам работают только первый год. А уж следующую ступеньку придется завоевывать. Что для этого делать, мы обсуждали в прошлом номере журнала. А сегодня поговорим о том, как проверять знания, умения, навыки, которые получили ты и твои товарищи.

Уметь — мало!

Сразу договоримся: никаких специальных экзаменов «по ступенькам» устраивать не надо. Зачем? Работа в отряде — это гораздо более трудный и интересный экзамен. Каждое дело, которое совершает твое звено,— это и есть проверка, умеете вы делать его или не умеете.

...Если пройти по городу Малоярославцу, то почти на каждой улице можно встретить дома, над которыми развевается красный флажок. Над этими домами взяли шефство пионеры-тимуровцы. Они убирают в доме, таскают воду, колют дрова, обрабатывают огород. Дел очень много. Если в огороде, где работало твое звено, ты сажал картошку, морковь, окучивал, прореживал, полол, убирал, будет ли кто-нибудь сомневаться, что ты умеешь выращивать овощи? Нет, наверняка совет отряда решит: это требование второй ступеньки выполнено. Думаю, что в твоей «Личной книжке пионера» появятся пометки и против требований «производи полную уборку комнаты», «почини изгородь»...

Еще один пример.

В здании 437-й московской школы пять этажей. Этажи как этажи: классы, кабинеты, коридоры. Но почему один этаж называется «комсомольским», а другой «пионерским»? Потому что здесь всю уборку производят сами ребята. Каждый день по очереди подметают, стирают пыль, моют полы. Пока что «пионерский» этаж отстает от «комсомольского» по чистоте. Но это ведь только начало соревнования!

Важно, что соблюдается самое главное условие: ребята не просто научились делать что-нибудь, они действительно делают это изо дня в день. Если у вас в отряде вот так будут проверять пионеров, ты будешь не бесполезной копилкой умений и навыков, а нужным для дома и для школы человеком.

Совет справедливых

Но ведь есть требования, которые можно выполнять только дома. Например, такое: «Делай ежедневно утреннюю зарядку, соблюдай режим дня». Как это проверить? В одном из классов 29-й школы города Иванова избрали несколько человек, которых в шутку назвали «Советом справедливых». Время от времени «справедливые» проходили по домам. По режиму дня ты сейчас должен делать зарядку. Делаешь? Или, например, уроки должен готовить. Готовишь? А может, в футбол гоняешь?

Конечно, без споров не обошлось. Но разве это беда? Потом ребята стали делать так: пионеры одного звена проверяют пионеров другого, с которым они соревнуются.

Все ли шагают в ногу?

Пожалуй, самое интересное — устроить конкурс, провести игру.

Как ты умеешь ходить в строю? Как преодолеваешь препятствия? Какой у вас в классе хор? А костер ты умеешь разжечь? Все это можно проверить в соревновании. Про спортивные требования и говорить нечего: где спорт, там состязания — это уж обязательно.

В 7-й школе города Узловая провели смотр пионерской песни и строя. Ребята долго готовились к нему. Это ведь только сна-

чала кажется, что ходить в строю неинтересно. А если ваш отряд шагает в ногу, под барабан, если вы умеете так красиво спеть походную пионерскую песню, что все прохожие останавливаются и любуются вами, знаешь, как гордо себя чувствуешь в этот момент! Вот в Узловой и устроили такой пионерский парад. Специальное жюри отмечало, какой отряд шагает лучше, дружнее поет. А когда такой же смотр проводили в одной школе города Киева, в жюри пригласили суворовцев. Наверно, трудно найти более придирчивых судей для такого дела!

«Штаб» горит...

Вы, наверно, не раз уже проводили игру на местности, не раз искали спрятанный флажок «противника». Когда будете в следующий раз устраивать игру, сделайте так, чтобы отряду пришлось, например, переправиться через широкий ров, и тот, кто не струсит, кто сумеет сделать это, получит пометку в «Личной книжке пионера». Или, например, в условиях игры предусмотрите, что победит тот, кто подожжет «штаб противника». «Штаб» можно устроить на открытой полянке — простой колышек с условной надписью. Надо быстро сложить и зажечь около него костер... Конечно, всем придется как следует потренироваться перед такой игрой: ведь неизвестно, кому удастся прорваться к «штабу».

Знай и выполняй!

Но есть в ступеньках задания, которые не проверишь ни в игре, ни в соревновании. Речь идет о требованиях, которые начинаются словами «Знай, узнай...»

Вот, например, такое: «Знай, что означают красное знамя, пионерский галстук, значок и салют юного пионера».

Провели у тебя в отряде беседы; побывали ребята в воинской части у красного знамени. Каждый пионер может без запинки ответить: «Три конца пионерского галстука — символ связи трех поколений...» Это хорошо, что знаете. Но достаточно ли этого, чтобы сделать пометку в личной книжке? Как ты думаешь?

Я думаю, нет, недостаточно. Что толку, что мальчишка все знает о галстуке, если он носит его в кармане! Какой смысл в его рассказе о салюте, если он может соврать и тут же отдать салют: «Честное пионерское, все правда!» Нет, мало услышать о знамени, галстуке, значке, салюте. Надо научиться уважать их, надо выполнять законы юного пионера, и только тогда совет отряда переведет тебя на следующую ступень.

К неведомым мирам...

«ПОЗНАКОМЬСЯ С ДОСТИЖЕНИЯМИ НАУКИ И ТЕХНИКИ НАШЕЙ РОДИНЫ»

(Из требований для пионеров третьей ступени.)

Славка сидел за столом и учил геометрию, но думал совсем о другом. Завтра, в четверг, его ракета «СТ-1», оттолкнувшись от Земли, устремится ввысь и, пронзив безвоздушное пространство, достигнет Луны. На борту ее будут отважный космонавт, покоритель далеких миров Станислав Олейник и, конечно, вся шестерка ребят, строителей ракеты.

Нет, это Славка не сию минуту выдумал. Все это было изложено в его сочинении, которое он принес в совет отряда. Так уж было решено, что каждый из ребят должен к сбору отряда описать, как он представляет себе полет на Луну.

В Славкином сочинении не попадались на каждом шагу шпионы и диверсанты, не было в нем таинственных похищений и преследований, зато ученые летели на Луну не на воздушном шаре, как у некоторых девчонок, а в хорошо оборудованной межпланетной ракете с автоматическим управлением. Видно, не одну книжку прочитал Слава Олейник, прежде чем сесть за работу.

И совет отряда решил, что именно Олейник расскажет на сборе об устройстве ракеты и полете на Луну.

Накануне сбора Славка допоздна возился в школе, помогая ребятам из звена доделывать электрифицированный макет солнечной системы, потом запускал свою ракету «СТ-1».

Уроки следующего дня Славка едва высидел. После звонка он стремглав бросился домой, наспех пообедал и принялся еще раз проверять ракету. Кажется, все было в порядке. Славка завернул ее в газетные листы и помчался в школу.

На лестницах, в коридоре и классах второго этажа уже толпились приглашенные на сбор шестиклассники, рассматривая плакаты, схемы трасс предполагаемых полетов. Девчонки из Славкиного восьмого «Б», собравшись у окна, волновались: сумеют ли они после линейки быстро переодеться в костюмы астронавтов? Славка подумал: «Вот распищались! У меня дело поважнее вашего, а я ничего не говорю! — И почувствовал, как у самого заколотилось сердце.— А вдруг что-нибудь случится и ракета не полетит?»

— Полетит, не думай! — сказал, подойдя к нему, Коля Пустовалов.— Все будет как надо.

После линейки все вошли в зал. Впрочем, какой это школьный зал, кто сегодня помнит об этом? По черному небосклону плывет Луна, переливаются бесчисленные звезды, вокруг Земли стремительно носятся искусственные спутники, и целится вверх межпланетная ракета. Что ж с того, что звезды были подвешены на бечевочках и мерцали в них лампочки с елки, что Луну нарисовали на плафоне. На это никто не обращал внимания.

Сейчас все начнется...

— Сегодня мы отправляемся в далекое путешествие по планетам солнечной системы.— Это говорит Таня Прилуцкая.

Славке показалось, что они сейчас и на самом деле оторвутся от Земли и умчатся ввысь, к звездам: так хитрая Танька умела рассказывать.

Потом послышалась команда:

— Внимание, к взлету готовьсь! Проверить аппараты!

Свет погас, яркая магниевая вспышка осветила зал, раздался треск, и Славкина ракета, взмыв вверх, пронеслась над головами ребят, светясь в темноте и извергая струи дыма. Это Славка придумал. Ракета светилась, и из сопел ее вырывался дым, а проволоки, по которой она мчалась, подброшенная пружинкой, никто не заметил.

— Вот здорово! — зашептали шестиклассники.

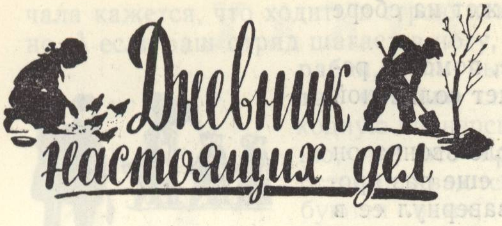
А Славка, ни чуточки теперь не волнуясь, стал на освещенное место у экрана и начал рассказывать, как идет полет. Славке очень захотелось, чтобы и все ребята почувствовали себя в полете, чтобы услышали, как напрягается огромное тело ракеты, увидели, как дрожат стрелки приборов, как спокойно, уверенно работают астронавты.

Ребята из других звеньев рассказывали о спутниках Земли, на которых они «делали пересадку» во время полета на Луну, показывали «полученные по фототелеграфу» снимки далеких планет.

Славке было жаль, когда путешествие к далеким, неведомым мирам подошло к концу. Зажгли в зале свет, стали готовиться к играм, а Славка... а Славка все еще не возвращался на Землю. О чем он мечтал в тот вечер, осталось неизвестным, известно лишь, что на следующий день он пришел к старшему вожатому, и предложил организовать в дружине такой кружок, где по-настоящему изучают ракеты, и сообщил по секрету, что очень хочет стать астронавтом.

В. Матвеев,
Даугавпилс, 3-я семилетняя школа.

Дневник настоящих дел

На автомашине и на лошади

Две короткие записи в наш дневник сделали пионеры двух сел.

Первую сделал СЛАВА ТЮТИН, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА ОТРЯДА 7-го КЛАССА ПОСЕЛКА ВЛАДЫЧИНО, УХТОМСКОГО РАЙОНА, МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ.

— Хотите научиться водить автомобиль? — спросила нас вожатая.

Конечно! — закричали ребята.

Теперь мы ходим в артель «Спорттовары», которая расположена в поселке, и шофер объясняет нам устройство автомобиля. Так будет выполнено одно из самых трудных требований третьей ступени.

Вторая принадлежит пионерам ПТИЧАНСКОЙ СЕМИЛЕТНЕЙ ШКОЛЫ ШУМИХИНСКОГО РАЙОНА, КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ.

В ступеньках все сказано, а вот одно требование пропущено. Знаете какое? «Умей обращаться с лошадью». Для сельских пионеров это обязательно!

Мы провели соревнование на конном дворе. Условие было такое: кто быстрее запряжет лошадь, объедет вокруг села и распряжет ее.

С красными повязками

По тротуару шли пятеро: три мальчика и две девочки. На рукавах — красные повязки с надписью «Пионерский патруль». Ребята шли, мирно разговаривая, словно и не замечая того, что происходит вокруг них. Но вот на другой стороне улицы мужчина, докурив папиросу, бросил окурок. Описав в воздухе дугу, он упал на газон и белел теперь на черной земле. Через мгновение ребята оказались рядом.

— Дяденька,— сказал один из них, очевидно, бригадир,— урна рядом. Мусор надо бросать туда.

— Ладно, хлопче,— добродушно согласился мужчина,—больше не буду.— Он явно спешил.

— Это само собой,— продолжал бригадир.— Но сейчас вы должны вернуться, подобрать окурок и положить его в урну.

Вокруг стали собираться зрители. Мужчина покраснел, подошел к газону, подобрал окурок и бросил его в урну.

— Теперь вы свободны,— вежливо сказал бригадир.— В следующий раз не делайте так.

...Вот уже год, как в Херсоне работает городской пионерский штаб. Руководит им семиклассник Андрей Заднепренко. Юные хозяева города появляются всюду: у кинотеатров, в скверах, на автобусных остановках. И всюду теперь образцовый порядок.

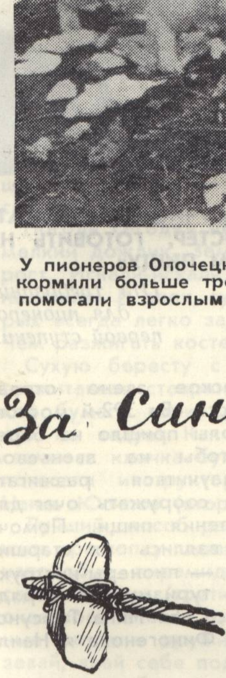

Е. Брускова

У пионеров Опочецкого района, Псковской области, очень большие успехи в животноводстве. Они откормили больше трехсот свиней, вырастили шестьсот цыплят, получили девять тысяч яиц и к тому же помогали взрослым на животноводческих фермах и в поле. На фотографии: **кролиководы Опочецкого Дома пионеров со своими питомцами.**

За Синим хребтом

Недавно мы совершили путешествие... в десятый век до нашей эры. Не верите?

Было это так. Под руководством профессора Алексея Павловича Окладникова мы отправились на археологические раскопки за Синий хребет, в падь Харина. Здесь мы нашли пять древних пещер. Трофеи были богатые: каменные топорики, ножи, наконечники для стрел, мотыги и даже фигурка медведя из обожженной глины. Алексей Павлович рассказал нам, что все эти изделия принадлежат племени, которое жило в Приморье примерно три тысячи лет назад.

Алексей Поляков,
Уссурийское суворовское военное училище.

Ответы советы

«Какие пометки делать в «Личной книжке пионера»? Может, ставить отметки?» — спрашивает Павлик Ерзенко из Киева.

Пожалуй, отметок ставить не нужно. Разве умение или навык — это урок, который нужно выучить или ответить? Можно просто записывать: «Сделал часть забора», «Посадил три дерева», «Пробежал 60 м за 10 сек.», «Моет дома посуду, убирает комнату», «Играет в волейбол и в баскетбол».

* * *

Юру Минчакова из Челябинска волнует такой вопрос: «На новом пионерском значке стоят цифры, которые указывают, на какой ступени находится пионер. Это очень хорошо. Но где достать такой значок?»

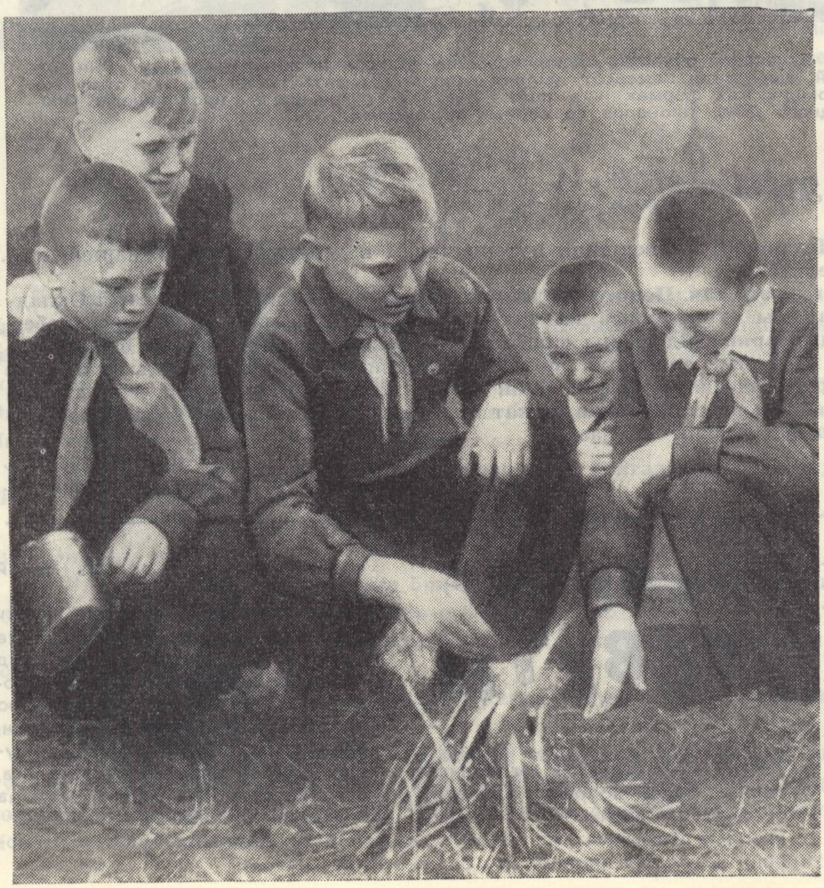
Действительно, новые значки появились еще не всюду. Как же быть? Очень просто: сделай под обычный пионерский значок, который носишь сейчас, аккуратную круглую подкладочку из материи. Если ты на первой ступени, кружок должен быть зеленого цвета, если на второй — синего, если на третьей — белого.

Такие же цвета будут и на новых значках.

От одной спички

«НАУЧИСЬ РАЗЖИГАТЬ КОСТЕР, ГОТОВИТЬ НА НЕМ ПИЩУ».

(Из требований для пионеров первой ступени.)

Пионерское звено отряда 4-го класса «Б» 392-й московской школы пришло на берег Яузы, чтобы на звеньевом сборе научиться разжигать костер и сооружать очаг для приготовления пищи. Помочь ребятам взялись их старшие товарищи — пионеры-инструкторы по туризму из отряда 7-го класса «Б» Нина Торсунова, Женя Финогенова и Наиль Юсипов.

...Первым делом пионеры взялись за топливо. Наломали сухих сучьев, набрали валежника в зарослях прибрежного ивняка. Вот она, груда хвороста, а вот и спички. Можно поджигать?

— Ну, нет! — останавливает ребят Нина Торсунова.— Сначала надо выбрать подходящее место для костра.

Оно должно находиться в сторонке от деревьев. Нельзя разводить огонь на выступающих наружу корнях, под раскидистыми кронами деревьев. Когда место выбрано, надо расчистить его от сухой травы,

а еще лучше снять дерн — приготовить кострище. Так ребята и сделали (смотри первый снимок).

Погода сегодня не радует. С утра моросит мелкий дождик. Земля сырая, сыроват и хворост. Искали-искали для растопки бересту — не нашли. И елок, сухие нижние веточки которых всегда легко загораются, поблизости нет. Чем разжигать костер?

Сухую бересту с успехом может заменить пропитанная стеарином бумага. Комочек такой бумаги горит долго и надежно, ветром его не задует. Как с помощью стеариновой свечки и клочка бумаги изготовить растопку, показали инструкторы Женя Финогенова и Наиль Юсипов (второй снимок).

Лучший способ разжечь костер — это обложить растопку мелкими сухими веточками наподобие пирамидки, «шалашиком». Так и сделал Наиль (третий снимок). Одной спички оказалось вполне достаточно, чтобы сложенные веточки дружно загорелись. Тут уж не зевай, знай себе подкладывай сушняк со всех сторон, особенно с той стороны, которая находится под ветром. А когда углей нагорит побольше, можно подкладывать сучья и покрупнее.

Вошел огонь в силу — пора мастерить очаг.

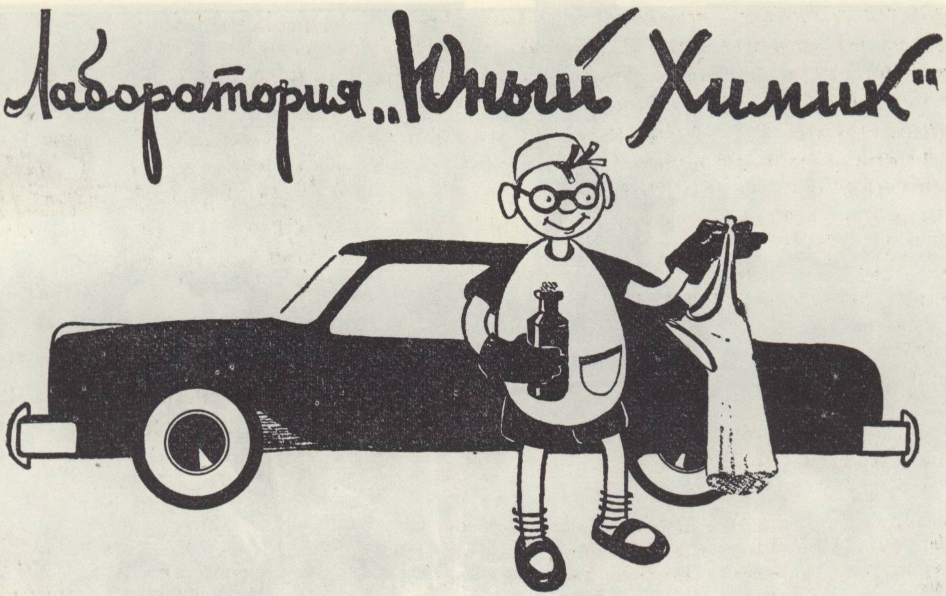
Простейший очаг из двух рогулек с перекладиной сделать очень легко. Он удобен для котелков (четвертый снимок).

Ну, а если едоков много, то суп или картошку можно сварить в большом ведре. Для такого случая очаг сооружается в виде треноги, а ведро подвешивается на железном крючке (пятый снимок).

Когда, закончив сбор, пионеры собрались уходить, они затушили костер, засыпали золу землей, заложили кострище дерном. И костра как не бывало.

Н. Студенецкий

Автомобиль из пластмассы

Сейчас в нашей стране и за границей разрабатываются и уже строятся автомобильные кузова из пластических масс.

Эти кузова дешевле металлических, они легче, прочнее и удобнее. Поэтому можно с уверенностью сказать, что в самом недалеком будущем легковые автомобили с пластмассовыми кузовами появятся на улицах наших городов. А по рекам и озерам поплывут катера, яхты и байдарки, сделанные из этого же материала.

Многие ребята тоже конструируют и строят автомобили, только, конечно, не настоящие, а модели.

В Киеве и в других городах ребята устраивают гонки таких моделей. Вы тоже можете устроить гонки автомобилей, но для этого вам придется построить много моделей. Чем больше машин примет участие в соревнованиях, тем интереснее они пройдут.

Кузова и колеса для своих моделей вы можете сделать из пластмассы. Такая пластмасса называется «текстопластом».

Сделайте из куска дерева форму, имеющую внешние очертания «Волги», «ЗИМа» или стремительного гоночного автомобиля. Возьмите старую трикотажную майку и куском ее так обтяните форму, чтобы все «хвосты» оказались под кузовом, а на нем не осталось ни морщинки. Предварительно форму оберните папиросной или тонкой бумагой, которая предохранит будущий кузов от прилипания.

Натянутый на форму кусок трикотажа смажьте густым нитроклеем, дайте ему просохнуть, затем смажьте еще раз и покройте слоем трикотажа. Таких слоев в зависимости от формы нужно наложить от четырех до восьми. Последний слой смажьте нитроклеем раза три и оставьте сохнуть, пока не исчезнет запах растворителя. После этого прорежьте прямо на форме кончиком острого ножа окна, сделайте по низу заготовки круговой надрез и снимите с формы готовый кузов.

Так же можно сделать прочные и легкие корпуса моделей шлюпок и катеров. С одной формы можно снять хоть сто корпусов.

Из текстопласта вы можете сделать и маски для новогоднего маскарада.

Текстопласт — это хоть и простая, но настоящая пластмасса. Ведь ткань, пропитанную специальными клеящими составами и обработанную под высоким давлением, употребляют даже для подшипников, шестерен и других деталей машин. Такой материал называется текстолитом.

ЗАПОМНИТЕ: ПЛАСТМАССЫ, ДАЖЕ САМОДЕЛЬНЫЕ, ТРЕБУЮТ БОЛЬШОЙ АККУРАТНОСТИ И ВНИМАНИЯ В РАБОТЕ, ИНАЧЕ ПОЛУЧИТСЯ СПЛОШНОЙ БРАК.

Сделай сам пластмассу

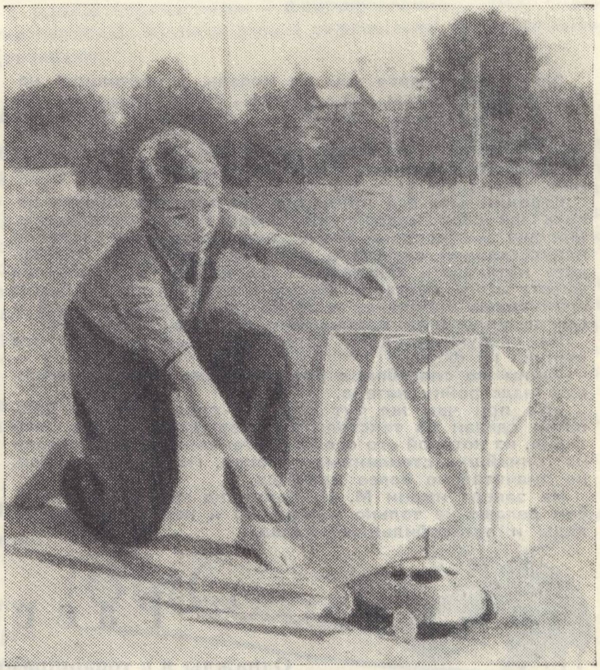
Состав простейшей пластмассы: мелких древесных опилок — 1 000 граммов, талька — 400 граммов, краски для материи (для придания изделию цвета) — 1 порошок, 400 граммов воды, в которой растворено клея столярного 150 граммов и алюминиевых квасцов 30 граммов. К этому можно добавить еще 50—60 граммов олифы, чтобы пластмасса была водоупорной. В зависимости от требуемой прочности можно увеличить или уменьшить количество столярного клея. Чем его больше, тем прочнее пластмасса.

При быстрой или неравномерной сушке предметы из такой массы могут покоробиться. Спешить в таком деле не следует. Поэтому сушить их следует при обычной комнатной температуре.

Более устойчивая пластмасса получается, если столярный клей заменить раствором целлулоида. В этом случае не нужны ни квасцы, ни олифа.

Густой раствор целлулоида — водоупорный нитроклей — можно приготовить самому, положив в ацетон грушевую эссенцию или бутилацетат — поломанные целлулоидные игрушки. Очень хороший нитроклей получается из старой кино- и фотопленки, отмытой в горячей воде от эмульсии и просушенной. Пластмасса из нитроклея и мелких опилок совсем не боится воды. Сделав форму из парафина или из дерева, в ней можно из такой пластмассы выпрессовывать много одинаковых предметов, например якорей или спасательных шлюпок для модели корабля. Нужно только помнить, что нитроклей быстро сохнет, и массы надо замешивать немного.

Ю. Моралевич

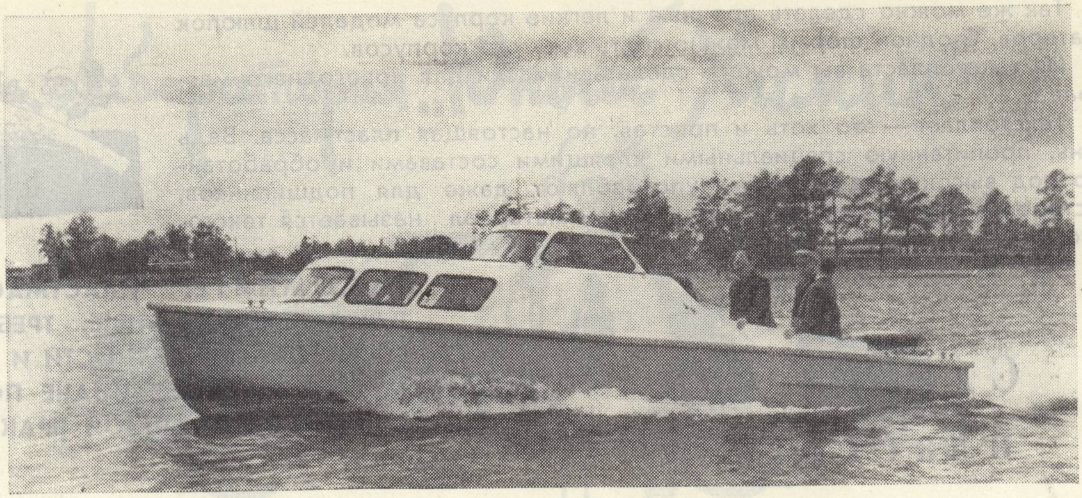
У этой модели ветроавтомобиля кузов сделан из самодельного текстолита.

Для новогодней елки

СЕРЕБРЯНОЕ ЗЕРКАЛО

Отмерьте 60 кубических сантиметров воды, растворите в ней 2 грамма ляписа и добавьте столько нашатырного спирта, чтобы осадок растворился. Налейте немного раствора в пробирку и, прибавив несколько капель формалина, осторожно нагрейте ее. Если пробирка была достаточно чистой и если вы не дадите закипеть жидкости, то на стенках ее осядет тонкий слой металлического серебра. Эту реакцию вы можете использовать для изготовления блестящих украшений на елку, опустив их в этот раствор.

Нагревать смесь лучше всего в «водяной бане».

Здесь вы увидите уже не модель, а настоящий катер из пластмассы или, вернее... из стекла. Этот катер, удивительно легкий и прочный, построили не опытные корабельные мастера, а несколько молодых работниц на заводе имени М. И. Калинина в Москве. И на это им понадобилось всего-навсего три дня.

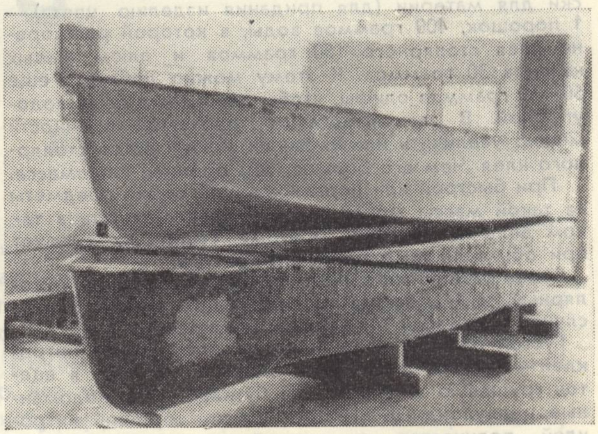
Строили они его примерно так же, как будете делать вы свои модели из самодельной пластмассы. Мягкую и прочную ткань они пропитали жидкой искусственной смолой и дали ей затвердеть. Вы будете натягивать текстопласт на форму, а работницы вместо этого выстлали форму изнутри тканью. Потом слои ткани пропитали особой полиэфирной смолой и слегка уплотнили маленькими ручными валиками.

На следующий день катер уже был готов, и его вынули из формы.

Таким же способом в другой форме сделали красивую надстройку катера.

«Но при чем же тут стекло?— спросите вы.— Ведь катер сделан из текстолита?» Все дело в том, что ткань, из которой его сделали, стеклянная. Ее соткали из тончайших стеклянных волокон, гибких, как шелк, но значительно более прочных.

На заводе имени М. И. Калинина таким же способом делают не только катера, но и небольшие теплоходы и автомобильные кузова.

Вынутую из формы лодку даже не нужно красить: поверхность у нее гладкая и блестящая.

Рассказ-загадка

Однажды я с товарищами решил поохотиться на одном из островов. Поплыли к нему на лодке. Вскоре поднялся шторм. Лодку уносило в море.

Вдруг в тумане показались очертания острова. Мы быстро пристали к берегу и первым делом стали разжигать костер. Чтобы ветер не задувал костер, мы решили обложить его камнями; их валялось много вокруг, и все они были мягкие, белые и сильно пачкались. Топливо у нас было прекрасное, ветер уже не мешал нам, а костер все равно не разгорался. Как только мы переставали раздувать, он угасал. Только совместными усилиями удалось разжечь огонь.

Утром все набросились на дежурного Володю: костер потух, а спички куда-то пропали. Но я пришел на выручку Володе и объявил, что и без огня сварю яйца к завтраку. Для этого я измельчил белые камни с той стороны, где они соприкасались с огнем, насыпал в ямку, вырытую в земле, куски помельче, положил между ними сырые яйца и полил все водой. Камни зашипели, повалил пар, и через несколько минут яйца превосходно сварились.

ПОДУМАЙТЕ И ОТВЕТЬТЕ:

Из какого минерала состоят белые камни?
Что произошло с ними, когда они нагрелись?
Как объясняется действие воды на белые камни?

Готовимся к вечеру химических «чудес»

НЕВИДИМАЯ КРАСКА

Возьмите таблетку пургена и растворите ее в небольшом количестве одеколона или денатурата. Обмакните кисточку в этот раствор и нарисуйте на листе бумаги несложный рисунок. Дайте ему подсохнуть.

Все это вы сделайте заранее, а когда захотите показать «чудо», вам останется только обрызгать рисунок из пульверизатора раствором соды. На бумаге проступят малиновые линии. Если же вы из другого пульверизатора снова окропите рисунок уксусной или соляной кислотой, он снова исчезнет.

Отчего это происходит? Помните, мы говорили об индикаторах? Проделав этот опыт, вы познакомитесь еще с одним индикатором — фенолфталеином. (Из смеси его с сахаром и состоит таблетка пургена!) Щелочи (сода) окрашивают фенолфталеин в красный цвет, кислоты обесцвечивают.

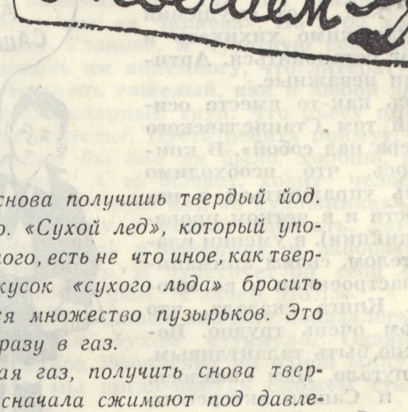
КАК «ВОДУ» ПРЕВРАТИТЬ В «ВИНО»!

Возьмите в химическом кабинете 3 — 5 граммов хлорного железа и растворите его в стакане холодной или теплой воды. Затем раздобудьте кусок парафина, отщипните крохотный кусочек, в котором незаметно для товарищей спрячьте кристаллик роданистого калия. Большой кусок парафина можете дать товарищам; пусть они убедятся, что это действительно нерастворимый в воде парафин. Кусочек парафина, где спрятан кристаллик, надо слегка подогреть и прикрепить к стеклянной палочке.

После этого можно начинать фокус. Вы объявляете, что, пока вы будете считать до десяти, вода в стакане превратится в вино. Осторожно помешивая стеклянной палочкой приготовленный раствор, начинаете считать. Досчитав до девяти, слегка надавите на дно стакана тем концом палочки, к которому прикреплен кристаллик, закатанный в парафин. Кристаллик освободится от своей парафиновой оболочки, растворится и окрасит весь раствор в красный цвет.

Химики всегда пользуются этой реакцией, когда хотят узнать, есть ли в каком-либо растворе соли железа.

На вопрос Леонида Симашкевича из города Черновцы: «Почему газообразные вещества не могут превратиться в твердые!»

Ты, Леонид, не прав, утверждая, что газообразные вещества не могут превратиться в твердые. Советуем тебе проделать такой опыт. Попроси у учителя химии немного кристаллического йода, колбу и часовое стекло. Всыпь йод в колбу, накрой ее часовым стеклом и осторожно подогрей. Твердые серые кристаллы йода превратятся в красивые фиолетовые пары. Охлаждаясь, они осядут на часовом стекле, прикрывающем колбу, и ты снова получишь твердый йод.

С твердым газом ты встречаешься почти ежедневно. «Сухой лед», который употреблялся для охлаждения газированной воды и мороженого, есть не что иное, как твердый углекислый газ. Ты, наверно, знаешь, что, если кусок «сухого льда» бросить в воду, вода как бы закипит: из нее начнет выделяться множество пузырьков. Это происходит оттого, что «лед» не тает, а превращается сразу в газ.

Правда, при этом опыте тебе не удастся, охлаждая газ, получить снова твердую углекислоту — «сухой лед». Для этого углекислоту сначала сжимают под давлением в 60 атмосфер, и она делается жидкой. Когда жидкая углекислота испаряется, она сильно охлаждается (на испарение затрачивается много тепла) и затвердевает, превращается в «сухой лед». В природе мы не встречаем твердых газов потому, что они затвердевают при очень низкой температуре.

Давняя история

Это было перед войной, целых восемнадцать лет назад. Я учился в школе, в шестом классе. Был маленьким, рыжеватым, толстым и неповоротливым. За это меня дразнили. Я очень любил читать книги и даже писал для классной газеты маленькие рассказики. Но больше всего любил театр.

С моим товарищем и одноклассником Сашей мы не пропускали ни одного спектакля в Московском театре юного зрителя. Мы очень волновались во время действия. Громко хохотали, если на сцене происходило что-нибудь веселое, и плакали в грустных местах, правда, всегда стараясь скрыть друг от друга слезы. Было очень жалко погибающего героя пьесы и вместе с тем стыдно, что вот мы, мальчишки, мужчины, а вдруг разнюнились по-девчоночьи.

У себя в школе, в своем классе, я и Сашка пытались ставить спектакли — обычно маленькие пьесы из журнала «Затейник». И, конечно, хотели играть главную роль.

Сашка тоже был толстоват, но он был не рыжий, а черненький. Выглядел он на сцене в общем ничего, только плохо выговаривал «л». Он произносил вместо «л» что-то вроде «в», и зрители не всегда могли правильно разобрать, чтó это Сашка кричит с необычайным жаром. А стоило только мне появиться из-за кулис, как я от смущения начинал неудержимо хихикать и никак не мог остановиться. Артисты мы были неважные.

Попытались как-то вместе осилить толстый том Станиславского «Работа актера над собой». В книге говорилось, что необходимо каждый день упражняться в наблюдательности и в четком произношении (в дикции), в умении владеть своим телом, своим вниманием и даже настроением и во многом другом. Книга сказала, что стать актером очень трудно. Во-первых, нужно быть талантливым. Это нас не пугало. Нам казалось, что у меня и Сашки актерского таланта хоть отбавляй. Во-вторых, по Станиславскому, нужно долго и упорно учиться, готовиться к работе на сцене. А нам хотелось сейчас же, немедленно, сразу взять да и сделать в настоящем детском театре что-то, чтобы зрители, такие же пионеры-шестиклассники, волновались, смеялись, плакали и думали о том, что захотим им внушить мы.

Ждать было невозможно. Мы с Сашкой изменили актерству и стали писать пьесу. Решили, что это легче.

Составили список действующих лиц. Обсудили сюжет и писали целых три дня. (Дело было в каникулы.)

Писали с трудом, с творческими муками. Спорили, ссорились. Сашка был жесток, а я хотел обязательно все закончить счастливо. В итоге трехдневной работы крупным почерком, с потугами на аккуратность были заполнены две двойные школьные тетрадки по двадцать четыре листа каждая.

Как настоящие мужчины, мы писали о суровом: про будущую войну с фашистами. Двое наших героев гибли. Нам их было очень жалко. Мы думали, что в этом месте зрители тоже станут плакать.

Нам самим в пьесе нравилось далеко не все. Например, третий акт занимал только полстраницы: десять строчек шло описание места действия и шумов (стрельба из винтовок, пулеметов и пушек) и только одна строчка — текст. Словом, стало ясно, что на первых порах без помощи не обойтись. И мы пошли в Союз писателей, в секцию драматургов.

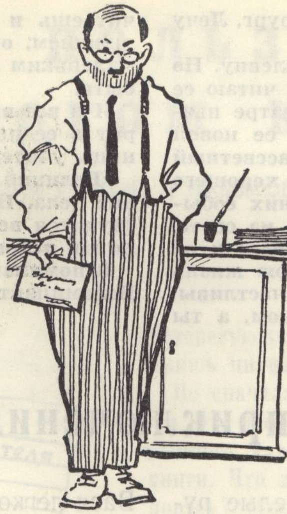
Открыв дверь, мы сказали примерно следующее:

— Мы юные драматурги, Саша и Боря. У нас есть даже общий псевдоним, будто мы братья... Но вот начали писать пьесу, а там не все выходит. Помогите, пожалуйста!..

Председатель секции Анатолий Глебович Глебов отложил толстую авторучку с золотым пером и стал читать нашу пьесу вслух всем, кто был в комнате. Пока он читал, мы смотрели на его красивую авторучку и думали, что если б у нас была такая, дело шло бы как по маслу.

Драматурги и писатели очень

живо реагировали на нашу пьесу. Они смеялись с первого действия до счастливого конца. А один из них, плотный, с длинными волосами, с крупными, очень знакомыми чертами лица, даже выронил изо рта трубку с кольцом на мундштуке и просто плакал на диване... Я от смущения не разобрался, кто был тогда в комнате, а Сашка всех рассмотрел и до сих пор говорит, что на диване плакал Алексей Николаевич Толстой.

Потом Глебов сложил тетрадки, обещал побеседовать с драматургами — может быть, кто-нибудь из них захочет с нами позаниматься — и попросил зайти через день. А через день он сказал, что драматург Александра Яковлевна Бруштейн согласилась с нами поработать и осенью, когда каникулы кончатся, мы можем к ней прийти.

В начале сентября мы пришли к Бруштейн. Первое время я и Саша напоминали, наверное, фарфоровых кукол-болванчиков, которые только и могут головами кивать. Александра Яковлевна совсем седая была, а прямо-таки вдвое живее и веселее нас. Она прочитала наше «произведение» и объяснила, почему над ним смеются. Мы писали о войне, которой еще не было и о которой, конечно, никакого представления не имели.

Тогда некоторые взрослые писатели тоже пытались писать про будущую войну, и тоже не всегда это получалось удачно. Мы с нашей пьесой, конечно, им просто подражали, но очень наивно и неумело. Получилась пародия на плохие книги и пьесы.

Александра Яковлевна сказала, что писать нужно про то, что пережито. Очень хорошо, если человек пишет о своем деле, все равно, кто бы он ни был: рабочий или учитель.

Мы огорчились. Значит, нам писать нельзя, не о чем!.. Что может пережить школьник?.. Но тут Александра Яковлевна как-то заставила нас разговориться, и неожиданно для себя, краснея и перебивая друг друга, мы стали рассказывать о том, как прошлой весной я убежал из дому в Ленинград и как совсем недавно мы оба влюбились в одну девочку из нашего класса. Бруштейн сказала, что вот обо всех этих делах как раз и стоит писать пьесу. Она посоветовала для начала просто описать все, что произошло. Предложила нам сходить в театр на новый спектакль и хорошенько его обдумать, чтобы в следующий раз обсудить.

Когда мы снова собрались идти к Бруштейн, мой отец рассердился. Он сказал, что это безобразие — мешать работать или отдыхать очень занятому человеку.

— Все равно из вас никогда в жизни не выйдет драматургов: вы ничего до конца не доделываете!

Он попросту запретил нам идти к Александре Яковлевне. Но Саша заявил, что он все равно пойдет. Ему родители не мешают стать писателем.

Тогда отец написал Бруштейн письмо, запечатал конверт и велел обязательно его отдать. Саша всю дорогу уговаривал или выбросить, или хотя бы прочитать письмо. Но я решил: будь что будет!.. Письмо отдали перед самым уходом. И боялись, что Александра Яковлевна, окончив читать, скажет, что отец мой во всем прав и мы не должны больше приходить. Но она сказала: «К следующей нашей встрече я приготовлю ответ вашему папе».

Отец получил ответ. Прочитал письмо. Недовольно хмыкнул. И, ничего не сказав, спрятал письмо в письменный стол.

А мы уже писали первые картины нашей пьесы. Каждый писал по отдельности, а потом с Александрой Яковлевной решали, как объединить результаты нашей работы. Трудное было дело!

Занятия прекратились неожиданно. Я заболел и два месяца провалялся в больнице. Саша принес мне туда очень веселую записочку от Александры Яковлевны. После моего выздоровления мы были у нее только один раз: заниматься пьесой стало некогда. Мне нужно было догонять класс. Близились экзамены. Мы кончали семилетку.

А потом началась война...

Около моего дома упала бомба. Были выбиты стекла, и стена дала трещину. В комнате стало очень сыро, и старый письменный стол отца, стоявший запертым с его уходом в армию, развалился. Как-то в груде бумаг я нашел письмо Бруштейн.

Это было на третьем году войны. Мы стали уже почти взрослыми. Саша уходил на флот, он был старше меня на год.

Тогда-то, в день прощания, мы прочитали наконец это письмо, к сожалению, оно не сохранилось и воспроизвести его приходится отрывками, по памяти.

«...Как вы могли подумать, что дети могут мне помешать! Это же воздух для детского писателя... Ребятишки хорошие. Не знаю, который ваш, но Саша мне нравится больше. Он побойчее, прямолинейней, чем Боря... Конечно, я абсолютно уверена, что писателями они не станут. Я понимаю, что для них драматургия такая же игра, как «в Чапаева». Но игра хорошая, полезная... Главное, я чувствую себя обязанной объяснить им понемногу, что литературная работа — это очень тяжелый, как и любой другой, а порой неблагодарный труд. Что пьесу писать — не «вола вертеть». Пусть ребята поймут: любое дело, каким бы оно ни было, хорошо, почетно и радостно. А то бывает, ходит человек с детства «в писателях» или «в художниках», а потом придется ему у станка работать, детей учить или где-нибудь в больнице, в лаборатории исследовать мочу. И чувствует он себя непризнанным и несчастным. А зачем это?!.»

Нам с Сашей вначале показалось, что будто по головам обухом стукнуло. Оказывается, Александра Яковлевна ни одной минуты не думала, что мы когда-нибудь сможем стать драматургами!..

Мы еще и еще перечитывали письмо и постепенно забыли о том, что нас только что удивило и даже огорчило. Мы думали о мудром и ласковом человеке, так тепло позаботившемся о нас...

Прошло много лет. Я теперь врач, хирург. Лечу людей, оперирую.

Я больше не видел Александру Яковлевну. Но очень часто я беседую с ней: это когда читаю ее книги. Вы, наверное, тоже видели в театре пьесы Бруштейн и читали первые части ее новой повести: «Дорога уходит в даль» и «В рассветный час». Листая страницы, я слышу голос хорошего человека, который рассказывает о давних событиях, о людях, которых давно уже нет на свете. О разных людях: о плохих, равнодушных и об очень хороших, которые посвятили свою жизнь тому, чтобы мы с вами сегодня были счастливы. Писательница говорит об очень далеком, а ты читаешь и чувствуешь, что думает она о сегодняшнем, очень хочет сказать своим читателям, маленьким и взрослым, каким человеком нужно быть.

И я все время вспоминаю слова, которые говорит в ее последней книге неунывающая труженица, учительница Поль:

«Великий человек — это тот, кто делает великие дела. Но тот маленький человек, который трудится весело, на радость людям, он тоже великий человек...»

Вспоминайте эти слова. Кем бы вы ни были! Вспоминайте почаще!

Борис Володин

Необыкновенные приключения Васи Голубева

Вася Голубев, член кружка «Умелые руки», мечтает прославить свою школу, отыскав в вечной мерзлоте зуб мамонта. С этого начинаются все его приключения...

В один день Вася увидел столько интересных вещей, сколько не мечтал увидеть за всю свою жизнь. Он познакомился с невиданными автомашинами — «электронками» и «атомками». Он увидел шоссе, которое не просто шоссе, а немножко регулировщик и немножко шофер. Он встретил вулкан на колесах, научился пользоваться ультразвуковым рыболовным аппаратом, узнал, что такое воздушные лесовозы, электронные учебники и другие необыкновенные вещи и явления.

Но самое удивительное даже не это. Вася увидел мамонта. Не ископаемого, а живого, настоящего мамонта. Мамонт оказался таким кротким и послушным созданием, что Вася легко приручил его и дал ему щенячью кличку Тузик.

— Что за чепуха! — скажете вы.— Когда все это происходило? По-видимому, Вася попал в будущее... Но как в будущем мог оказаться живой мамонт? Ведь мамонты давным-давно вымерли...

В самом деле! Когда же происходили все эти странные события? Много лет тому назад? Или много лет «тому вперед»?

Прочитайте книгу В. Мелентьева «33 марта», и вы все поймете.

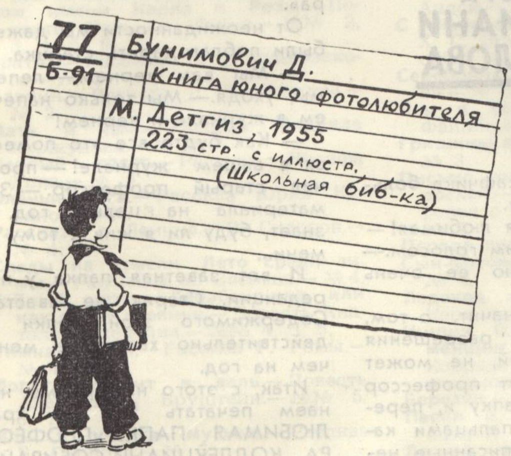
Дочитав книгу до конца, вы, как и Вася, сделаете открытие, не менее удивительное, чем все прочитанное. Оказывается, что с доброй половиной всех описанных в книге чудес (кроме живого мамонта, конечно) можно встретиться не 33 марта 2005 года, а уже сегодня, в тот самый день, когда вы читаете эти строки.

Е. Рубцова

«Научись пользоваться каталогом книг»

(ИЗ ПРИМЕРНОГО ПЕРЕЧНЯ УМЕНИЙ И НАВЫКОВ ЮНЫХ ПИОНЕРОВ)

С каждым годом в нашей стране издается все больше и больше книг, а в 1960 году в магазины и библиотеки будет поступать ежечасно 150 тысяч новых книг!

Ну, а сколько книг может человек прочитать за год или, скажем, за пятьдесят лет? Попробуйте, ребята, подсчитайте. Вы убедитесь, что даже самые заядлые «книгоглотатели» успевают за всю жизнь прочитать во много сотен и тысяч раз меньше книг, чем их издается.

Как же быть? Как отобрать из гималаев книжных гор самые интересные и самые необходимые книги? Конечно, добрый совет дадут и учителя, и родители, и библиотекари, и твои друзья. Но очень важно и самому уметь выбрать нужную книгу. Помогут тебе в этом каталоги, которые есть не только в больших библиотеках, но и почти во всех маленьких. Каталоги откроют дорогу в мир книг, и ты не только быстро подберешь литературу, которую искал, но и узнаешь, как много есть самых разных, самых интересных книг по искусству и межпланетным полетам, необыкновенным путешествиям и устройству инкубатора, химии пластических масс и конструированию радиоприемников.

Зайдем в твою районную библиотеку. Вот систематический каталог. Хочешь научиться показывать кинофильм, узнать о полупроводниках, о третьем советском искусственном спутнике Земли — пожалуйста, систематический каталог поможет быстро найти интересующие тебя книжки, даже если ты не помнишь ни фамилии автора книги, ни ее заглавия.

Но сначала надо научиться пользоваться каталогом. Это несложно. Откроем любой ящичек. Там много-много карточек. Каждая из них — как бы паспорт книги. Что же написано на этом «книжкином паспорте»? (См. карточку.) В левом верхнем углу — шифр книги. По этому шифру библиотекарь находит книгу на книжной полке. На первой строчке — фамилия автора книги, а на следующих — название (заглавие) книги, город, где была издана книга, наименование издательства и год издания. Строчкой ниже указывается, сколько страниц в книжке, есть ли чертежи и рисунки. Иногда на карточке рассказывается и краткое содержание книги.

А теперь подумай: если книга издана, предположим, Академией наук и в ней около тысячи страниц, стоит ли тебе брать ее? А вот на другой карточке ты прочтешь, что книга вышла в издательстве «Молодая гвардия» или в Детгизе. Ну, конечно, она для тебя. Так иногда (не всегда!) можно по одной карточке, не беря книги в руки, определить, для школьника она напечатана, или для студента-старшекурсника, или для академика.

Ты уже заметил, что в ящичке очень много карточек. Как же они расставлены? В определенном, систематическом порядке: карточки по авиации собраны вместе, по радио — тоже вместе и т. д. Значит, систематический каталог дает ответ о том, какие книги имеются в библиотеке, например, по технике, по искусству, по географии, по истории пионерского движения, по медицине, и т. д., и т. д.

А вот в алфавитном каталоге все карточки стоят в порядке алфавита, по фамилиям авторов. Такой каталог расскажет, имеется ли в библиотеке книга, автор и заглавие которой тебе заранее известны, а также какие есть в библиотеке книги интересующего тебя автора.

Вот и все, что мы хотели рассказать о библиотечных каталогах. Остальное зависит от тебя. Может, дома у тебя есть небольшая библиотечка или твои друзья собирают классную библиотечку — попробуй составь на нее каталог.

Е. Каплан,
заведующий читальным залом
Ленинградского Дворца пионеров
имени А. А. Жданова.

ЛЮБИМАЯ ПАПКА ПРОФЕССОРА КОЛЛЕКЦИАНИ-СОБИРАЙЛОВА

Много есть на свете разных коллекций. Но коллекция Евгения Модестовича Коллекциани-Собирайлова, пожалуй, самая интересная. В ней собраны не марки, не монеты, не открытки и даже не спичечные этикетки. Евгений Модестович собирает факты. В его архивах хранятся факты, случаи, события, истории, происходившие с самыми разными людьми. Здесь есть истории тысячелетней давности и есть сообщения, взятые из сегодняшних газет. За точность одних фактов Евгений Модестович готов поручиться чем угодно. О других он говорит уклончиво: «Рассказывают, что это было на самом деле».

— Евгений Модестович, обратились мы к профессору,— а нет ли у вас каких-нибудь интересных случаев, имеющих отношение к литературе?

Профессор молча отпер едва заметную дверцу в стене и вынул из потайного шкафчика большую кожаную папку.

Эта папка моя любимая! — сказал он дрогнувшим голосом.— Обычно я показываю ее очень неохотно.

Мы приуныли. Значит, о том, чтобы попросить разрешения взять папку с собой, не может быть и речи. Но тут профессор бережно раскрыл папку и, перебирая дрожащими пальцами какие-то бумажки, исписанные неровным, стариковским почерком, старые газетные вырезки, фотографии и карикатуры, проговорил:

— Детям я никогда ни в чем не мог отказать. Придется подарить все это читателям «Пионера».

От неожиданности мы даже забыли поблагодарить старика.

— Мы вам вернем,— лепетали мы, уходя.— Мы только напечатаем в журнале и вернем!

— Как будто все это поместится в вашем журнале! — проворчал старый профессор. — Здесь материала на целый год. Кто знает, буду ли я жив к тому времени...

И вот заветная папка у нас в редакции. Старик не хвастался. Содержимого этой папки нам действительно хватит не меньше чем на год.

Итак, с этого номера мы начинаем печатать то, что хранит ЛЮБИМАЯ ПАПКА ПРОФЕССОРА КОЛЛЕКЦИАНИ-СОБИРАЙЛОВА.

Встреча на берегу

О знаменитом американском писателе Марке Твене, авторе «Приключений Тома Сойера», «Приключений Гекльберри Финна», романов «Принц и нищий», «Янки при дворе короля Артура» и других замечательных книг, рассказывают много забавных и смешных историй. Вот одна из них.

...Однажды, когда Марк Твен удил рыбу, к нему подошел какой-то человек и спросил, хорошо ли клюет.

— Я только что пришел,— ответил Марк Твен,— но вчера я поймал здесь пятнадцать форелей.

— Ну да! — удивился незнакомец.— Кстати, вы знаете, кто я такой!

— Нет,—сказал писатель.

— Я лесник этой округи и возьму с вас штраф, потому что ловля форелей здесь запрещена.

Твен усмехнулся.

— А вы знаете, кто я такой! — спросил он.

— Нет,— ответил лесник.

— Я самый большой лгун в этой округе.

По следам Филеаса Фогга

...Пятнадцатилетний Жан Клод Лассе, правнук Жюля Верна, совершил недавно путешествие вокруг света за 80 часов. Самолет, на котором летел правнук великого французского писателя, строго придерживался того маршрута, по которому совершил свое замечательное путешествие Филеас Фогг, герой романа Жюля Верна «Вокруг света в восемьдесят дней».

Содержание журнала «Пионер» за 1958 год

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

СТИХИ

НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

ОЧЕРКИ И СТАТЬИ О ЖИЗНИ У НАС И ЗА РУБЕЖОМ

ОЧЕРКИ И СТАТЬИ О КОМСОМОЛЕ И КОМСОМОЛЬЦАХ

РАССКАЗЫ О ЛЮДЯХ С КОМСОМОЛЬСКИМ ЗНАЧКОМ

ШКОЛЬНАЯ И ПИОНЕРСКАЯ ЖИЗНЬ

Ответы на задачи, помещенные в № 11

ФАМИЛИЯ ВЕЛИКОГО МАТЕМАТИКА

Ответ на арифметический пример — ТРИ.

Заданные слова: 1. Австралия. 2. Тире. 3. Крит. 4. Виктор. Вычеркивая из этих слов буквы «т», «р», «и», вы получите в остатке следующие буквы: А, В, С, А, Л, Я, Е, К, В, К, О, из которых составляется фамилия великого русского математика: КОВАЛЕВСКАЯ (Софья Васильевна).

ЗАДАЧА С ПОДСКАЗКОЙ

Семеро одного не ждут.

НЕВЕРОЯТНЫЙ СЛУЧАЙ

1. Сом. 2. Муравьед. 3. Дикобраз. 4. Заяц. 5. Цапля. 6. Ястреб. 7. Бегемот. 8. Тарантул. 9. Леопард. 10. Динго. 11. Орел. 12. Лисица. 13. Альбатрос. 14. Страус. 15. Слон. 16. Носорог. 17. Горилла. 18. Аист. 19. Тигр. 20. Рак. 21. Крокодил. 22. Лев. 23. Волк. 24. Кенгуру. 25. Уж. 26. Жираф.

Редколлегия: **Ильина Н. В.** (редактор), **Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орджоникидзе В. Н.** (заместитель редактора), **Орлов В. И., Поддубная В. А.** (ответственный секретарь), **Прилежаева М. П., Сотник Ю. В., Тимофеева Г. Я., Шмаринов Д. А.**

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710, тел. Д 3-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **А. Ефимова.**

А 05382. Подписано к печати 22/XI 1958 г. Тираж 400 000 экз. Изд. № 1392. Заказ № 2549.
Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

НЕЛЬЗЯ:

Вешать на елку легковоспламеняющиеся игрушки и осыпать их бертолетовой солью.
Пользоваться хлопушками и бенгальскими огнями.
Освещать елку свечами.
Вешать на елку гирлянды лампочек со скрученными проводами и нарушенной изоляцией.

ЭТО МОЖЕТ ПРИВЕСТИ К ПОЖАРУ.

Цена 2 р. 50 к.

15/1-35

СОБИРАЯСЬ В ПОХОД...

Рисунки Н. Кирпичевой.

Запомни: мягкие вещи надо укладывать вдоль задней стенки рюкзака, так, чтобы они приходились к спине (2). Более тяжелые вещи (котелок, консервы и т. д.) помещают в нижней части рюкзака и по бокам; крупу, соль, сахар и другие сыпучие продукты держат в отдельных мешочках и укладывают в середине рюкзака; хлеб, завернутый в бумагу или салфетку, кладут сверху, чтобы он не крошился в пути (3).

Умывальные принадлежности держи в одном из боковых карманов рюкзака; второй боковой карман можно отвести для предметов коллективного снаряжения, а в среднем кармане — место для книжки (4).